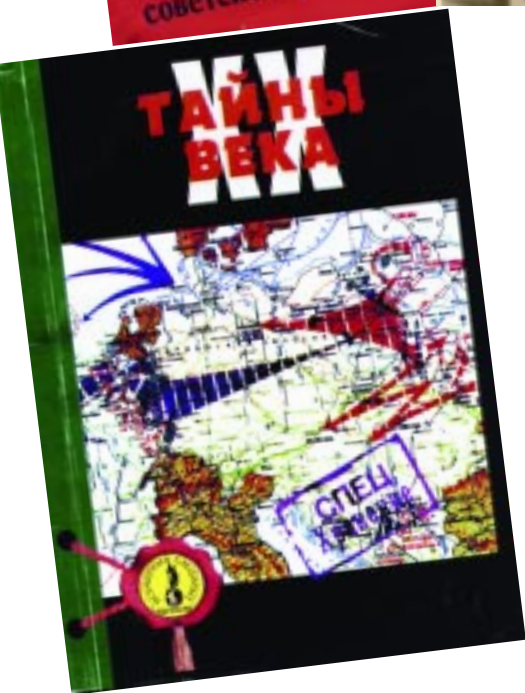

МАРТИН БОРМАН— ПЕШКА В РУКЕ СТАЛИНА

**Москва
2005**

Борис Павлович Тартаковский первым в России заговорил о том, что Мартин Борман был доставлен в Москву в мае 1945-го года. Если Борман советский агент, засланный в Германию задолго до прихода Гитлера к власти, то тогда не могло быть и речи о внезапном нападении фашистов на Россию 22 июня 1941-го года.

Джон Девис, он же Кристофер Крейтон, который якобы и похитил Бормана во славу Англии в мае 1945-го года.

Даже если он и совершил этот подвиг, то написанная им в традициях барона Мюнхаузена книга вызывает здоровый смех.

Анализ его охотничьих баек, а также других забавных книг о Мартине Бормане, представляем на суд читателей.

Мартин Борман — агент советской разведки
© *Наследники Бориса ТАРТАКОВСКОГО, 2004*

Рисунок на обложке.
Побег Мартина Бормана
в трех различных направления одновременно
© *Бронислав ГОРЬ, 2004*
© *Наследники художника Петра БЕЛОВА, 2004*

МАРТИН БОРМАН — АГЕНТ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Борис Тартаковский — военный писатель, участник Великой Отечественной войны. Служил в Советской Армии и Войске Польском. Награжден советскими, польскими, чехословацкими и югославскими орденами и медалями.

Из-под пера писателя вышли такие известные произведения о разведчиках, как «Секретная миссия» и «Бесстрашный комбат». Работу над материалом о Мартине Бормане писатель начал после того, как его умирающий друг — Маршал Советского Союза А.И.

Еременко доверил ему важнейшую государственную тайну, а именно: Борман — агент советской разведки, и попросил молодого писателя заняться этой темой. Двадцать лет кропотливой работы позволили Борису Тартаковскому с полным основанием утверждать, что ближайший сподвижник Гитлера рейхслайтер Мартин Борман — на самом деле советский разведчик.

И что же из этого следует?

Документально-художественная повесть Бориса Тартаковского охватывает десятки лет широкого воено-политического и геополитического фона. Вместе с его героями читатели побывают в кабинетах Сталина и Гитлера и совершенно иными глазами посмотрят на предысторию Великой Отечественной войны.

В журнале «Коммерческий вестник» два года с продолжением печатается новая книга Тартаковского «Личный шифровальщик» Гитлера, в которой рассказывается о другом советском разведчике, работавшем в логове врага и знавшем главные секреты фюрера.

ПРОЛОГ

Августовским утром у меня зазвонил телефон:

— Павел Борисович!

— Да.

— Звонит адъютант Андрея Ивановича.

— Слушаю.

— Андрей Иванович просил срочно приехать.

— Сейчас выезжаю.

Через двадцать минут моя «Волга» остановилась у Серебрянического переулка.

Быстро поднявшись на третий этаж, я постучал в палату номер семь.

Тихо открыв дверь, я вошел в большую комнату. Маршал лежал на единственной кровати недалеко от окна, в раму которого был вставлен кондиционер.

Андрей Иванович тяжело дышал. Он поднял голову, посмотрел на меня и с трудом подал мне руку.

— Садись. Времени у меня мало, поэтому, давай сразу к делу: помнишь я рассказывал тебе об одном супер-разведчике — Маршал слегка приподнялся и приблизил свое лицо ко мне. — Это был... — Он еле слышно прошептал фамилию. Я отпрянул.

— Неужели?

— Да, это был он.

— О том, что он наш, мало кто знал. — Андрей Иванович вздохнул и мучительно закашлялся. — Подбери о нем материал. Напиши. — Маршал снова закашлялся. — О нем много зная Аркуша.

В комнату зашла медсестра, а затем врач.

— Мы просим вас уйти, — обратилась она ко мне. — У него опять приступ.

Я подошел к кровати и пожал ослабевшую руку.

— До свидания.

Маршал кивнул и с трудом вздохнул:

— Не забывай меня.

Я молча вышел из палаты.

Через два дня на экране телевизора показали портрет маршала в черной рамке.

СТАЛИН: С НАЗНАЧЕНИЕМ СОГЛАСЕН

...Теплым майским днем корпус червоных казаков посетил дорогой гость. С делегацией немецких рабочих в расположении кавалеристов приехал Эрнст Тельман. Его сопровождали комкоры Берзин и Артузов.

Торжественную встречу организовали кавалеристы Тельману. На самодельную трибуну, обитую кумачом, поднялись гости и командование. Рысью, с пашками наголо проходили перед трибуной полки 2-й Червоноказачьей дивизии имени Немецкой Коммунистической партии. Громкое «ура» гремело над огромным полем.

— Просим выступить товарища Тельмана! — отретпетированно скандировали молодые бойцы, которые готовились к этой встрече с утра. — Ура вождю немецкого пролетариата! Ура! Ура!

Тельман поднял руку, и все стихло.

— Геноссе! — неожиданно на высоких нотах воскликнул он. — Я счастлив передать вам привет от немецкого пролетариата! А теперь разрешите огласить письмо Компартии Германии к красным воинам.

Волнуясь, Тельман начал читать:

Дорогие товарищи!

Центральный Комитет Коммунистической партии Германии с радостью принял почетное звание шефа 2-й Червоноказачьей дивизии. Мы отдаем себе ясный отчет в том, какие огромные обязанности возлагает на нас принятие шефства. Мы уверены, что шефство компартии Германии над Червоным казачеством выльется в мощный союз германского пролетариата с Красной Армией. Да здравствует 2-я Червоноказачья дивизия!

Даздравствует Красная Армия! Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик! Ура героям, червоным казакам!»

Несколько дней гостил он у казаков. Как-то, гуляя после обеда по парку, неподалеку от расположения штаба, Берзин заговорил с Тельманом.

— Мы должны действовать. Нам нужны верные люди, которых можно было бы внедрить в окружение Гитлера. Мы должны знать о всех его замыслах.

Немногословный Тельман повернулся к Берзину, посмотрел на него прямым взглядом и коротко обронил.

— Я вас понял. Подумаем.

После небольшого молчания, он продолжил:

— У меня есть хороший товарищ из союза «Спартак». Поговорю с ним. Я его знаю с 1918 года. Мне кажется, он подойдет.

* * *

...Секретарь бесшумно вошел в кабинет Сталина и положил на стол плотный запечатанный пакет. Лысый, кругленький, секретарь катался по кабинету, как колобок, и также бесшумно выкатился.

Вскрыв пакет, Генеральный бегло просмотрел 8 листов машинописи, потом принялся внимательно читать. Допив стакан чая, отворил неприметную дверь в отделанной мореным дубом стене и отнес пакет в смежную с кабинетом комнату, куда не было доступа никому.

Да, он не ошибся, предполагая назначить Артузова на ответственный пост руководителя контрразведки. Пускай этот обрусевший швейцарец пока послужит революции... до поры, до времени.

Характеристики Дзержинского и командования Красной Армии подтверждали, что этот человек, на первый взгляд казавшийся ему флегматиком, обладает нужными качествами политика и разведчика.

Особенно Сталин внимательно изучил рекомендацию Дзержинского, который настойчиво советовал «ис-

пользовать Артузова на государственных должностях, где требуются острая наблюдательность и искусство дипломатического лавирования, а также на должность, где мог быть полезен его широкий кругозор».

В других документах, подписанных руководителями внутреннего контроля за работниками ОГПУ и членами их семей, также отмечались лишь положительные качества кандидата.

Сталин взял карандаш и медленно вывел резолюцию:

С назначением согласен. И. С.

ВСТРЕЧА ТЕЛЬМАНА С «КАРЛОМ»

Через несколько месяцев Тельман встретил своего старого товарища, известного в партии под псевдонимом Карл, на похоронах убитой активистки социал-демократического движения Марты Зингер.

Несколько десятков тысяч социал-демократов и коммунистов собрались отдать последний долг славной антифашистке. Соблюдая обычную конспирацию, Тэдди и Карл встретились на конспиративной квартире.

Они долго сидели за холодным кофе, обсуждая обстановку в стране и мире, потом начали говорить о друзьях и близких. Но Карл все время чувствовал, что Эрнст намерен с ним говорить о чем-то серьезном.

И вот настала эта минута.

Тельман достал из кармана программу национал-социалистической партии Германии, принятой в Мюнхене, и начал читать:

Мы требуем пространства и земли для пропитания нашего народа и расселения избытка нашего населения. Мы будем добиваться этого силой.

— Ты это читал? — спросил Тельман.

— Конечно. Гитлер хочет войны. Вначале он задует нас, а потом перебьет славян.

Тельман кивнул на свежий номер «Фолькишер Beobachter», лежащий на столе:

— Розенберг в комментарии предельно откровенен. Слушай, что он пишет: «Противоречит всякому естественному порядку, что 36 миллионов французов располагают большим пространством, чем 68 миллионов немцев, что на одного русского приходится земли больше в 20 раз, чем на одного немца. Национал-социализм видит в марксистском мировоззрении своего смертельного врага. Важнейшей целью НСДАП является: преодолеть и уничтожить это мировоззрение, а также... обезвредить его основных представителей».

Друзья переглянулись: это же их намеревались вскоре обезвредить? Но явно пропагандистский разговор им был совершенно не нужен. Они уже давно научились понимать друг друга с полуслова. Но таков уж Тельман: всегда не прочь поговорить.

Друзья помолчали, потом Тельман добавил:

— Прямо адресовано нам с тобой. Рассчитывают фашисты и нас отправить следом за Мартой. Покончат с коммунистами, социал-демократами здесь, прижмут к ногтю всех, кто не с ними, а потом... Потом начнут расширять «пространство». Как это у них сказано: «Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы можем думать в первую очередь о России и подчиненных ей пограничных государствах».

Карл осуждающе покачал головой:

— Это война. Большая и кровавая война. Против Союза. И нам надо сделать все, чтобы сорвать эти дьявольские планы.

Тельман улыбнулся горячности молодого человека:

— Такого же мнения и русские товарищи. Они рассчитывают на наше тесное сотрудничество в общей борьбе с фашизмом. Я думаю, что ты — один из тех, кто мог бы принести в этом большую пользу. Такого же мнения и Вильгельм Пик. Догадываешься, куда я клоню, Мартин? — впервые, с особым значением, назвал настоящее имя собеседника Тельман.

— Думаю, что да, раз ты так считаешь, раз это нужно, то я согласен. А конкретнее?

— Это без преувеличения архиважное секретное задание партии. И о нем будут знать только трое: я, ты и Вильгельм. Ну, а теперь конкретно...

РАЗВЕДЧИКИ

Через месяц в Ленинградском порту с советского корабля «Чернышев» на берег сошел широкоплечий блондин среднего роста, с крутым лбом и голубыми глазами. Одет он был в серый плащ-дождевик и черный берет. В руках у незнакомца был небольшой фабричный фибровый чемоданчик.

У трапа гостя встретили двое военных. Мужчина среднего роста с бородкой клинышком подошел к нему и протянул ему руку:

— Артузов.

— Карл.

— Мы рады вашему приезду.

— Спасибо.

Артузов показал рукой на стоящий неподалеку служебный автомобиль.

— Прошу вас.

Карл поднял чемоданчик и сказал:

— Геноссе, я в вашем распоряжении.

Познакомим же читателя с одним из пассажиров этой машины.

Артур Христианович Артузов (Фраучи). Видный советский разведчик, организатор многих разведывательных и контрразведывательных операций. Отец Артузова — Христиан Фраучи — швейцарский сыровар, приехал в Россию за сорок лет до революции.

Артур Артузов был способным юношей. Он блестяще окончил Новгородскую классическую гимназию. В 1916 году получил диплом инженера-металлурга в Петербургском политехническом институте. Богато ода-

ренный от природы, он отлично рисовал, любил музыку, хорошо пел. Революцию Артузов встретил на Уральском заводе, где работал инженером.

В июле 1918 года Артур вступает в РКП(б), принимает деятельное участие в разгроме английских интервентов в Архангельске и на берегу Белого моря.

В 1920-м Артузов возглавляет контрразведывательную работу на фронте против белополяков, а вскоре становится одним из ведущих руководителей советской разведки и контрразведки. Бормана он заметил, когда тот, попав в плен в Прибалтике, сидел у них в лагере в Осташкове. Предстояло познакомиться поближе.

В СОВЕТСКОЙ СТОЛИЦЕ

...Машина неслась по Ленинградскому шоссе к Москве. Упоительно-горько пахла трава. Дорожная пыль, врываясь в припрущенное стекло, щекотала ноздри.

Позади остались Бологое, Калинин, Клин... Артузов и Карл вели неторопливую беседу. Гость был лично знаком с Гитлером и много рассказывал о нем, о его окружении. Познакомились еще в Первую Мировую, когда Гитлер был ранен. После войны и госпиталя Гитлер успешно работал маляром, мелким розничным торговцем на улице. Занимался малярным делом и гость.

После ноябрьской революции в Германии, которую помогали планировать в СССР, Гитлер добровольно вступил в один из контрреволюционных отрядов, участвовал в кровавом подавлении Баварской советской республики. Служил охранником в концлагере.

Поздно ночью машина остановилась в Варсонофьевском переулке около подъезда дома № 10.

Артузов вышел из машины и сказал:
— Пойдем. Переночуешь у меня.

Карл согласно кивнул, произнес по-немецки: «Гут!»

Несмотря на позднее время, в семье Артузова еще не спали. Дети с шумом бросились к отцу:

— Папа! Папа приехал!

— Знакомьтесь. Это друг моего детства, товарищ, — сказал Артур Христианович.

Ужин был скромным, но обильным. Дети рассказывали отцу о своих делах, о жизни собаки Тумана и волнистых попугайчиков: двух Петек, Ромки и Окошки.

После ужина дети повели гостя смотреть попугаев.

Два дня у немецкого товарища ушли на знакомство с Москвой. Карл был немногословен и любознателен. Ему нравилась Москва. По просьбе Артузова гость стал отпускать бороду и переоделся в новый костюм. Изменение внешности — первая заповедь конспирации.

Огромное впечатление на гостя произвел парад на Красной площади. Помнится, он не сводил глаз со Сталина, который стоял в центре трибуны мавзолея, чуть поодаль от остальных вождей. Сталин был первым, кого искали взгляды всех вступающих на Красную площадь. Узнавали сразу, хоть было немыслимо далеко. Все, как на бесчисленных портретах и фотографиях: усы, фуражка, неизменная трубка в руке. Приветствуя демонстрантов легким помахиванием руки, вождь или его двойник по-хозяйски прохаживался по трибуне мавзолея.

Внимательно разглядывая стоящих на трибунах, Карл, обратил внимание на группу в парадной форме — военных атташе разных стран. Среди них выделялась фигура высокого стройного немецкого офицера.

«Черт возьми! — подумал Карл. — Да ведь это же сам Манштейн! Мой командир батальона на фронте. Уже в таком высоком звании — оберет... Хорошо, что по совету Артузова я отпустил бородку. Далеко, правда, до него, но, кто знает: насколько помнится, герр оберет хорошо запоминал лица подчиненных...»

Через несколько дней Артур Христианович привел Карла в гости к сестре Евгении Христиановне Фраучи, проживавшей в Столешниковом переулке. Карлу нравился небогатый, скромный, но честный быт советских

людей. Карл с удовольствием играл в шахматы с племянниками Артузова Гаем и Витей.

В воскресенье всей компанией отправились за город. Добирались на электричке, и Карл запоминал дорогу. На даче, в Голицино, было шумно и весело. Большой участок государственной дачи, которую Артузов называл хутором, был огорожен штакетником.

На участке росли любимые цветы Артура Христиановича — люпинусы, за которыми он ухаживал. В центре на клумбе цвели крупные красные георгины.

На хуторе стояло два дома. Один высился на переднем плане, второй — в глубине участка. В первом доме жила семья Артузова. Во втором, небольшом, бревенчатом доме были кабинет и спальня хозяина.

На краю участка были оборудованы волейбольная площадка и площадка для игры в крокет.

Гостя поместили в маленьком домике, на небольшой стеклянной террасе. На соседнем участке стоял каменный дом с большими стеклянными окнами. Здесь с ним проводились занятия — с девяти утра до десяти вечера.

Берзин поставил перед Артузовым цель: за месяц ознакомить гостя с основами разведывательной работы.

Соблюдался строгий порядок: сорок минут — занятия, двадцать минут — перерыв. Через четыре часа обед, потом полдник и ужин. И так, день за днем.

Никто не мешал занятиям. Только изредка, со смехом пробегал мимо окон кто-то из детей, игравших в казаки-разбойники. Дети привыкли к гостю. По вечерам они собирались у крыльца домика и хором приглашали дядю Карла поиграть в крокет.

На занятиях кроме штатного преподавателя постоянно, присутствовала переводчица — Антонина Ульмер — молодая женщина с длинной косой и голубыми глазами. Два раза в неделю Берзин приезжал в маленький домик, который называл «скитом», и беседовал с Карлом. Только Берзин и Артузов знали настоящее имя и фами-

лию гостя — Мартин Борман, 1900 года рождения, холост, член коммунистической партии Германии, личный друг Эрнста Тельмана...

На три дня Артузову и Борману удалось выбраться на охоту. Им повезло — подстрелили кабана. После охоты допоздна засиделись на хуторе лесника в большом рубленом доме с незатейливыми наличниками. От русской печки шел благодатный жар, вкусно пахло мясом и горячими пирогами. Задумчиво глядя на мерцание потухающих углей, Борман рассказывал по-русски:

— Меня воспитала мать. Она, помню, говорила: «Жизнь — это постоянная борьба, надо иметь сильную волю, характер». Таким я и старался быть. Не хочу меняться, стать другим, именно поэтому часто и оказываюсь в одиночестве. Говорят, что у меня, мол, грустный и одинокий вид. Может, и так — люблю бывать один, с людьми схожусь не сразу и не просто, предпочитаю, как говорят русские, прежде съесть пуд соли.

Он вспоминал о своей трудовой семье, службе в кайзеровской армии, как попал в плен к русским в 1919-м, о монастыре в Осташкове, где был его концлагерь ГРУ.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТАЛИНУ

В субботний вечер Артузов пригласил Бормана в Малый театр на пьесу «Собака на сене». Здесь их встретила старая знакомая Артура Христиановича — жена комиссара Иркутской дивизии Левкович-Блюменаль.

Ася Соломонова работала в театре заместителем директора. Проводив гостей в ложу, она ушла. Вскоре начался спектакль. Артузов осмотрелся.

В соседней ложе сидели Сталин с женой Надеждой Аллилуевой. Сталин повернулся в сторону Артузова и кивнул, здороваясь. В антракте их пригласили в правительственную ложу. Артур Христианович по своейски представил вождю Мартина как своего старого друга — немецкого коммуниста.

Сталин с интересом расспрашивал Бормана об обстановке в Германии. Когда их мнения совпадали, Сталин согласно кивал. Больше всего Сталин не любил вспоминать, что и он причастен к подготовке восстания в Баварии, в успех которого он сам не верил и которое было подавлено, но ему было интересно мнение молодого немца на сей счет. Когда Мартин не мог четко передать свою мысль по-русски, помогала Надежда — она прилично владела немецким.

В соседней комнате Ася Соломонова накрыла стол, угостила чаем с шоколадными конфетами и вкуснейшим печеньем. Сталин держался по-простому, много шутил, улыбался, но когда Мартин встречал его взгляд, то чувствовал: выдержать его, ох, как нелегко...

Прощаясь, Сталин сказал, что был рад знакомству.

После посещения театра Борман никак не мог побороть возбуждение. Советский вожь произвел на него огромное впечатление. «Великий и добрый человек», — говорил он сам себе, довольный знакомством.

В один из темных вечеров, когда в учреждении никого не было, Артузов привел Бормана к Берзину, которого сослуживцы уважительно называли «стариком».

На стенах просторного кабинета — портреты Ленина и Фрунзе. На столе — несколько телефонов. На стене зашторенная карта, по-видимому, карта мира. Настольная лампа под зеленым стеклянным абажуром. Жесткие стулья у стола. Рядом — под углом еще один небольшой стол поуже и поменьше, на нем разложена большая карта Германии.

* * *

...Секретарь поставила на стол поднос с кофейником и чашками.

— Наташа! Прошу ко мне никого не пускать.

Артузов разлил в чашки кофе.

Берзин отпил глоток и спросил у Мартина, как у него обстоит с иностранными языками. Тот улыбнулся:

— В анкете значится: национальность — немец, знаю немного русский, французский, английский, понимаю голландский.

— Это хорошо. — Берзин задумался. Повернувшись к Артузову, сказал: — Никаких личных дел, бумажек, подписей, названий. Будем работать в условиях самого большого секрета. — Он встал, прошелся по кабинету, снова сел в старинное кресло с высокой спинкой.

— Задание серьезное. Пробриться в высший эшелон националистической партии, и для этого придется активно участвовать в гитлеровском движении. Учтите: разведке нужны не просто смельчаки, а люди незаурядные, выдающегося ума, с воображением, умеющие самостоятельно и быстро ориентироваться в самой сложной обстановке. — Он улыбнулся.

Борман внимательно слушал. Берзин продолжал:

— Работать будете один. При всем нашем желании мы не сумеем вовремя дать вам нужный совет. Как считаете, это задание вам по силам?

Карл молча кивнул.

— Добро! — Берзин повернулся к Артузову. — Продумаем вопросы секретности. Из бумаг только приказ. Ни фотографии, ни клочка бумаги, написанной его рукой, не должно быть, не говоря уже об отпечатках пальцев. Он должен работать как разведчик «три ноля».

Берзин взял красную сафьяновую папку и достал из нее плотный лист бумаги. Дважды внимательно прочитав приказ, сделал на нем замысловатую подпись.

Главное управление разведки Красной Армии

Совершенно секретно

Особой важности

Только один экземпляр в дело

П Р И К А З

Включить в оперативную работу товарища 31247Ш15121712 присвоив ему шифр-пароль «Карл-Курт-Трук».

Выход на задание по особому секретному приказу. Связь по особым каналам под руководством сотрудника 31/13. О получении сообщений от товарища Трук докладывать немедленно.

Шифр связи: 01324450

Нач. ГРУ РККА

Подпись

*Зам. нач. ГРУ по секретным
и иностранным делам*

Подпись

Слабая улыбка тронула губы начальника ГРУ:

— Кругом сплошные «нули», Артур Христианович. О нем должны знать пока ты да я. На личную связь высы- лать людей в самом крайнем случае.

— Слушаюсь,

— Для организации с ним технической связи — ото- брать группу самых надежных сотрудников.

Он подошел к Борману и крепко обнял его за плечи:

— Заканчивайте подготовку — и за дело!

— Спасибо! Буду стараться.

Борман отошел к двери, четко повернулся и поднял правую, сжатую в кулак руку:

— Рот фронт!

Перед отъездом Борман вновь встретился с Берзи- ным и Артузовым. Разговор на государственной даче в Сосновке был долгим и обстоятельным. Ставя задачу перед Мартином, Берзин тихо, но твердо сказал:

— Внедряйтесь. Года три, четыре мы не будем вас беспокоить. Живите их жизнью, приближайтесь к Гит- леру и их окружению. Вступайте в партию Гитлера. Де- нег не жалейте, заводите знакомства. Мы будем следить за вами и помогать во всем. Когда нужно будет вклю- читься в работу, мы дадим сигнал, на связи с вами будет работать немецкий коммунист товарищ Ройтберг. Сиг- нал для начала работы — бокал с буквами Б и М.

Артузов нажал кнопку звонка. Вошел молодежавший адъютант Александр Копач.

— Попросите, пожалуйста, товарища Ройтберга.

Через минуту в комнату входил высокий голубоглазый блондин в новеньком мундире.

— Гутен так, геноссе.

— Знакомьтесь.

Борман пожал Ройтбергу руку.

— Запомните друг друга, — предложил Артузов. Через минуту Ройтберг вышел. Артузов продолжил разговор: — Мы оснастим вас новейшей техникой. Советские инженеры изобрели одну вещь: «Микроточку».

Борман поднял голову.

— Интересно. Что это такое?

— Это гордость разведывательной мысли. «Микроточка» дает возможность уменьшить страницу машинописного текста до размеров точки, она впечатывается в письмо самого невинного содержания или под почтовую марку. После приезда на родину поступите на работу в Боливийскую экспортную контору в Берлине, оттуда будете получать нужные вам средства. Фирма будет представлена вашими дальними родственниками. Один из них вскоре оставит вам большое наследство. Мы будем давать вам в трудную минуту советы, через адвокатную контору Гринвальда. Вы все поняли?

Борман кивнул.

Артузов продолжал:

— Установите знакомство с военными, промышленниками, старайтесь быть среди них своим человеком. Изучите характер Гитлера, всех его приближенных. Ваша задача — стать ближайшим советником фюрера, чтобы ему было трудно без вас. Ройтберга мы устроим в таком заведении, где вы сумеете с ним встречаться и при надобности передавать шифровки.

К разговору подключился Берзин.

— Еще раз хочу вас попросить: не торопите события. Внедряйтесь, укрепляйте свое положение в окружении Гитлера. Мы в свою очередь будем популяризи-

вать ваше имя в Германии и среди членов в нацистской партии. Популяризировать будем разными способами. Порой, наверное, не все вам будет нравиться. Но вы держитесь. Мы используем печать, радио, будем распускать определенные слухи. От вас возможно, отвернуться старые друзья. Вы останетесь один. Это очень трудная работа. Как вы считаете, — неожиданно спросил Берзин: — вам по силам такая жизнь?

Берзин и Артузов нимательно смотрели на него. Мартин сжал губы и твердо произнес:

— Справлюсь.

Берзин повернулся к Артузову.

— Из бумаг будет только приказ. Ни фотографии, ни клочка бумаги, подписанной его рукой у нас не должно быть. Проследите за тем, чтобы не осталось ни одного отпечатка пальцев. Он должен работать как разведчик «три ноля». Повторяю — «три ноля». Впрочем, не мне тебя учить, Артур Христианович. О нем не должен знать никто. На личную связь посылать к нему людей только в самом крайнем случае.

Он подошел к Борману и крепко обнял его за плечи:

— Счастливой работы.

Мартин пожал ему руку:

— Спасибо!

Возвращение Мартина в Германию советская разведка организовала «по сухопутному» варианту. Руководство переброской осуществлял ответственный сотрудник разведки Пиляр. Ранним утром Мартина провели через окно на польской границе. После этого он пересек границу на горном участке с Чехословакией.

Оттуда Борман прошел по туристскому маршруту от Праги до Карловых Вар, а потом проследовал через Судетскую область, останавливаясь в маленьких гостиницах, у лесников, в туристских домиках.

Мартин вернулся домой загорелый и окрепший. Всем знакомым он говорил, что отдыхал в горах.

«ТРУДЯГА МАРТИН — РАЗВЕДЧИК 000»

И вновь, как и до отъезда, стал усердно посещать пивные, где собирались последователи Гитлера, пил пиво, угощал других и первым запевал песни нацистов.

Жил он одиноко. Порой ему было тоскливо. У него не было друзей. С годами Мартин понял, что никогда нельзя выдавать свое настроение. Это может быть опасным. Надо всегда быть начеку. Ведь даже намеком можно выдать себя. Уши и глаза были везде. Он должен был сделать карьеру в нацистской партии, а потому спешил на митинги, где выступал Гитлер или его приближенные, не отказываясь ни от какой работы.

В штабе движения Мартин считался лучшим составителем документов. Он оформлял планы митингов, походов наступления на социал-демократов.

Вскоре за ним закрепилось, как и было намечено, прозвище «Трудяга Мартин». У него бывали дни депрессией, дурное настроение, с годами он научился управлять страстями. Его стандартной реакцией на критику был гнев. Вспышки гнева очищали его.

Люди пытались влезть к нему в душу, но это никому не удавалось... И окружающие стали бояться его. Они знали, что в его руках, в его картотеке хранились малоприятные секреты на каждого из них.

В январе 1930-го года все нацистские газеты Германии сообщили о смерти во время пьяной драки командира отряда штурмовиков штурм-фюрера Хорста Весселя. Пьянчужка, драчун и сутенер, теоретик социализма, который балуется стихами, отбил у уголовника Али Хеллера вокзальную проститутку Эрну Эникке.

С этого и началось нацистское бессмертие Весселя.

«Вессель открыл дверь, и я сразу все понял, — рассказывал потом на суде хриплым голосом Али. — Я увидел, что его рука потянулась к заднему карману брюк. Он стал доставать пистолет. Я мгновенно сообразил: «Этот парень укокошит меня»

Хеллер выстрелил первым и сказал упавшему на пол Весселю: «Ты знаешь, за что получил»

Один сутенер убил другого сутенера. Но строителям немецкого социализма нужен был мученик, чья смерть оправдала бы террор национал-социалистов.

Борман понял, что активное участие в похоронах Весселя и в его дальнейшем прославлении увеличит его популярность среди национал-социалистов. Вместе с Гейбельсом он шел за гробом погибшего сутенера, подерживая за локоть одетую в траур Эрну.

На кладбище Борман произнес пышную речь, обещая отомстить коммунистам за смерть «верного друга».

Борман многое сделал, чтобы превратить Хорста Весселя в борца за новую социалистическую Германию, в героя, которому должна поклоняться вся немецкая молодежь. Гитлер отметил активное участие Бормана в компании прославления убиенного нациста. По его приказу Мартин был введен в состав «Вессельсовета» — общества, прославляющего нациста-сутенера.

Медленно, но верно популярность Бормана росла.

Каждую неделю фюрер собирал на обед приближенных членов партии. Но Бормана не приглашали. С помощью ценного подарка он уговорил дежурного адъютанта Гитлера Вайса устроить такое приглашение.

Когда все сели за стол, раздался телефонный звонок. Адъютант подошел к аппарату. Вызывали Бормана. Переговорив, он подошел к фюреру, извинившись, сказал что очень сожалеет, но его вызывают на работу. «С моей службы трудно отлучиться даже для обеда с фюрером», — вздохнул он с сожалением.

Покачав головой, Гитлер сказал Гессу:

— Надо же, каков работяга!

Вскоре Мартина познакомили с пышной блондинкой Гердой Буш — дочерью фюрера суда чести — Вальтера Буша. Суд чести работал вовсю, и Буш был приближенным Гитлера. Из-за своего поста пользовался

большим влиянием в среде нацистов. Через три месяца знакомства молодые сыграли свадьбу.

Для свадьбы был снят ресторан на триста мест. Мартин денег не жалел. В центральном зале ресторана рядом с молодыми сидели Гитлер, Геринг, Геббельс другие вожди национал-социализма. Гуляли широко. Ресторан охранял батальон штурмовиков. Борман приказал выкатить им три бочки пива и сосиски с капустой.

Все говорили, что Борман сделал карьеру, женившись на Герде. Герда была яркой сторонницей Гитлера. Даже на своей свадьбе, в разгар всеобщего веселья, она, подняв бокал и повернувшись в сторону Гитлера, сказала: «Под руководством великого фюрера мы добьемся того, что славяне будут рабами арийцев».

Гитлер подошел к Герде и поцеловал ее в щеку, сияющему Мартину фюрер пожал руку.

Через месяц после женитьбы Борман стал руководить «фондом НСДАП». Фонд оказался той силой, которая после прихода Гитлера к власти привела Бормана к незримому могуществу в национал-социализме.

Вскоре после свадьбы Борманы переехали в двухэтажный особняк в пригороде Берлина. Сына, родившегося в 1930-м году, Мартин назвал Адольфом. Шафер на свадьбе, Гитлер был и крестным отцом первенца. Он подарил матери крестника свою картину, а крестнику — набор серебряных ложечек «на каждый зубок».

Герда родила Мартину десятерых. В кругах берлинцев ходили слухи, что они не все были похожи на Бормана. Кое-кто из родственников Герды говорил, что маленький Адольф был похож на фюрера. Гитлер неоднократно ставил ее в пример, говоря, что она является истинной немецкой женщиной-Брунхильдой.

* * *

По своим каналам Борман узнал об ожидаемом выступлении Тельмана в спортклубе. Несмотря ни на что,

Мартин решил пойти послушать «Тедди». Переодевшись, вошел в переполненный зал. Под приветственные крики товарищей Тельман поднялся на трибуну.

Он заявил, что ситуация для партии очень серьезна: «Сегодня существует угроза ее уничтожения. Нас ждет не только ликвидация остатков прав рабочих, запрет партии, не и произвол фашистской кастовой юстиции с применением всех форм фашистского террора».

Это было последнее выступление Тельмана перед активом партии. Предсказание, к сожалению, сбылось очень скоро и, прежде всего, в отношении его самого.

Через несколько дней после очередного доклада Гитлер спросил у Мартина:

— Зачем ты ходил в спортпалас?

— А что, уже доложили?

— Разумеется.

— Слушал Тельмана. Ты ведь сам говорил, что для того, чтобы врага бить, надо его знать.

— Правильно, мои слова, — согласился Гитлер. А Мартин подумал про себя: «Партайгеноссе Гиммлер работает хорошо, и надо быть осторожнее».

* * *

Шли годы. До прихода Гитлера к власти Мартин Борман работал снабженцем штаба мюнхенских штурмовых отрядов — чрезвычайно преданных Гитлеру.

Он брал простецким обхождением, участвовал в компаниях в небольших пивных и ресторанчиках, не жалел денег на угощение товарищей. Начальству он угождал игрой на их слабостях и неслыханной исполнительностью. Сидя в мюнхенской пивной за большим столом, он всегда успевал первым поднять тост за фюрера.

Работал он днем и ночью и этим качество подкупил Гесса, когда тот создавал бюро связи нацистской партии с правительством. Когда встал вопрос о том, кто бы возглавил это бюро, многие заговорили о Бормане.

Вскоре Борман и был назначен начальником штаба Гесса. В тогдашней иерархии это был большой скачек вверх. По долгу службы Борман не раз посещал Оберзальцберг — место пребывания Гитлера.

Поначалу он понимающе помалкивал, в качестве статиста присутствуя при докладах Гесса Гитлеру. Но однажды Борман отважился на дельное замечание, и Гитлер с тех пор не упускал его из виду.

РЕСТОРАН «ЦЕЦИЛИЯ»

Осенью тридцать второго года в парковом районе Берлина было построено трехэтажное голубое здание ресторана с большим залом для варьете.

Хозяином ресторана был известных в националистических кругах Аргентины Вальтер Крюгер. Немец по происхождению, он после войны, в 1918 году, уехал в Аргентину, где сказочно разбогател.

Вместе с мужем хозяйничала в ресторане его красавица жена — голубоглазая златокудрая Цецилия.

Открытие такого ресторана было заметным событием для Берлина. На улице гостей встречал многолюдный оркестр, всем приглашенным вручались большие букеты цветов, привезенных из Аргентины.

И только считанные единицы — не в Германии, а далеко в России знали, что Цецилия Волынская капитан Красной Армии. Закончила Московский институт физкультуры и военный факультет 2-го Московского иняза. Около десяти лет проработала в разведке

В центральном зале были накрыты столы, на которые стояли дорогие сервизы и огромное количество яств всего мира, словно призванные поразить приглашенных.

В центре большого стола между супругами Крюгер сидел Адольф Гитлер. Справа и слева от них располагались Геринг, Гесс, Гейдрих, Гиммлер и Борман. За правым крылом стола сидели генералы, за левым — банкиры, фабриканты, берлинская знать.

Гитлер был в ударе, вопреки обыкновению выпил шампанского и не сводил глаз с мадам Цецилии.

— Какая ослепительная женщина, — говорил он Борману, — вот что значит арийская кровь. Наши службы досконально проверили. Эталон арийки.

Мартин внимательно посмотрел на молодую женщину. Ей было лет двадцать восемь. На влажных чувственных губах играла легкая улыбка. Лучистые серые глаза спокойно выдержали его взгляд. «Адольф прав, — подумал он. — Женщина редкой красоты».

В перерыве, когда Гитлер уехал, а остальные гости разбрелись по залам и комнатам, Цецилия подошла Борману и пригласила его в один из кабинетов для именитых гостей. Официант за буфетной стойкой поставил перед ним два бокала и фрукты.

Мартин посмотрел на свой бокал и вздрогнул. Перед ним стоял большой фужер с Б и М.

— Специально для вас мы подобрали фужер с вашими инициалами, — сказала Цецилия. — Посмотрите.

Мартин взял себя в руки. Он давно ждал этот день

— Пора начинать, — проговорила Цецилия.

Мартин кивнул.

— Я готов.

Женщина подняла бокал:

— За удачу!

— За нашу победу! — с чувством произнес Мартин.

КТО УБИЛ ГЕЛИ РАУБАЛЬ?

Любвеобильный Гитлер застрелил свою племянницу Гели Раубель. Социал-демократы и коммунисты подняли пропагандистскую кампанию против Гитлера.

В городах организовывались мощные многолюдные демонстрации, митинги, женские организации пикетировали правительственные учреждения.

Делом Раубель занялась прокуратура. При обыске у Гитлера нашли пачку фотографий обнаженной Гели, ко-

тору он фотографировал в различных позах. По законам буржуазной Германии это могло стать поводом для ареста Адольфа. Фотографии попали в руки полицейскому следователю. Гитлер был в отчаянии.

Напуганный Гитлер обратился к Борману, который и выкупил фотографии за огромную сумму. Расплачивался золотом партии. Предварительно сняв копии с фотографий, Мартин отдал их Гитлеру. На оплату выкупленных фотографий Борман потратил деньги из партийной кассы, а также золото, полученное от Артузова

Через год после закрытия дела об убийстве Гели Раубель разразился новый скандал: газеты и журналы вновь печатали статьи, компрометирующие Гитлера. Мартин вновь взялся за спасение фюрера. Борман взывал себе полицейского инспектора «крими» Генриха Мюллера и попросил его «урегулировать» это дело.

В 1931 году он еще не мог приказывать Мюллеру-гестапо. Тогда он мог только просить инспектора Мюллера, но полновесно оплачивать свою просьбу.

Мюллер выяснил, что убийство состоялось после того, как Гели сказала Бригите, жене двоюродного брата фюрера, что она беременна от еврейского артиста, который хочет на ней жениться. Рождественница рассказала об этом Адольфу. Фюрер рыдал, впадал в истерику. Его вопли были слышны во всей гостинице. Гели сказала ему, что он урод, что он ей противен, и она уедет в Вену с музыкантом. Гитлер не мог простить измену.

Об этом знал Мюллер, и знал Борман. Только двое.

Гели убили в те часы, когда в Мюнхене народ праздновал «Октоберфест» — шумную и веселую ярмарку. Номер девушки в дорогом отеле «Принцрегентплатц» был похож на поле боя. Никто ничего не слышал. Внизу в ресторане гремел оркестр. Подробностей никто знал.

Как-то в разговоре с Гитлером уже много позже Борман сказал: легче было бы убить того, к кому она собиралась уйти. Гитлер смутился.

— Геля умерла не потому, что собиралась уйти, а потому, что слишком много знала, — сказал он, взглядываясь в лицо Бормана. — Впрочем, все знаешь только ты, — добавил он. — А я на тебя надеюсь.

Борман понял, что стал хранителем тайн фюрера, это было и очень почетно, и очень опасно. Мартин доказал преданность Гитлеру многими делами. Иногда это доставляло ему серьезные неприятности.

Когда был убит учитель Вальтер Кадов, то выяснилось, что перед этим Борман обвинил его в измене арийской расе, грозил расправой. То, что делалось все по указанию Гитлера, никто не знал. С помощью адвокатов Борман вывернулся из беды. Он заявил на суде:

— Где хоть один подписанный мною документ? Где зафиксировано хотя бы одно мое слово? Я действительно обвинил Кадова в том, что он продался коммунистам, но не имею никакого отношения к убийству.

Борман получил год тюрьмы, условно, с зачетом нескольких недель отсидки в полицейском управлении. Убийцу Кадова Рудольфа Гесса приговорили к десяти годам каторжной тюрьмы. Гесс ни словом не обмолвился на процессе о том, кто был истинным организатором «ликвидации» Кадова.

Просидел он недолго: Гитлер не забыл своего соратника. Позже Гесс был назначен на хлебную должность — комендантом концлагеря Освенцим.

* * *

В одном из первых сообщений в Центр Борман писал:

Адольф Гитлер человек лукавый, замкнутый, сосредоточенный, очень работоспособный, склад ума мелочный. Наружность слащавая. Речь мягкая, угодливая. Движения рассчитанные, замедленные. Глаза постоянно улыбающиеся, вкрадчивые. Более хитер и фальшив, нежели умен и талантлив. Циник.

Фюрер немало времени проводил в комнате, сплошь увешанной картами всех континентов. Над большим камином висела карта Германии.

В соседнем с его кабинетом помещении находился радиотелефонный пункт, как он говорил — «частный почтамт». Мощный радиопередатчик связывал Бергхоф не только с рейхсканцелярией, но и со всеми гарнизонами Германии и другими государствами. Редко кому разрешалось входить в «частный почтамт» фюрера. Таких можно пересчитать на пальцах одной руки.

Мартин был в числе тех, кого допускали туда.

После контузии, полученной в конце войны, Борман был немного косноязычен и поэтому редко выступал, зато умел прекрасно составлять деловые бумаги. Был умен, проницателен, но предпочитал свой ум скрывать под личиной грубоватого прямолинейного простодушия. Был всемогущ, но умел вести себя, как простой обыватель. Гитлеру это нравилось. И при случае фюрер противопоставлял Мартина напыщенному Герингу, хвастливому Геббельсу лукавому Гиммлеру.

В феврале 1933 года Гитлер запретил свыше 60 коммунистических и около 70 социал-демократических газет.

— Наконец, — хвастался Геббельс, — мы получили оружие против коммунистической печати. К апрелю все оппозиционные издания будут ликвидированы.

Гитлер и Борман приехали в Берлинский университет, где состоялось грандиозное аутодафе. 10 мая 1933 года на площади перед университетом был устроен огромный костер из книг. Его начали складывать еще с утра.

Студенты-нацисты под радостные возгласы толпы пачками таскали из публичных библиотек, оставив контрольные экземпляры для тех, кого эти книги бы заинтересовали, произведения Маркса и Ленина, Гейне и Стефана Цвейга, Эйнштейна и Спинозы, Томаса Манна и Ремарка, других ученых и писателей.

Когда стемнело, Гитлер и Геббельс подошли к груде книг с горящими факелами и зажгли ее. Сожжение было символическим. Толпа студентов и зевак кричала хором: «Горите, еврей Гейне, Фейхтвангер!» Здесь же у костра

Геббельс произнес, как всегда, зажигательную речь: «Студенты, студентки, вы совершили великое символическое деяние... Освященные пламенем этого костра, мы даем клятву верности рейху, науке и нашему фюреру Адольфу Гитлеру. Хайль! Хайль! Хайль!»

Сожжение действительно было символическим: все эти книги можно было беспрепятственно получить в библиотеке. Сжигали только списанные экземпляры.

* * *

Гитлера чрезвычайно интересовала Латинская Америка. В странах этого огромного континента жило большое количество немцев-колонистов, которых он хотел использовать в целях построения социализма.

В Аргентине, Уругвае, Парагвае были мощные немецкие общины. Как-то за ужином Гитлер поведал Борману свою идею. После разгрома Англии и России поднять движение немцев в Уругвае, Аргентине, Боливии, Парагвае. А потом через Мексику передвинуть отряды националистов к границам США.

Заветной мечтой Гитлера было ударить по Соединенным Штатам — разбить американцев.

Борман поддержал идею фюрера. И через несколько дней положил на стол Гитлера развернутый план под кодовым названием «С юга на север». После этого Гитлер стал считать его специалистом по Южной Америке.

Было решено один из новых больших кораблей пустить по линии Гамбург — Буэнос-Айрес. Через несколько недель Гитлер предложил: — Слушай, Мартин, а что, если тебе отправиться в Аргентину, познакомиться с нашими соотечественниками поближе, помочь им.

Борман пожал плечами.

— Как прикажешь. Ты же знаешь: я готов выполнить любой твой приказ.

Сигнал открыть охоту на руководителей коммунистической партии был дан еще до того, как успел потухнуть огонь в огромном здании рейхстага.

Радиограмма полицейским учреждениям 28 февраля в 15.30, содержала требование начать розыск 24-х членов ЦК КПП. Первым в списке значилось имя председателя компартии — транспортного рабочего Эрнста Тельмана. Ему приписывали растрату партийных денег.

С этого момента не только руководители, но и тысячи простых членов КПП и СДПП, представителей буржуазных оппозиционных партий оказались под ударом. Начиналась эра однопартийного социализма.

Только 27 и 28 февраля было арестовано более 11500 коммунистов, социал-демократов и других антифашистов. Они были доставлены в тюрьмы и в штаб-квартиры штурмовиков, где подверглись избиениям и пыткам. Многие из них, не выдержав мучений, скончались.

Вопросом обеспечения безопасности Тельмана и других руководящих товарищей в то время занимались Центральный Комитет КПП и Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ). Было решено, что в случае необходимости некоторым товарищам пришлось бы выехать за границу.

Но Эрнста Тельмана было трудно убедить в необходимости покинуть родную Германию.

Борману было многое известно о готовящемся ударе по коммунистической партии, но единственное, что он мог сделать в своем положении — это поздно ночью позвонить «на квартиру связи» и передать, не называя себя, несколько предупредительных фраз.

А затем наступил черный понедельник — 27 февраля 1933 года. Для председателя КПП он начался с печальной новости: утром гитлеровцы запретили издание газеты «Ди роте фане» («Красное знамя») — центрального органа печати. Во второй половине дня, соблюдая строжайшую конспирацию, Тельман встретился с членами ЦК в одном из домов на Гудрунштрассе.

Наряду с другими они обсудили вопрос о мерах по охране партии от террора нацистов. После этого Тель-

ман направился на свою конспиративную квартиру Лютоварштрассе. Ее хозяевам, членам партии Марте и Гансу Клучинским, он доверял полностью.

Тем временем прокурор доктор Миттельбах по приказу Гитлера подписал ордера на арест Э. Тельмана и Г. Димитрова — по подозрению в совершении преступления, предусмотренного параграфами 81-86 германского Уголовного Кодекса.

5 марта около 17.15 в квартиру Тельмана ворвалась команда берлинской полиции из 126-го участка и арестовала председателя КПГ.

НЕОЦЕНИМЫЕ УСЛУГИ ФЮРЕРУ

Внутри Германии, в ее государственном аппарате, царили интриги и взаимная слежка. Гитлер перетасовывал старую чиновничью колоду: валеты становились королями, короли — тузами, кто-то оставался за бортом.

Кровавый отсвет летних расстрелов 1934-го года, расправы Гитлера с оппозицией внутри фашистской партии, освещал карьеру многих фашистов в конце 1934-го — начале 1935 годов. Их именовали «люди ночи длинных ножей». Той самой ночи 30 июня 1934-го года, когда Гитлер и Гиммлер уничтожили руководителей штурмовых отрядов — Рема и других.

В эту ночь погибли не только сторонники нацистской оппозиции, но и неугодные Гитлеру старые служаки кайзеровской армии: генерал Гилейхер и его адъютант полковник фон Бредов. В фашистском чиновничьем аппарате на радость молодежи открылось много вакансий. Через несколько месяцев Гитлер поручил Борману управление разросшимся хозяйством Бергхофа.

С тех пор Борман был всегда рядом с Гитлером.

Бергхоф достраивался быстро, а по всей стране сооружались концлагеря. Вскоре их было несколько десятков. Как-то весной перед отъездом из Бергхофа Гитлер остановился на опушке соснового леса у въезда в имение:

— Посмотрите, Мартин, какой прекрасный вид! Но вот тот старый домик портит пейзаж. Вы не находите?

— Вы, как всегда правы, мой фюрер.

— Кто там живет?

— Семья одного старика горшечника.

— Когда старики умрут, купите у наследников дом и уберите его.

Мартин согласно кивнул:

— Будет исполнено.

Вернувшись в Бергхоф через сутки Гитлер на прогулке остановился пораженный. Там, где вчера стоял хилый крестьянский дом, портивший ландшафт, расстился роскошный луг. Мало того, на лугу паслись черно-белые коровы. Все было сделано за одну ночь.

— Как вы успели? — спросил удивленный Гитлер.

Борман скромно молчал.

* * *

Берлин 40, Альт Маобит

Полицай-президиум 1-й отдел

Заключенному Эрнсту Тельману

от руководителя 23 избирательного округа

города Дюссельдорфа.

Извещаем, что транспортный рабочий Эрнст Тельмана избран депутатом рейхстага.

За него подано 4.800.000 голосов.

Март 1933

ШИФРОРАДИОГРАММА МАТИНА БОРМАНА В ЦЕНТР

Под руководством Гейдриха и Канариса готовятся провокационные документы против Тухачевского и группы высших командиров Красной Армии. Трук

Под Новый год в штабе НСДАП принимали большую делегацию немцев из Латинской Америки.

Гитлер долго беседовал с ними, строил планы создания могучего арийского государства в Южной Америке. После их отъезда Гитлер сказал Борману:

— Ответный визит в Аргентину придется совершить тебе. Готовься.

Вскоре после беседы Бормана с Гитлером в Москву ушло сообщение:

Отплываю в Аргентину. Возможна встреча на корабле.

Море встретило затяжной непогодой. Задувало с северо-востока. То и дело хлестал ледяной дождь. Борман прилег на диван своей роскошной каюты и уснул.

Через несколько часов Мартина пригласили на ужин. Борман встал, умылся, переоделся. Вскоре в сопровождении охранника он прошел в ресторан. В ресторане было шумно. За столом налево сидела компания моряков. Они что-то весело кричали и громко чокались бокалами. По залу сновали лакеи в черных смокингах и белых бабочках. У сцены, на которой гремел оркестр, стоял толстый пьяный мужчина, размахивая салфеткой.

Члены делегации — три немца, представляющие различные организации Германии, побаивались Бормана. Они питались в ресторане на соседней палубе, жили в каютах первого класса, а не в люксе, где обитал Борман.

Мартин внимательно осматривал шумящий ресторан. На столах — самая разнообразная закуска: много икры, окорока, салаты, рыба, свежие овощи и зелень. Графины с водкой. Красные и белые вина. Борман перевел взгляд на эстраду, где полуголые девицы старательно поднимали ножки в красных чулках. Ему было скучно. Мартин ждал встречи.

Накопилось много вопросов, которые требовали разрешения. Кого пришлют русские?

Он знал: службы Гимmlера и Шелленберга контролируют каждый его шаг. Он бросил несколько взглядов на публику и за одним из столиков заметил знакомое лицо. Но Борман засомневался. Прошло много лет.

Куда девались его борода, усы, пышные волосы?

Гладкая прическа с безукоризненным пробором совершенно изменила внешность. Но это был Артузов!

Вскоре он заметил, что Артузов вышел на палубу, помедлив, Мартин последовал за ним.

— Киль — грязный город, — сказал Артузов.

— Гамбург, мне кажется, еще грязней, — обменялись они паролями.

Старые знакомые, они должны были, согласно неписанным правилам, поддерживать игру с паролями. Артузов улыбнулся и пожал руку Бормана выше локтя.

— Привет вам от Берзина.

Борман кивнул и грустно заметил:

— К сожалению, я не могу вам передать привет Тэдди.

Артузов разъяснил план встречи.

— Лучше всего, если мы будем встречаться в каюте.

Он вынул платок (блеснул дорогой перстень на левой руке с ухоженными ногтями) и вытер вспотевший лоб.

— Хочу вам представиться. Я — барон Рейде. Еду в Аргентину по делам рижского банка.

— Рад познакомиться, господин барон.

— Сделайте так, — продолжал Артузов, — чтобы члены делегации не появлялись в вашей каюте. Держите их на расстоянии, покажите им, что не хотите иметь с ними дела. Среди них могут быть люди гестапо...

— Я это учел, — сказал Мартин.

— Основной темой наших бесед будет организация связи. За эти дни мы научим вас пользоваться шифром и работать на радиостанции.

На следующее утро Борман не пошел в ресторан. Он позавтракал овсяной кашей и кофе, прямо в каюте. После завтрака пришел Артузов, и они приступили к работе по каналам связи. Как ни заманчиво было иметь радиостанцию в Берлине, но Борман категорически отказался от радиостанции. Автономная радиостанция где-то вне домаи без его контроля не устраивала его.

— С разрешения Гитлера, я организую у себя в канцелярии установку мощной радиостанции для связи с Южной Америкой. Фюрер санкционирует ее монтаж

лично для меня. Она не будет контролироваться. Ее обслуживание обеспечат три моих радиста.

Артузов кивнул.

— Прекрасно! Теперь поговорим о шифре. Мы подготовили персональный шифр лично для вас. Два видных математика: Машков и Карпелевич создали практически нераскрывающийся шифр.

Артузов передал Борману часы фирмы «Мозер», с помощью которых самый большой и сложный текст он мог зашифровать в течение десяти минут.

В последнем разговоре, который провели Борман и Артузов, больше похожем на инструктаж Артур Христианович передал ему мнение руководства.

— Вы должны проводить политику так, — сказал Артузов, — чтобы в определенное время, когда мы дадим сигнал, можно было убрать Гитлера и его окружение. Проводите политику таким образом, чтобы вы могли заменить его как в партии, так и в государстве.

Борман кивнул и тихо произнес:

— Задача трудная, но буду стараться.

Они пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны. Ранним солнечным утром теплоход подходил к берегам Аргентины. Впереди из тумана появились дома Буэнос-Айреса, зеленые сады, пальмовые рощи.

Встреча в порту была торжественной, но не многолюдной. Борману отвели великолепный трехэтажный особняк: розовый дом под зеленой крышей.

Сумрачные пальмы бросали тень на землю. Выложенные плоским камнем дорожки красиво огибали куртины шарами цветного стекла и гномами в колпаках. На возвышении красовался вечнозеленый рододендрон.

Десять дней визита измучили Бормана. Ежедневные встречи с деловыми людьми Аргентины, торжественные обеды, ужины далеко за полночь. Полеты в Рио-де-Жанейро, в Монтевидео. Поездка была успешной: финансовые и политические связи Германии и государств Ла-

тинской Америки укрепились, благодаря тому, что Германия щедро финансировала нужных людей.

Обратный путь в Гамбург показался Мартину утомительным. Путешествие ему порядком надоело. Тем более, что с Артузовым они попрощались еще за два часа до прибытия парохода к берегам Аргентины.

Гитлер приветливо встретил Бормана. Несколько часов он докладывал фюреру о налаженных деловых связях. В полдень вместе пообедали. Удовольствие от вегетарианских блюд: овощного супа, морковной запеканки, трех салатов, компота и бананов, не ахти...

Борман знал, что Гитлер не вкушал спиртного. В крайнем случае позволял себе немного пива, чаще пил бодрящий напиток по рецепту личного врача Морреля; рецепт держался в строгом секрете. Борман догадывался, где разрабатывался рецепт этого бодрящего напитка. Курить в Бергхофе было категорически запрещено.

Однажды был такой случай: какой-то высокий начальник, забывшись, закурил в присутствии фюрера. Молча подойдя к нему, Гитлер вырвал сигарету изо рта нарушителя и приказал тому убираться.

После обеда Гитлер со вздохом признался Мартину, что снова попал в щекотливое положение.

— Это все козни моих врагов. Это дело евреев...

Красавица-певица Рене Мюллер, сожительствовав с Гитлером, перед самоубийством рассказала режиссеру Цайслеру историю романа с фюрером. Возникла угроза как бы этот режиссер не состряпал о том фильм.

Великий фюрер германской нации, оказывается, являл собой редкий пример сочетания садиста и мазохиста. То, что он потребовал от своей любовницы при последней встрече, настолько ошеломило женщину, что она убежала. Вскоре труп Мюллер нашли в ее квартире.

Борман посетовал на людское коварство и неблагодарность и заверил фюрера, что без лишнего шума, как всегда, сделает все необходимое. Мартин знал, что Гит-

лер принимает огромное количество лекарств, наркотиков, возбуждающих его. Однажды Моррель признался, что пациент принимает в день более 40 таблеток.

Борман догадывался о роли доктора Морреля, его поездках в Вену, но считал: у каждого своя работы.

Из России для Гитлера привозили пантокрин из рогов алтайского оленя и снадобья из корней женьшеня, немало экзотических средств доставляли из Африки, Южной Америки, Азии. Но это не могло излечить рейхсканцлера от серьезной психополовой болезни.

* * *

Начальник политической полиции

Берлин 1 июля 1934 года

Центральное бюро

Всем управлениям политической полиции

Об уголовном преследовании за государственную измену бывшего руководителя КПП Эрнста Тельмана

По делу о государственной измене бывшего руководителя КПП Тельмана необходимо срочно установить:
а) *какие лица являлись в январе-феврале 1933 года политическими руководителями окружных организаций КПП в стране и где они сейчас пребывают;*

б) *где распространялась листовка «Наша борьба за революционное свержение фашистской диктатуры и за новую Советскую социалистическую Германию!» датированная 15 февраля 1933 года.*

По поручению фюрера Гейдрих

СПЕШНОЕ ДОНЕСЕНИЕ ИЗ БЕРЛИНА

По приказу Гитлера генерал Штафф создал службу дезинформации. Сотрудники этой службы отрабатывают всевозможные секретные военные планы и приказы, которые окольными путями попадают в руки врага в качестве подлинных документов. Цель — ввести врага в заблуждение, сбить с пути истинного.

В отдел дезинформации внедрен мой сотрудник.

...21 сентября 1933 года в Лейпциге в суде начался инсценированный нацистами процесс. Он должен был представить коммунистов как уголовных преступников и путчистов. Фашисты любой ценой пытались доказать, что рейхстаг подожгли именно они, с целью вызвать вооруженное восстание в феврале-марте 1933 года.

Но Димитров разоблачил всех свидетелей. Герман Геринг и Иозеф Геббельс выступили в суде качестве свидетелей обвинения. По долгу службы Борман несколько раз был на процессе. Слушая речи Димитрова, радовался: «Наши не сдаются. Наши живут!»

После долгих дискуссий между Гитлером, Герингом, Борманом и Гиммлером, опасаясь мирового общественного мнения, жене Тельмана Розе было дано разрешение на посещение мужа в тюрьме.

Розу провели в невзрачное помещение, где через несколько минут появился Эрнст. Она с ужасом смотрела на его распухшее, в кровоподтеках лицо. А когда попыталась изобразить улыбку, заметила, что во рту у него не хватает зубов. Сердце ее сжалось.

— Боже, Тэдди, что с тобой сделали эти мерзавцы?

Но прежде чем Тельман смог что-либо сказать, к нему подскочил надсмотрщик и прошипел:

— На что вы пытаетесь ей жаловаться? Разве вам здесь у нас плохо?

Роза возмутилась.

— Но вы же не дали ему открыть рта!

Она в резкой форме потребовала от гестаповцев объяснений по поводу состояния здоровья ее мужа. Вмешался Тельман и дал понять жене, что ей следует быть более сдержанной. Ведь только через нее он мог поддерживать контакты с внешним миром. Бели ей запретят посещения, то он окажется в полной изоляции.

* * *

Гитлеру уже в который раз грозил очередной скандал, и он вновь вызвал преданного друга Бормана, из

ложил ему суть дела, которую Мартин и без того прекрасно знал. Брат Гели Раубель Лео вновь обвинил Гитлера в предумышленном убийстве своей сестры. Газеты Франции, Англии, Швейцарии каждый день печатали огромные статьи на эту тему. Но Лео трудно было достать: он находился в Вене, там обратился с просьбой к канцлеру Дольфусу провести государственное расследование, поскольку Гели Раубель была австрийской подданной. Канцлер согласился, прокурор Австрии получил команду разобраться в этом вопросе. Тем самым канцлер подписал себе смертный приговор: спустя несколько дней Дольфуса убили. О готовящемся покушении Борман знал, но не мог предотвратить его, поскольку все контролировалось Гиммлером.

Малейший неверный шаг мог привести к провалу.

ШИФРОГРАММА БОРМАНА В ЦЕНТР

В марте 1935 года Гитлер собирается порвать статьи Версальского договора, Германия заявит о создании военной авиации и о введении всеобщей повинности, в ближайших планах десятикратное увеличение военной промышленности, оснащение всеми видами новой техники, создание массовой армии.

* * *

Вскоре гестапо организовало проверку членов партии. Подвергся ей и Борман. Он писал в анкете, что в 1924 году просидел в тюрьме четырнадцать месяцев за политическое убийство, после чего по недоказанности вины был амнистирован, более года находился на нелегальном положении в Австрии и Чехословакии.

Проверка мест проживания Бормана это подтвердит. О пребывании в России в плену в анкете, разумеется, не было ни слова. Комиссия, проверявшая версию об убийстве в драке, так и не смогла установить, кто же именно был убит. Но мог ли Борман драться на стороне коммунистов, защищавших Тельмана?

Во время проверки в адрес комиссии пришло письмо о том, что кто-то видел Бормана, во всяком случае,

похожего на него человека, среди коммунистов, охранявших Розу Люксембург. Проверка опять не смогла подтвердить эту версию, Гесс и еще несколько партийных чинов заверили, что знают Бормана давно и не могут даже допустить мысли, чтобы он находился среди соратников Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

Податель заявления, вызванный в комиссию, колебался, смущался, а потом отказался от показаний.

Борман, однако, не мог допустить того, чтобы осведомитель (с подачи того же Гимmlера) смог заговорить.

Через месяц труп заявителя нашли в воде около, в Гамбурге. Борман совершенно равнодушно встретил это сообщение: весь месяц он провел в Бергхофе...

* * *

ОКПУ СССР

*Управление особых кадров
Совершенно секретно
Лист контрольной проверки
составлен на Бормана Мартина
1900 года рождения (Курт Трук).*

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Семья проживала в провинции Бранденбург. Отец — военный музыкант, а затем чиновник на почте. Умер, когда Мартин был еще ребенком.

В 1910 году мать сделала более выгодную партию, выйдя замуж за директора банка. Образование пасынок директора получил: три класса частной гимназии и несколько классов реальной гимназии, которую не закончил.

Служил в армии с июня 1918 года до февраля 1919 года рядовым канониром. Посещал революционные митинги, как все в то время, слушал выступления Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

С 1920 году служил бухгалтером, а затем управляющим имения у Вильгельма фон Трейенфельза и Россбаха. Общался с социал-демократами, характеризуется же-

стокостью к подчиненным и безудержной лестью к начальству.

В 1920 году посещал собрания «Союза против подъемов еврейства», активного участия не принимал. Был арестован за уголовное преступление.

4 июля 1926 года участвовал в работе Веймарского съезда НСДАП.

Дата вступления в нацистскую партию — 1925 год.

Работал заведующим отделом печати руководства НСДАП в Тюрингии, а затем в высшем штабе штурмовых отрядов в Мюнхене. Женат на Герде Буш, дочери отставного майора кайзеровской армии. Вальтер Буш — близкий друг Гитлера. Председатель высшего партийного суда НСДАП.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЛИСТУ КОНТРОЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ:

а) Приговор суда.

б) Приказ Гитлера о награждении.

Немецкий государственный суд.

* * *

Ознакомившись с деятельностью абвера по добытым сведениям, Берзин разработал методы борьбы с ним, включил в нее своих разведчиков. Под руководством Коминтерна интернационалисты-коммунисты боролись с разведчиками Германии, Италии и Испании. Под видом латышского крупного предпринимателя через Англию и Францию Берзин нанес визит в штаб Франко.

Франко принял «латышского гостя» в своем дворце. Берзин, вручив кAUDилью письма от членов английско-го и латышского правительств, обещал прислать в Испанию несколько пароходов с мясом и оружием.

Гость пригласил Франко и его супругу после скорой победы посетить Латвию для отдыха на взморье. А пока он вручил донье Кармененте большой косметический набор, изготовленный из янтаря и серебра.

За обедом Франко, ухмыляясь, сказал:

— Скоро мы раздавим крупных червей. — Взяв нож, он нагнулся над большим пирогом и пояснил: — Это Валенсия, — ткнул ножом в центр. — Это территория, на которой ползают красные черви. Одним махом мы разрезаем ее и врываемся в Валенсию!

Чутьем опытного разведчика Берзин понял, что Франко готовит удар к морю для того, чтобы расчленить территорию, занимаемую республиканцами.

Через неделю Берзин возвратился в Валенсию, сообщил испанскому руководству о планах Франко. Но на его слова испанские генералы не обратили внимания.

Была и еще одна причина, по которой глава советской разведки совершил столь опасное путешествие: встреча с Борманом, который летом 1936 года в самый пик боев в Испании был направлен для консультаций с генералом Франко. После официальной встречи с каудильо и его советом он несколько дней объезжал линию фронта, присматривался, делал выводы.

С командного пункта франкистов южнее Мадрида в стереотрубу хорошо были видны позиции республиканцев. Кто-то из сопровождавших офицеров указал на позиции по окраине парка:

— Там обороняются немцы, батальон Тельмана.

— Это не немцы, — холодно поправил Борман, — а предатели нации. Но им не уйти от расплаты.

В городе загудели сирены — к Мадриду подходили «юнкерсы». Навстречу им взлетели русские истребители «Чатос». Коршунами набросились на бомбардировщики. Задымил один «юнкере», второй...

Из Мадрида — в Сарагосу. Суший бедлам, пир во время чумы! Отели, кафе переполнены немецкими и итальянскими офицерами. Вечерами разодетые дамы, элегантные мужчины собирались в ресторанах, веселились и пили. Особая порода людей для которой словно и не было страшной гражданской войны... На аэродроме

Борман провел смотр немецким летчикам, бомбящим Мадрид и другие города. Командир эскадрильи Рихтгофен рассказал, что Мадрид защищают с воздуха летчики-интернационалисты, среди которых есть немцы.

Прием по случаю пребывания немецкой делегации проходил в отдаленном от фронта замке. У входа посланника фюрера встретил каудильо Франко с красавицей Марселиной. Прием проходил вечером в прекрасном саду. В темноте мерцали разноцветные фонарики, освещая дорожки, клумбы, аллеи, беседки.

В сопровождении Франко Мартин прошел в обширный зал. Потолок из дерева придавал ему особенный уют, а весело горящий камин еще более усиливал впечатление комфорта. На стенах — картины исторического содержания, портреты предков владельцев замка.

За столом Борман обратил внимание на импозантного мужчину лет пятидесяти, сидящего рядом с блондинкой. Что-то уж очень знакомое лицо...

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Когда ужин закончился, гости прошли в соседний «хрустальный» зал, куда подали кофе. Борман сел за маленький столик у окна. Каково же было его удивление, когда незнакомец улыбнувшись, неожиданно сказал по-немецки:

— Испания — страна красивых женщин, не так ли, герр Борман?

— Я предпочитаю северных блондинок, герр...

— Граф Вольброне, из Латвии, но сейчас живу в Аргентине. Мы с вами познакомились на теплоходе, когда плыли в Гамбург.

Борман едва не фыркнул: Ян Карлович и впрямь вполне соответствовал своему статусу «сиятельства».

Стоило ли совать Берзину голову в волчью пасть?

Конечно, маловероятно, что кто-то из контрразведчиков Франко знает его в лицо, но все же...

— Мне нужны данные об армии Франко, о планах Гитлера и Муссолини по снабжению мятежников.

— Постараюсь подготовить за ночь. Устраивает?

Утром за завтраком Мартин передал Берзину обещанный доклад. К нему был приложен список агентов абвера, направленных в интернациональные бригады.

Больше они не виделись...

* * *

В Мадриде Берзин узнал, что Тухачевский и многие высшие командиры Генштаба Красной Армии арестованы. Он не сомневался, что доказательства против них — фабрикация. Берзин был слишком умен, чтобы питать иллюзии насчет своей личной судьбы. Он хорошо знал Сталина, Ворошилова и их окружение. Волна, смывшая его товарищей, накатывалась и на него.

В Испании он встретил молоденькую девушку Лолиту и полюбил ее. На брак разрешения ему никто не давал, но в Москву Берзин вернулся с юной женой.

Сталин оценил его заслуги. Берзин получил высшую награду — орден Ленина. После месячного отпуска Ян Карлович Берзин был снова назначен на должность начальника разведывательного управления РККА.

О многом думал Берзин. Вопреки грозившей опасности он вернулся в Москву, чтобы заявить Сталину протест против уничтожения коммунистов, неоправданного произвола НКВД. Он знал, что, действуя таким образом, сам себе, возможно, подписывает смертный приговор. Но поступить по-иному не мог.

Сталин принял Берзина и Урицкого в том же кабинете Кремля, где они беседовали год назад. Генеральный, любезно поздоровавшись, сразу же перешел к делу.

— Я полностью, без изменений, принимаю ваш план. — Сталин встал, подошел к висевшей на стене большой карте мира. — По моему указанию вы в настоящее время мало что делаете в Германии. Не так ли? — Он говорил и пальцем искал какую-то точку на карте. — Счи-

таю, что мы не должны дразнить Гитлера. В настоящее время наш основной противник — англосаксы.

Он поднял взгляд на Берзина:

— Вы не согласны?

Ян Карлович сдвинул брови:

— Нет. Причины я уже изложил и добавить к ним, пожалуй, нечего.

Сталин медленно прошелся по комнате.

— Мы подумаем о Вашем мнении.

* * *

О Бормане мало что знали коллеги по партии. Во всем он — сама скромность и преданность вождю и идеям социализма. Мартин редко появлялся в кадрах кинохроники и еще реже на фотографиях с фюрером.

Небольшого роста, со шрамом на щеке, как у бывшего бурша, он старался не попадать в объективы кино- и фотокамер, прячась за спины соседей, когда фотографы щелкали затворами своих фотоаппаратов.

Мартин молчаливо и постоянно ходил с блокнотом за Гитлером. Он был неизменно почтителен с Герингом, Геббельсом и Гиммлером. Как-то незаметно, в течение года-двух, он сделался необходимым Гитлеру настолько, что тот как-то, шутя, назвал его своей тенью.

Все это делалось тихо, ненавязчиво. Борман умел так организовывать дело, что, если Гитлер чем-то интересовался перед тем, как сесть за обед, к концу трапезы Борман уже на все имел готовый ответ.

Толпы паломников ездили к Бергофену в надежде увидеть Гитлера. И фюрер позволял им лицезреть свою особу. Для этой церемонии была специально подготовленная площадка перед домом. Иной раз Гитлер простаивал на ней часами, порой под палящим солнцем.

Не выдержав, Гитлер пожаловался Борману:

— Трудно мне переносить такую жару. Отмените это мероприятие.

В планы Бормана это никак не входило. Зачем упразднить ритуал поклонения германскому богу, вопло-

тившемся в Адольфа Гитлера? И как быть с растущей молвой об исключительной доступности божества?

Надо было что-то делать. И Мартин нашел выход.

На площадке за ночь «вырос» громадный дуб. Борман сумел организовать пересадку могучего дерева...

Каждый день Мартин думал о Тельмане. Того держали в одиночке Моабитской тюрьмы, изредка возили в гестапо. Гитлер требовал от следователей заставить Тельмана выступить по радио, сказать, что раскаивается. Но Эрнст упорно молчал.

Что делать? Как спасти его? Не выдержав душевных мук, Борман послал шифровку в Москву:

Прошу помочь спасти Тельмана.

Через неделю через Цецилию получил ответ:

Этим займется другие. А вы занимайтесь своим делом.

Когда Гитлер вернулся после краткого отдыха в Оберзальцбурге, Борману позвонил Шульце:

— Фюрер ожидает вас завтра в десять часов.

В гардеробе Борман оставил кожаное пальто и фуражку, отстегнул ремень с кобурой. У мраморной лестницы и вдоль всего коридора — охранники из лейбштандарта «Адольф Гитлер». Борман причесался, одернул китель и молодежато взбежал по ступеням.

В приемной на диване сидели Браухич, Гальдер и Гудериан. На традиционное «Хайль Гитлер!» генералы ответили сдержанным кивком. При этом вальжный лысоватый Браухич изобразил нечто, напоминающее улыбку, а Гудериан высокомерно глянул словно сквозь него.

Генералы не любили генералы партийных выскочек.

Борман поздоровался с Шульце и присел в кресло.

— Ваша очередь следующая, райхслейтер, — повея глазами в сторону генералов, предупредил адъютант.

Генералы ничем не выражали своего неудовольствия. Вскоре из кабинета вышел Лей.

— Прошу, герр рейхслейтер, — Шульце предупредительно распахнул дверь. — Вас ждут.

Гитлер приветливо встретил Бормана:

— Рад видеть тебя, Мартин. Увы! Отпуск проходит быстро и отдых быстро забывается, а работы — целая гора. Так что впрягайся, дружище!

Мартин, почтительно-сочувствующе улыбнувшись, склонил голову: приказывайте, фюрер! И они в течение получаса обсуждали порядок решения самых важных и неотложных дел. Борман готовил для Гитлера всю корреспонденцию, он просматривал все материалы, которые должны были лечь на стол фюрера.

* * *

Гитлер заранее не готовил речей. Он полагался на экспромт, и экспромт обычно удавался. Но Борман считал, что этого мало. Во время встреч с государственными деятелями из-за границы Борман не забывал набросать для Гитлера тезисы, на которых, с его точки зрения, стоило сконцентрировать наибольшее внимание.

Борман делал свою незаметную, но очень важную работу в высшей мере тактично, и у Гитлера ни разу не шевельнулось мысли, что его программные речи пишет другой человек. Он воспринимал работу Мартина как секретарскую, но необходимую и своевременную.

И когда Борман однажды захворал, Гитлер почувствовал, что у него все валится из рук. Именно Борман подставил Гитлеру очередную любовницу Энна Хофман, дочь партийного фотографа, того, кто впоследствии нашел для Адольфа замену дочери — Еву Браун.

Но Гитлер быстро пресытился Энной и дал понять это Борману. Тот быстро и деликатно уладил все проблемы. Отвергнутая любовница вышла замуж за вождя «Гитлерюгенда» Бальдура фон Шираха.

И Борман же познакомил Гитлера с артисткой Ольгой Чеховой. Правда, Гитлер усомнился: стоит ли иметь дело со славянкой, мало того — с русской?

Но увидя голубоглазую красавицу, окинув взглядом ее точеную, редкого совершенства фигуру, шутливо погрозил пальцем своднику:

— Ты обманываешь меня, Мартин. Русские бабы, насколько мне известно, все скуластые и толстые. А это же настоящая арийка!

— Ничего удивительного, мой фюрер. Вы же знаете: в древности Россией долгое время правили викинги, которых славяне называли варягами. А это уже самые что ни на есть чистокровнейшие арийцы. Ольга, несомненно, — потомок викингов. Кстати, если проследить родословную русских царей, да и многих царских сановников, то в их жилах девяносто процентов немецкой крови, и русского осталось разве что фамилия да православная вера. Так что...

Гитлер благодарно улыбнулся:

— Я так и думал. Ты многое понимаешь и предусматриваешь все! Конечно же, она — арийка!

Но влюбленному не удалось сразу наладить более близкие отношения с красавицей артисткой.

Вскоре Чехова уехала на гастроли сначала во Францию, потом в Америку. Гитлер не забывал ее, часто спрашивал у Мартина, не вернулась ли Ольга в Берлин.

Разглагольствуя о «варяжских корнях», Борман лукавил перед фюрером, имея полную информацию.

Летом 1923 года после гастролей Московского художественного театра в Германии один из лучших артистов театра Михаил Чехов не вернулся в СССР. С ним осталась в Берлине и его красавица-жена, талантливая артистка и художница Ольга (до замужества Книппер, этническая немка, но с русской душой).

Ольга любила Россию и хотела вернуться.

— Берлин — тяжелый город, — говорила она. — В его архитектуре какая-то мертвящая одинаковость. Дома — словно серые чемоданы, на улицах мало света. Нет, в России лучше — светлее, просторнее...

Михаил и Ольга с большим успехом играли в берлинских театрах. Но вскоре они расстались. Ольга уехала в Париж, а Михаил — в Ригу.

ЗАДАНИЕ: БЛИЖЕ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ГИТЛЕРОМ

Однажды в ресторане «Эрмитаж» Ольга Чехова познакомилась со знаменитой русской певицей Плевицкой и ее мужем — генералом Скоблиным, работавших на советскую разведку. Здесь же в ресторане случай свел Ольгу с красивым молодым человеком, который, как он поведал, учился в гимназии в Москве около ее бывшего дома. На Рождество Плевицкая пригласила Ольгу к себе на квартиру вместе с Борисом.

Кроме Ольги Чеховой и нескольких русских эмигрантов здесь были вожди белого движения генералы Миллер и Кутепов. Через некоторое время Ольга с удивлением узнала, что Кутепов и Миллер исчезли...

Несколько недель Ольга и Борис провели вместе, часто вспоминали Россию, Москву. Борис сказал ей, что служит в советском посольстве.

— Ты сможешь мне вернуться домой?

Пытливо посмотрев на собеседницу, он тихо ответил:

— У тебя есть только один верный шанс для этого. Нужно какой-то период поработать в нашей разведке. Но, сама понимаешь, это опасно.

И Ольга согласилась. На даче посольства ее учили азам тайных дел, и она быстро постигала их. Чехова вернулась в Берлин, где поселилась в отеле «Аллой» в центре Берлина. По заданию предстояло познакомиться с Гитлером и его окружением. Для этого предполагалось использовать выставку ее живописных работ.

На открытие выставки были приглашены видные художники Берлина, известные функционеры нацистской партии. Приглашительные билеты послали также Гитлеру, Геббельсу, Гейдриху, Шелленбергу...

Рассчитывать на появление фюрера не приходилось, хотя он, мнивший себя талантливым художником, не раз посещал вернисажи. Но Гитлер приехал. Следовавший за ним адъютант нес большой букет белых роз.

Фюрер не спеша обошел экспозицию, поздравил Ольгу с успехом и преподнес цветы. Польщенная художница в ответ подарила ему свою картину — «Портрет войны». После получасовой беседы за кофе Гитлер пригласил ее в поместье познакомиться и с его творчеством.

Ответный визит состоялся через две недели. Фюрер показал госте свои картины, развешанные в двух парадных комнатах. Чехова хвалила творчество фюрера, удивляясь, как это он, перегруженный государственными делами, умудряется еще и создавать такие интересные композиции. Делала они и небольшие замечания, но так, что автору они были несколько не обидны.

— Вы удивительная женщина, фрау Чехова, не только талантливая артистка и художнице, но и подлинный искусствовед!

— Зовите меня Ольгой, герр рейхсканцлер, и спасибо вам за добрые слова.

После осмотра дворца и гуляния в парке гостью пригласили на ужин, где присутствовали Геббельс, Гиммлер, Борман и несколько высших офицеров СС.

После ужина, когда гости разошлись, Гитлер еще долго беседовал с ней. На прощание он подарил Чеховой свою книгу «Майн Кампф» в специальном кожаном переплете со свастикой...

Наступала осень, а с ней — начало нового театрального сезона в Берлине. Открытие сезона в театре посетили Гитлер, Шелленберг и Борман.

Специально с учетом вкуса фюрера срочно была поставлена пьеса «Эллен» с участием Чеховой. Каждый выход Ольги зал встречал бурными аплодисментами. Растроганный Гитлер и Шелленберг преподнесли артистке огромные корзины цветов.

По указанию Геббельса все газеты Берлина опубликовали солидные восторженные рецензии о спектакле, уделив особое внимание Чеховой.

ИНФОРМАЦИЯ ИЗ БЕРЛИНА

По распоряжению Гитлера создан специальный совет под председательством Геббельса и Розенберга с целью разработки мероприятий по разжиганию национальной розни между народами, населяющими Советский Союз. В совете работают видные деятели белого движения, украинские националисты, представители Кавказа и Востока. Агьло (Ольга)

Мартин преуспевал. Он сумел создать специальную группу помощи фюреру. В нее вошли недоучки-философы, обнищавшие литературные критики, исписавшиеся литераторы, готовые за деньги выполнять любую работу. От них требовалось одно: тщательно следить за текущей литературой. Каждая вышедшая книга читалась ими, затем на составлялась краткая аннотация.

Борман прочитывал аннотации. И все затем только, чтобы за ужином осведомиться у фюрера, не читал ли он ту или иную книгу.

— Непременно прочтите, — советовал он. — Какие высокие истины! Какие философские воззрения!

И Борман старательно знакомил Гитлера с содержанием книги. Это неизменно приводило фюрера в восторг: при такой-то занятости — и быть неизменно в курсе всех философских и литературных новостей!

Гитлер ставил Бормана в пример тем, чья образованность никаких иллюзий ему не внушала. Среди нацистской верхушки таких было подавляющее большинство.

Но в этом, пожалуй, рейхслейтер дал маху, вызвав зависть и злобу «соратников» по партии. Приходилось давать «задний ход», лавировать. Но это были, так сказать, издержки производства не больше. Борман чувствовал себя уверенно и твердо за спиной фюрера.

ПОЛЬСКИЙ РЕЗИДЕНТ

Частым посетителем ресторана «Цецилия» был спортивного склада высокорослый человек со светскими манерами — пан Стах Сосновский. Он жил на широкую ногу, славился своими пышными приемами, на которые являлись сливки общества.

В самом Берлине и в его окрестностях у Сосновского было несколько богатых вилл, автомобили в гаражах, расположенных в разных районах. В районе Тиргартена — собственная конюшня с десятком лошадей. По утрам он совершая конные прогулки по аллеям парка — иногда один, но чаще в компании женщин и мужчин.

Познакомившись с Цецилией, пытался и ее вовлечь в свою компанию. Нашей разведке было известно, что пан Сосновский — резидент польской разведки «двуйки». Мадам Цецилия получила инструкцию не отталкивать пана Стажа, но и не особо поощрять...

Удалось выяснить, что Сосновский имеет агентуру в важнейших ведомствах Германии. На него работали, как удалось узнать, шифровальщик Генштаба, машинистка личной канцелярии Розенберга. Были у пронырливого поляка свои люди и в главном управлении имперской безопасности и в ведомстве Канариса.

На (случайных!) встречах с резидентами, которые организовывала Цецилия, Сосновского пытались привлечь к сотрудничеству с советской разведкой.

Он уклонился от прямого согласия. Но когда ему дали понять, что советская разведка знает многое о его работе, Сосновский наконец дал согласие, выторговав, однако, и приличное вознаграждение. К сожалению, его сообщения, как потом выяснилось, были «дезой»: ему подбрасывала их служба Гимmlера. И рассчитаны они были на то, чтобы усыпить бдительность и Польши, и СССР, создать впечатление, будто у Германии нет агрессивных планов в отношении Востока, что все ее помыслы обращены на Запад.

Агентура Сосновского исключительно женщины. Его любовницами были жены крупных чиновников. Польская разведка не раз предупреждала резидента, что его расточительность и распутная жизнь не вписывается в германский образ жизни предвоенного времени.

Неосторожность Сосновского привела к беде. Гиммлер окружил его кольцом сыщиков и подсунил в качестве информаторов своих людей. 4-е управление имперской безопасности тщательнейшим образом разработало план разоблачения всех завербованных Сосновским агентов. Во время бала гестапо окружило виллу и арестовало Сосновского и его сообщников.

Киносъемки любовниц скрытой камерой, которые Сосновский хотел в будущем использовать для шантажа, послужили для его же быстрого разоблачения. Женщины, с ужасом видя соперниц в объятиях поляка, ничего не скрывали и не выгораживали его.

Гитлер приказал организовать показательную казнь изменников. Во дворе Маобитской тюрьмы было остеклено несколько комнат, выходящих во двор.

На эту террасу пригласили около ста высших военных и государственных чиновников Германии с женами. В переднем ряду сидели Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс, Борман многие другие партийные бонзы.

Осужденных, в кандалах и наручниках, вывели на место казни. Построили перед колодой палача. Сосновского поставили напротив них. Прокурор зачитал приговор, и палач начал свое дело.

В ложе за спиной Гитлера после каждой казни раздавались аплодисменты. Особенно сильно кричала «Так их!» и аплодировала Герда Борман... Последним вывели Сосновского. Когда его поставили на колени и положили голову на плаху, неожиданно встал Гитлер.

— Остановитесь! — крикнул фюрер.

Сосновского в полуобморочном состоянии оттащили в сторону. Присутствующие затихли.

Гитлер встал, подошел к окровавленной корзине с отрубленными головами и плюнул в нее.

Сосновского обменяли на двух крупных агентов абвера, арестованных в Польше. Но на родине его не встретили аплодисментами, а посадили в тюрьму «Павиак». Приговорив судом за гибель ценных агентов.

Судьба, однако, изрядно удивила пана Сосновского. С начала польско-германско-советской войны из Львовской тюрьмы он попал в советский плен. Представьте удивление, когда на одном из допросов на Лубянке он увидел мадам Цецилию и повара Шуля. Но настоящий шок поляк испытал, узнав, что в Гестапо в Берлине его допрашивал советский разведчик Леман.

НОВАЯ МОРАЛЬ В БЕРЛИНЕ

Из статьи о воспитании нового социалистического человека в швейцарской газете «Бульварные новости»:

Герда Буш-Борман назначена патронажным руководителем специальной организации «Лебенсборн» по отбору девиц «чистой расы» для выведения чистокровных арийцев. «Выведением расы» занимается специальное управление СС под руководством обергруппенфюрера СС Грейфельта. На острове Пфауэнигзель озера Ванзее под ее опекой создана школа невест для ээсовцев. Их обучают основам нацистского мировоззрения, рукоделию, кулинарии и сексуальному искусству.

По плану Грейфельта и Буш-Борман было решено обязать каждого члена нацистской партии, каждого ээсовца и вообще любого арийца заключать... три брака одновременно.

Для нормального функционирования этой системы Герда предлагала, чтобы супруг посещал каждую семью один раз в две недели.

Угождать Гитлеру — так уж во всем. Гитлер не курил — бросил курить и Борман. Правда, часто стал наведываться в туалет с хорошей системой вентиляции.

Сделав несколько жадных затяжек, он не забывал тщательно прополоскать рот. В кругу Гитлера он пил только минеральную воду. За обедом у Гитлера хвалили тертую морковь, вареную репу, капустные котлеты.

Вечером дома, голодный и злой, он орал на жену, швыряя ей в лицо недожаренный бифштекс. Репутацию в глазах Гитлера он создал себе отменную.

Мартин умел уважительно выяснить, кто и с каким вопросом идет к Гитлеру. За годы работы он научился таким образом организовывать посетителей, что на прием к фюреру попадали только те, чье мнение всегда и во всем совпадало с мнением фюрера. Тех же, кто позволял себе спорить с Гитлером, отстаивая свою точку зрения, Борман старался к Гитлеру не допускать.

ШИФРОГРАММА БОРМАНА В ЦЕНТР

23 мая 1939 года в имперской канцелярии собрались Геринг, Кейтель, Браухич, Гельдер, адмирал Редер, представители всех штабов.

Гитлер начал с изложения успехов своей политики, подчеркнул, что это лишь начало. Он подтвердил, что речь идет об изменении соотношения сил в мировом масштабе. Фюрер говорил о том, что Германия должна вступить в конфликт на оба фронта по очереди. Вначале Польша, но это только ступень. Для этого Гитлер потребовал создания благоприятных «дипломатических условий», а именно: обеспечить, чтобы «Запад остался вне игры». От генералов он потребовал форсировать подготовку армии к войне.

* * *

Большой черный лимузин подъехал к вилле, где жил Борман. Из машины вылез невысокий полный человек с лысой головой и в сопровождении двух адъютантов в морской форме поднялся на мраморное крыльцо с высокими светильниками. Через несколько минут в кабинет Бормана вошел адмирал Канарис.

— Мартин! — сказал он. — Я побеспокоил тебя в позднее время. Но это важно. Я уверен: ты сейчас начнешь прыгать от радости. Послушай, какое сообщение я получил из Москвы.

— Слушаю.

— Это колоссально! — Канарис вынул из кармана пиджака голубой лист бумаги.

— Слушай! По приказу Сталина расстреляли всю старую гвардию советской разведки. Это колоссально!

У Бормана задергался глазной нерв. Сообщение Канариса чуть было не вывело его из себя.

— Это достоверные данные? — спросил он.

— Конечно! Стал бы я беспокоить тебя в столь поздний час по пустякам.

Канарис достал сигарету и прикурил ее от красивой золотой зажигалки.

— Что-то ты не радуешься? — неожиданно спросил он Бормана.

— Как не радуюсь? Я бы сплясал, но внизу дети спят.

— Это еще не все, — продолжал восторженно Канарис. — Наши достоверные источники сообщают, что арестовано более двадцати тысяч работников разведки и контрразведки. Все ЧК разгромлено.

Он посмотрел на Бормана. Мартин зашатался. Его всегда румяное лицо стало бледным. Канарис внимательно изучал выражение лица собеседника. Что-то подсказывало старому лису, что здесь что-то не так.

— Что с вами? — спросил Канарис. — Вы не рады?

Борман несколько раз кивнул:

— Рад, рад. Но я себя что-то очень плохо чувствую в последние дни.

Канарис пожал плечами.

— Вызови врача.

Он учтиво поклонился.

— Лечись.

Медленно повернувшись, он пошел к двери.

ШИФРОГРАММА БОРМАНА В ЦЕНТР

По сообщению Германского военного атташе в Токио стало известно, что японцами запланировано несколько ударов по Красной Армии на Дальнем Востоке. Силами нескольких дивизий будет осуществлено наступление у озера Хасан.

Одновременно будет осуществлен удар армейской группировкой в районе Халкин-гола. Ожидается массированное применение авиации.

Гитлер, Гиммлер и Гейдрих всерьез обсуждали важную, на их взгляд, проблему: нужен закон, обязывающий всех без исключения арийских женщин до тридцати лет произвести на свет ребенка, лучше — двоих.

— В порядке опыта, — сказал Гитлер, — намереваюсь издать приказ, обязывающий каждого эсэсовца, каждого настоящего немца включиться в это важное государственное дело. Германии нужны солдаты.

Гейдрих, которого в свое время выгнали из флота за нарушение обещания жениться после суда чести, устроенного капитаном корабля Канарисом, ухмыльнулся своей тонкой змеиной улыбкой:

— Вы правы, фюрер, пусть постараются на двоих или, кому повезет, — троих.

— А как быть с пережитками в виде ревности?

— Для новой Германии мы воспитаем нового человека — арийца без предрассудков. Вы правы, фюрер, мне известно, что ваши глубокие идеи в этом направлении разделяют многие соратники. Жена партайгеноссе Бормана, в частности, горячо ратует за официальное введение для расово высокоценных мужчин института побочных жен. — Гейдрих теперь не позволял себе даже легкой улыбки. — Желая подать пример другим, она готова смириться с побочной женой и для своего мужа.

— В самом деле? — оживился Гиммлер.

— Тебе бы это надо знать первым, — сказал Гитлер. — Очень сознательная женщина.

— Разумеется, — улыбнулся Гиммлер. — При такой внешности...

— Да, красавицей ее не назовешь, — согласился Гитлер, — а в молодости была ничего. Полненькая хохотушка. Возможно, она хочет удержать таким путем Мартина от развода. Тогда ему повезло.

— Мы будем всячески приветствовать пополнение нации внебрачными младенцами, — сказал Гиммлер. — Впрочем, думается, при социализме их необходимо уравнять в правах с, так сказать, законными. Организация «Левенборн» возьмет на себя все расходы по их содержанию и воспитанию. Это же удешье нации! Незамужним женщинам, выразившим желание стать матерями будущей расы господ, мы подберем первосортных государственных мужей. Каждый эсэсовец почтет за честь участвовать в кампании. Мы доверим это лучшим...

* * *

В январе 1939-го года от Бормана была получена шифрорадиограмма:

Разведка Канариса добыла ряд документов особого планирования, доложенных президенту США. Направляю документ, относящимся к России. Все документы были глубоко изучены Гитлером и генеральный штабом Германии.

Из аналитического обзора советника президента США. Страница 12 большой папки:

Без войны не позднее 1947 г. Советский Союз обгонит США по всем показателям в 1960 г. СССР в тех же мирных условиях обгонит США и Западную Европу вместе взятые.

Сталин, читая документ, невесело усмехнулся:

— Война сломает экономическую и демографическую динамику СССР... Но, с другой стороны, разве мы не клялись над гробом Ленина, что претворим его планы о мировой революции в жизнь?

Отчет Бормана после второго посещения Аргентины, Бразилии и Парагвая:

Полет на самолете «Юнкерс» прошел успешно. Во всех странах я был тепло принят членами правительства и представителями немецкой колонии.

В Южной Америке создание и расширение разведывательной сети требует больших валютных затрат.

Проникновение крупных немецких фирм в южноамериканские государства привело к «оттаиванию» замороженных ранее кредитов и сделало возможным вновь использовать валютные фонды. Благодаря посредничеству имперского министерства экономики эти средства поступили в мое распоряжение.

Со своей стороны я предоставил фирмам Аргентины и Бразилии в качестве компенсации соответствующие льготы в Германии. Фирмы занялись строительством аэродромов, складов, бункеров, причалов для кораблей и подводных лодок.

Работа с аргентинскими и бразильскими фирмами оказалась успешной и очень выгодной. Согласно договоренности фирмы строят семь стационарных радиостанций для работы с Германией.

Организация радиосвязи оказалась экономичной, сделав излишним использование связных и курьеров (что небезопасно), так как за связными пристально следит американская и английская контрразведка.

Теперь достаточно радиосеанса, чтобы снабдить наших людей, друзей в Южной Америке необходимыми указаниями.

НЕУЖЕЛИ ЭТО ПРАВДА?

...В большом мраморном зале, около кабинета фюрера, за круглым столом собрались Гитлер, Геринг, Борман, Геббельс, Гесс, Гейдрих, несколько представителей генштаба вермахта. Доклад об обстановке в России делал начальник разведки Канарис, которого фюрер недавно удостоил звания адмирала.

Адмирал докладывал размеренно и неторопливо:

— С января 1935 года и на начало 1940 года в России репрессировано девятнадцать миллионов человек. Из них казнены и погибли 7 миллионов.

— Девятнадцать миллионов? — удивленно переспросил Гитлер. — Вы уверены в этой цифре?

— Абсолютно.

Борману стало не по себе: «Выходит, Сталин доставляет радость Гитлеру? Неужели это правда: социализм немцев ничем не отличается от социализма русских?»

— Откуда данные? — недоверчиво спросил он.

— Это под большим секретом сказал заместитель Берии Кабулов. Арестованы и уничтожены многие тысячи военных, в том числе 23 тысячи сотрудников НКВД.

Гитлер расшлылся в улыбке.

— На 22 мая 1939-го года, — бесстрастно продолжал Канарис, — в России насчитывалось 63 исправительно-трудовых лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний, более 20 колоний для несовершеннолетних.

Гитлер прищурился:

— А эти английские, французские и американские писатели поднимают вой, что я напичкал Германию концлагерями! Каково? Нам еще далеко до таких темпов.

— Борзописцы не жалуют и Сталина, — вставил Борман и поморщился.

Гитлер удивленно поднял брови:

— Что с тобой, Мартин? Можно подумать, что ты не рад таким приятным новостям. Советский фюрер преподнес нам отличный подарок.

— Чертовски болит голова, должно быть просквозило. Ну, а что касается этой информации, то она равнозначна нашей крупной победе без единого выстрела.

— Совершенно верно. И за эту победу надо выпить бокал шампанского!

— Надеюсь, я тоже надеюсь, — слабо улыбнулся Борман, — и охотно промочу горло.

* * *

Борман довольно долго сидел в приемной Гейдриха. Обычно такого не случалось. Даже если тот решал какой-то важный вопрос, то прерывался или передавал извинения через адъютанта, который немедленно докладывал ему о прибытии рейхслейтера. В чем же дело?

Гейдрих ничего не делает так, под настроение.

С переездом управления заграничной разведки в просторное помещение на Беркаерштрассе извечно немецкая проблема «жизненного пространства» к общему удовлетворению разрешилась с помощью оттока ассигнований из партийной кассы, что, в свою очередь, позволило существенно увеличить аппарат Гейдриха.

На Вильгельмштрассе, где образовали целый квартал зданий, принадлежащих СС, уже не осталось ни одного свободного дома. Гейдриху это оказалось весьма на руку. Он предпочитал держаться подальше от Гитлера. «Слишком частые встречи могут испортить самые добрые отношения», — говорил он.

Созданный по приказу Гесса орган «политической и секретной защиты партии» постепенно обособлялся не только от канцелярии НСДАП, но и от опеки рейхсфюрера СС. Укрепляя переживавшие период становления службы идеологии и зарубежной разведки, Гейдрих по-прежнему опирался на отборные кадры внутреннего управления. Он не торопил события, осторожно подправляя сепаратистские процессы в нужном направлении.

Особые надежды Гейдрих возлагал на реформу имперской полиции, уже завизированную Гиммлером и переданную в рейхсканцелярию. Согласно проекту, под его начало переходили гестапо и криминальная полиция.

Лишь полицию порядка — ОРПО — рейхсфюрер оставлял под началом своего старого соратника полковника Далюге. По сути, вся карательная машина империи сосредотачивалась в одних руках. Разумеется, если не подгадит министр внутренних дел Фрик.

— Если я и соглашусь допустить Гиммлера в свое министерство, то Гейдриху туда вход заказан, — заявил он имперскому министру юстиции.

Разговор, естественно, был записан. Картотеку, в которой скрупулезно фиксировались тайные пороки партийных вождей, Гейдрих вел со времени Веймара. Она составляла его частное достояние, помимо обширнейшего банка информации, который пополнялся по долгу службы.

Кроме него и фрау Гейдрих, никто не был посвящен в опасную тайну, хотя о существовании картотеки догадывались многие. Ходили слухи, что шеф СД завел подобные досье на всех руководителей рейха, включая рейхсфюрера СС и даже самого Гитлера.

СТРАННЫЙ РАЗГОВОР С ШЕФОМ СС

Борману это, естественно, не нравилось. И он искал способ подставить Гейдриху подножку, а заодно и не менее опасному Канарису. Вспоминался вечер, когда отмечался день рождения очередного наследника Бормана... Гиммлер тогда, загадочно улыбаясь, устроился рядом с ним на диване, повел взглядом по сторонам, и гости постарались держаться от них подальше.

— Меня информировал Канарис, что у нас в самых верхах происходит утечка информации.

Борман недоверчиво улыбнулся.

— Представь себе, он утверждает, что источник ее где-то среди первого десятка ключевых фигур партии и государства.

— И он, разумеется, не назвал ее?

— Нет. Думаю, что это плод его воображения, но все же... Канарис слишком умен, чтобы попусту бросать такие обвинения. Какие-то причины на то есть.

— Их нетрудно разглядеть. Сухопутный адмирал хочет кого-то потеснить или убрать. Чужими руками.

— Кого же, на твой взгляд?

Мартин пожал плечами:

— Того, кто где-то перешел дорожку хитрому греку. Я не в курсе всех его закулисных делишек, так что боюсь дать маху. К тому же толковать о «первой десятке»... Знаешь, мне очень хочется увидеть своих малышей совершеннолетними.

Гиммлер хитро прищурился:

— Можешь не сомневаться. У тебя есть основания не доверять мне? Попробуй быть откровенным.

— Ну что ж — попробую. Десять... Думаю, что Канарис не силен в арифметике. Я перечислю вдвое больше руководителей, и трудно сказать, кто из них важнее и более информирован.

— И все же?

— Ну хорошо: начнем с самого высокого верха — отпадают сразу двое — ты и фюрер. О нем вообще не может быть речи, о тебе тоже.

— Любопытно насчет моей персоны...

— Во-первых, ты ему не по зубам, во-вторых, тогда бы он сказал не тебе, а, предположим, рейхсмаршалу.

— Логично.

— Отпадают Геринг, Риббентроп, Розенберг, Геббельс? Не вижу точек соприкосновения. Лей? Совсем далеко. Не вписывается и Кейтель...

— А твой шеф?

— Ну, о нем мне говорить не очень-то удобно, к тому же Гесс ничем не ущемлял Канариса, и тот не слишком сует нос в дела партии. Зачем? А вот о твоём подчинённом... Хотя он, пожалуй, не относится к первой десятке, тем не менее достаточно авторитетен и влиятелен.

— Гейдрих?

— Я рассуждаю так: абвер, при всем к нему уважении, несмотря на значительную модернизацию и огромное влияние, все же во многом традиционный, в основном обслуживающий вермахт. Многое в нем не просто традиционно, даже шаблонно. Те же органы СД, кото-

рые еще не имеют такого опыта и, может быть, таких опытных кадров, тем не менее успешно решают более широкий круг задач и зачастую наступают на любимые мозоли адмирала. Думаю, это не очень ему нравится...

— Гм... Над этим стоит подумать. Но ты, должно быть, из скромности забыл еще об одном подчиненном.

— Самом себе? Зачем я Канарису? Ну а что касается информации...

— Я шучу. — Бесцветные глаза Гиммлера превратились в щелочки, тонкие губы плотно сомкнулись.

Да, странный разговор. К чему бы его затеял шеф СС? Хотя в нем есть рациональное зерно: сам того не ведая, Гиммлер предупредил: удвой осторожность. И, пожалуй, главное — надо незаметно сравить двух нацистов — Гейдриха и Канариса. Пусть активней грызут друг друга. От этого выиграет третья сторона...

Из кабинета выплыл сияющий Гейдрих:

— Я задержал тебя, но что поделаешь — срочное и неотложное дело: конфликт на границе с Польшей. Надо было решать немедленно. Прошу...

НАПАДЕНИЕ НА ПОЛЬШУ С ДВУХ СТОРОН

День нападения на Польшу приближался.

Борман видел, как волнуется Гитлер. Он боялся, что Англия и Франция нанесут ему ответный удар на Западе.

Только за сутки до нападения, он утвердил приказ о переходе Польской границы. Вопрос об внезапном ударе на Польшу был решен.

В ночь с 31 августа на 1 сентября 1939 года впервые вступили в действие созданные Канарисом диверсионные отряды — его гордость. Канарис руководил ими с командного пункта в Бреславле.

Под покровом ночи агенты Канариса начали просачиваться через границу и занимать «боевые позиции». Одетые в штатское платье, снабженные польскими документами, они не сразу бросались в глаза. Около двух

часов ночи Канарис передал в эфир пароль «Эхо». Десятки портативных раций, настроенных на Бреславль, приняли его. И в мирно спавших польских городах пограничья загревели выстрелы, полилась кровь.

Диверсанты абвера захватили узлы связи, военные заводы и электростанции, мосты, центральные учреждения. Они сеяли панику, вносили дезорганизацию и хаос в аппарат управления. В ночь на 1 сентября Канарис перебросил через границу 5 тысяч своих агентов.

В самой Польше диверсантов встретили заранее подготовленные боевые группы, состоявшие в основном из граждан немецкой национальности, которые проживали в этой стране. Боевая группа отдела в Верхней Силезии, например, насчитывала 1200 человек. Вместе с агентами, переброшенными в ту ночь через границу, этот ударный отряд занял город Катовице и удерживал его до подхода немецких танковых войск.

Но и другие группы не сидели сложа руки — захватили десятки шахт, электростанций и мостов. Все это произошло еще до официального объявления войны, до перехода немецкими войсками границ Польши.

В Польше, таким образом, были впервые опробованы методы ведения войны, предложенные Канарисом. Эти методы, да и сам Канарис, получили полное признание Гитлера. Фюрер пожаловал начальнику абвера высший орден империи — рыцарский крест.

Немецкая армия за двадцать дней разбила войско Польши, разогнала его армию.

Немцы торжествовали. Каждый вечер на площадях городов митинговали. Сотни голосов кричали:

— Клянемся отдать все силы служению Адольфу Гитлеру! Клянемся отдать ему жизни! Да поможет нам Бог!

28 сентября довольный Гитлер собрал в обеденном зале рейхсканцелярии приближенных ему членов партии, офицеров, генералов.

Он поднял бокал с шампанским и воскликнул:

— Победа! Весь мир станет немецким!

По улице мимо рейхсканцелярии вели многотысячные колонны пленных польских солдат и офицеров.

Усталые, в рваных мундирах медленно шагали они по улицам. Стоящие на тротуарах немцы и немки бросали в них гнилые овощи, били палками, плевали им в лица. Группа молодых немцев прорвала цепь конвоя и с дубинками в руках набросилась на польских пленных.

— Бей поляков!

— Смерть славянам!

Кровь лилась по лицам несчастных.

Кое-кто из пленных пытался отвечать на удары. Тогда на помощь юнцам пришли солдаты конвоя, прикладами винтовок били они по головам и спинам военнопленных. Один из поляков, прорвавшись через цепь конвоя, закричал:

— Русские вам отомстят...

Юнцы встретили крик хохотом: союзная Красная Армия ударила в тыл полякам 17 сентября 1939-го.

СЕКРЕТНО

Докладная записка советского военного атташе в Польше генерал-майора Рыбалко П.С.

1 сентября ударом небывалой силы Германия обрушилась на Польшу. Командование Польши не предвидело, какой силой обладает германский вермахт. За три дня немцы буквально размяли гусеницами польские войска. Соединениями командуют генералы: Клюге, Гот, Рунштедт, Клейст, Хубе, Геннер, Рейхенау, Роммель.

Штаб-квартира Гитлера расположилась в городе Сопоте. Бои на побережье уже закончились, только старый немецкий линкор «Шлезен» бил из крупнокалиберных пушек по защитникам полуострова Хела. За боем из безопасного места наблюдал Гитлер.

На другой день он, Борман и Гиммлер в сопровождении генералов и советников посетили прифронтную по-

лосу. По дорогам катился поток танков, орудий, навстречу тянулись колонны польских военнопленных.

Повсюду сожженная земля, разрушенные дома, покинутые деревни. На бронированных «Мерседесах» они отправились к Варшаве. У станции Гродецк Гитлер и Борман вышли из автомобилей, чтобы осмотреть оставленный на путях польский бронепоезд.

Под Варшавой они наблюдали боевые действия артиллерийских частей. Ударные группы пехоты и танки уже пробились к городским окраинам. Орудия всех калибров вели огонь по центру города. Над Варшавой стояло тяжелое облако серого дыма. Эскадрильи бомбардировщиков кружили над горящим город.

Через полчаса фюреру доложили, что специальный разведотряд абвера ворвался в здание польской разведки и захватил ее архив.

* * *

17 сентября советские войска вошли в Польшу с другой стороны. Посольство СССР выехало из Варшавы. Военный атташе Советского Союза Павел Семенович Рыбалко возвратился в Главное разведуправление.

Он ожидал нового назначения. Но куда?

В разведуправлении Генштаба сложилась тяжелая обстановка. Вскоре его начальником стал Герой Советского Союза, известный летчик Иван Проскуров.

Работники ГРУ были удивлены этому назначению. Проскуров был далек от разведки, но активно взялся за работу. С помощью старых сотрудников он пытался перепроверить агентурную сеть, однако дело не клеилось. Среди сотрудников царило недоверие друг к другу.

Проскуров долго беседовал с Рыбалко. Новоиспеченный разведчик поведал о том, что Сталин очень интересуется источниками разведанных в Польше и Германии, но почему-то считает многие агентурные донесения ложными или сфальсифицированными. Павлу Семеновичу понравился Проскуров, человек с острым

умом. Но он оказался человеком временным, подтсавленным и недолго проработал на своем посту.

По нелепому обвинению Проскуров был отстранен от должности, арестован и за чужие грехи расстрелян.

РАДИОШИФРОГРАММА БОРМАНА В ЦЕНТР

На заводах Порше и Круппа начато производство танков с 75-миллиметровой броней.

Поскребывше, как всегда неслышно, положил на стол перед Сталиным зеленую папку с золотым тиснением «Совершенно секретно. Сводки ГРУ».

Сталин расстегнул металлические застёжки, достал плотный желтый лист бумаги и стал читать.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Разведывательная сводка по производству самолетов на авиационных заводах в Германии.

«Фирмы «Юнкере», «Мессершмитт», «Хейнкель» выпускают: двухмоторные бомбардировщики «Юнкерс-88» и «Дорнье-215», одномоторные истребители «Хейнкель-110» и «Мессершмитт-109», разведчики «Фокке-Вульф-187» и «Хейнкель», двухмоторный истребитель «Мессершмитт-110», пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87» и другие, в основном вспомогательные самолеты... Для их производства используется 819 предприятий. Ежедневно на авиазаводах выпускается 70-80 самолетов...»

Сталин подчеркнул цифры красным карандашом.

Открыв ящик письменного стола, взял сводку Наркомата авиационной промышленности. Наши заводы выпускали в день 16 самолетов вместе с учебными.

Разница в цифрах ошеломляла. Сталин крупно вывел цифры: $80-16=64$ и дважды подчеркнул итог. Прошелся по кабинету, зажег погасшую трубку, склонившись над столом, написал:

Тов. Шахурину. Нужно немедленно принимать еще более кардинальные решения и меры о расширении на-

шей авиационной промышленности и скорейшем вводе в действие строящихся на востоке страны авиазаводов с тем, чтобы в ближайшие годы довести выпуск боевых новейших самолетов до 80-100 единиц в сутки.

* * *

23 сентября 1939 года Риббентроп вернулся из Москвы. Фашистско-советские переговоры закрепляли раздел Польши. За столом у Гитлера он рассказал Герингу, Гимmlеру и Борману о том, что еще никогда не чувствовал себя так хорошо, как с сотрудниками Сталина после подписания Протокола о Прибалтике.

Сталин, по словам Риббентропа, был очень доволен соглашением. После окончания переговоров, рассказывал Риббентроп, он собственноручно обозначил на границе зоны, предназначенные для России.

— А это вам, господин Риббентроп, — сказал мне Сталин. — Дарю для охотничьего угожья. Я слышал, вы любитель охот. Кусок Беловежской Пуши — отличное для этого место.

Щедрый жест Сталина неприятно задел Геринга. Он не мог смириться с тем, что такой лакомый кусок должен стать собственностью Риббентропа. Рейхсмаршал высказал мнение, что коль эта территория должна отойти к рейху, то, следовательно, входит в его компетенцию, так как он — главный имперский лесничий.

— Но это подарено лично мне, — возмутился Риббентроп.

Борман с целью стравить их поддержал Геринга. Риббентроп закусил удила:

— Никто не имеет права отнять у меня подарок!

Гитлер, молча слушавший их препирательства соратников, постучал ладонью по столу:

— О чем спор? Через год я каждому подарю вдвое, нет, в десять раз больше. Тебе, Герман, я отдам Украину, тебе, Генрих, — Белоруссию, тебе, дорогой Иоахим, Северный Кавказ. Там еще роскошнее угожья.

— А мне что? — шутливо осведомился Борман.

— Получишь Московско-Петербургский край. Доволен?

Борман ухмыльнулся:

— Еще бы! В первую очередь я отошлю картины из Эрмитажа в вашу коллекцию, фюрер.

Однако Риббентроп, рассудив, что синица в руках лучше журавля в небе, стоял на своем. Спор закончился поражением министра иностранных дел. Геринг торжествовал. Риббентроп с испорченным настроением ушел с совещания. После этой ссоры, как заметили наблюдатели, Риббентроп и Геринг стали врагами.

ЗАЧЕМ ПРИЕХАЛ В МОСКВУ ШЕЛЛЕБЕРГ?

21 апреля 1940 года отметить день рождения фюрера собралось много гостей. Поздним вечером Гитлер под руку с Евой Браун и Ольгой Чеховой, двумя подругами, с группой приближенных вышли на террасу.

Природа подарила им редкостное зрелище: горный массив Унтероберг заливало необыкновенное багровое зарево. Горы, казалось, горели ярким пламенем, небо над ними переливалось всеми цветами радуги.

— Заключительная сцена в «Сумерках богов» не могла бы выглядеть эффектнее, чем это зрелище, — сказал Гитлер. — Это похоже на предвестие большого кровопролития. На сей раз без него не обойтись...

Шифрограмма от Бормана в январе 1941 года:

В Москву выехал с разведывательными целями руководитель шестого отдела главного управления имперской безопасности Вальтер Шелленберг.

На другой день высокопоставленный визитер вышел из вагона поезда Берлин-Москва. Руководителя зарубежной разведки встречали советники посольства Хильгер, Кегель и Браун — неординарная честь для представителя химической промышленности Германии, под личиной которого прибыл подручный Гиммлера.

В первый же день дал понять своим собеседникам из посольства, что дни Советского Союза уже сочтены и война между Германией и Россией неизбежна.

Шелленберг с интересом осматривал Москву, посещал рестораны и мало интересовался химией, хотя и рассуждал вслух о том, что намерен побывать на химических заводах Поволжья и Южного Урала.

Немецкий коммунист Герхард Кегель, работавший в немецком посольстве в Москве по поручению НКВД, организовал наблюдение за Шелленбергом и констатировал, что сотрудники посольства скептически отнеслись к этим высказываниям.

Всех интересовало одно: зачем он приехал?

Кегель докладывал:

Сотрудник посольства Хильгер сделал осторожное скептическое замечание, чтобы оживить разговор, а я выразил убеждение в том, что при подготовке войны, конечно, учитывалось, что зима в России обычно значительно холоднее, чем в Центральной Европе. Эти замечания лишь подзадорили Шелленберга, и он стал с еще большим воодушевлением рассказывать о подготовке к войне. Ее масштабы настолько велики, хвастался он, что их просто невозможно себе представить. Все до мелочей предусмотрено и учтено... Победоносные германские армии остановятся, лишь достигнув Урала, который будет в немецких руках самое позднее через три месяца после начала вторжения.

Так зачем же приехал в Москву Шелленберг?

По его распоряжению начальника ГРУ через Ольгу Чехову был сделан запрос Борману.

В начале февраля 1941 г. Борман дал ответ:

Генеральный штаб и лично Гитлер считают, что результаты деятельности разведки Канариса весьма поверхностны, имеют много пробелов, противоречивы. В абвере нет четкого представления о производственной и транспортной мощи России.

На основании собственных данных Шелленберг считает, что количество производимых советской промышленностью танков и самолетов гораздо больше указанного Канарисом. Шелленберг и его окружение считают, что Советский Союз встретит войну неизвестными нам конструкторскими новинками. Канарис же доказывает Гитлеру, что располагает на этот счет верными данными.

Ввиду изложенного Шелленберг направлен в Москву, чтобы разобраться.

Шелленбергу было разрешено посещение Свердловска, Челябинска и Уфы. Принимали его по высшему разряду. Сопровождающими Шелленберга сотрудниками НКВД было сделано все, чтобы он как можно больше видел и слышал. На водку и коньяк не скупилась.

Для немецкого гостя и его спутников были выделены четыре комфортабельных купе. Остальные в вагоне занимали артисты одного из московских театров.

Не успели отъехать из Москвы, как Шелленберг потребовал накрыть стол в купе, оборудованном под столовую. Выпили по-русски обильно, закусили.

Шелленберг стал бахвалиться Кегелю, как его уважает и любит фюрер. Зачем-то рассказывал о дружеских попойках с Гитлером, Герингом, Гиммлером. Рассказал несколько сплетен о жене Бормана, о любовницах Гитлера. Посмотрев в окно, сказал:

— Это все скоро будет наше! Подбирайте, Кегель, себе местечко для поместья.

Он стал рассказывать Кегелю подробности нанесения удара по России, потом, опьянев, задремал, проснувшись, громко продолжил:

— Слушайте, Кегель, приглашайте к нам дам. Русские артистки очень пикантны! Я там видел одну беленькую... Похожа на арийку. Черную не приглашайте — не люблю черномазых!

— Это знаменитая цыганская артистка Ляля Черная,
— почтительно сказал Кегель.

— Фи! Я не буду сидеть за одним столом с цыганкой, Зовите артисток, с ними веселей.

Минут через пять Кегель вернулся один.

— В чем дело? — спросил Шелленберг.

— Артистки легли спать.

— Так разбудите. Я им заплачу.

— Не пойдут.

— Ну тогда как хотят...

Свердловск Шелленбергу не понравился: много труб и дыма. Разведчик ездил по городу, смотрел, на заводские цеха «Уралмаша», проехал мимо других заводов, что-то записывал в блокнот, считал, подчеркивал.

СТАЛИН НЕ ПОВЕРИТ

Ночью после возвращения в Москву в квартире Кегеля раздался звонок. Разведчик, предупрежденный заранее о визите, открыл дверь.

На пороге стояли двое в штатском.

— Вас ждут! — сказал по-немецки невысокий.

Через несколько минут автомобили въехали в арку большого дома и остановились у подъезда.

Комната, куда ввели Кегеля, была разделена светлой, полупрозрачной занавеской на две части. Ему предложили сесть около стола, накрытого зеленым сукном.

По ту сторону занавески был другой стол, за которым сидели двое мужчин в штатском, трое в военной форме. Лиц их не было видно. Сидящий в центре полный военный негромко сказал:

— Здравствуйте! Перед вами руководство разведуправления. Надо побеседовать.

— Очень приятно.

— Так что вам наговорил Шелленберг?

— Гитлер нападет на Советский Союз в середине мая 1941 года. Он рассказал о плане «Барбаросса», утверж-

денном Гитлером. Главный удар фашисты нанесут на Минск, потом на Москву. Вспомогательные удары — на Ленинград и Киев. Из разговора видно, что фашисты надеются закончить войну за три месяца.

Беседа длилась около двух часов. Больше всех вопросов задавал, как это понял Кегель, генерал Голиков — новый начальник ГРУ — и его заместитель Ильичев.

— Нам нужно письменное подтверждение, — сказал в заключение Голиков. — Можете сейчас кратко записать основное?

Кегель пожал плечами:

— Разумеется.

Руководство ГРУ совещалось до утра. Как ни круги, но все сошлись на одном: словам Кегеля Сталин не поверит. Потребует документальных доказательств.

А самодовольный Шелленберг, вернувшись из Москвы, докладывал Гитлеру:

Русские уступают нам по вооружению, опытные командные кадры перебиты, страна к войне не готова.

* * *

В марте 1941 года в берлинский отдел гестапо поступил анонимный донос на правительственного советника имперского министерства хозяйства Арвида Харнака». В анонимке говорилось:

Харнак в прошлом имел коммунистические взгляды и даже являлся секретарем немецкого общества по изучению советского планового хозяйства.

Это было правдой. Но «доброжелатель» не знал, что Арвид Харнак с 1935 году был резидентом разведки Главного управления государственной безопасности НКВД СССР в Германии. Но планируя работу на многие годы, он после беседы со связными из Москвы прекратил связь с коммунистами и вступил в национал-социалистическую немецкую рабочую партию.

По рекомендации Бормана его приняли в члены престижного клуба — места встреч аристократов, крупных промышленников, высокопоставленных чиновников, военных и нацистских бонз. Борман сделал его внештатным консультантом по делам стран Восточной Европы. Поэтому когда гестапо взялось за расследование доноса, перед ними предстал чуть ли не образец немецкого служащего.

Все, к кому бы ни обращались следователи, дали о нем самые лучшие отзывы.

В итоге гестаповцы без лишнего шума свернули дело, а Харнак через короткое время получил повышение и стал старшим правительственным советником.

БОРМАНА ВЫЗЫВАЮТ В МОСКВУ

Уважаемый господин Борман!

Посол государства Бразилия приглашает вас на торжественный прием, посвященный национальному празднику нашего государства.

Прием состоится в субботу в 18.00 в ресторане «Цецилия».

Ровно в 18.00 большой черный «Хорьх» подъехал к парадному подъезду ресторана. Два швейцара, подскочив к автомобилю, открыли дверцы. Борман в сопровождении адъютанта вошел в холл ресторана. По случаю праздника высоких гостей вышли встречать посол Бразилии дон Рикардо и его супруга Марселита. Борман сердечно поздравил их с торжественной датой.

В глубине холла Мартин заметил мадам Цецилию, подошел к ней.

— Вы все хорошеете, — улыбнулся он. — Счастливый человек ваш муж!

Цецилия ответила очаровательной улыбкой и тихо произнесла:

— Вас вызывают в Москву.

— Что?!

— Вы не ослышались. Именно так.

— Они что, рехнулись?

Цецилия пожала плечами:

— Я сама удивилась не меньше.

— Передайте, что это невозможно.

Цецилия кивнула:

— Думаю, потому что сменилось начальство. Как говорят в России: новая метла по-новому метет.

* * *

Поздним вечером на прием к Сталину явился начальник разведуправления генерал Голиков. Он заметно нервничал, но под пристальным взглядом хозяина кабинета медленно раскрыл коричневую кожаную папку:

— Важные документы...

— Кто прислал?

— Человек из десятки.

— Прислал или привез? — уточнил Сталин.

— Получена шифрограмма — он не может приехать.

— Что? Я хотел посмотреть ему в глаза! Не верю информации, которую он присылает. Это явный двойник, — жестко повторил Сталин. — Повторите вызов. Не мне же к нему ехать?

Голиков чуть заметно пожал плечами:

— Приказ будет выполнен.

* * *

На правительственном совещании адмирал Канарис доложил Гитлеру результаты сообщения разведки, работающей на территории Советского Союза.

Борман внимательно слушал. Сведения из России дает человек, явно работающий в верхнем эшелоне:

В феврале Генеральный штаб представил на утверждение правительству СССР третий вариант мобилизационного плана. Общее число развертываемых соединений определилось в 349 дивизий. На 25 больше, чем в январском проекте плана. В марте военные

округа получили указание Генерального штаба о разработке к 1 мая новых мобилизационных планов.

Сталин приказал усилить фортификационные работы на Западной границе.— 15 марта правительство России приняло постановление о производстве тяжелых танков «КВ». По приказу Сталина на 1941 год запланировано 1200 танков.

Россия готовится к войне, — заключил Канарис.

Борман окончательно уверился в том, что такие сведения могут дать только люди, работающие в правительстве или Генеральном штабе. Надо предупредить Сталина. Через несколько дней ушла шифровка:

Докладываю: в армейские учреждения Красной Армии внедрен немецкий разведчик, который сообщает о проводимых мобилизационных мероприятиях.

Сталин медленно прочитал радиограмму. Взяв красный карандаш, он подчеркнул несколько фраз. Вызвав Поскребышева, распорядился:

— Берия ко мне.

Через двадцать минут в кабинет вошел запыхавшийся нарком НКВД. Сталин смерил его тяжелым взглядом:

— Слушай, Лаврентий! Чем занята контрразведка?

Берия молча ждал.

— Ежов работал плохо, мы его убрали. Вот полюбуйся! — и он протянул ему донесение.

Берия быстро пробежал текст и тихо сказал:

— Примем все меры. Шпион не уйдет от нас.

По личному указанию наркома было проверено около тысячи личных дел руководства армии и связи. Радиопеленгаторы работали по всей Москве и Московской области, но передатчика так и не обнаружили.

* * *

Поезд шел без остановок и к утру прибыл к побережью Ла-Манша. После завтрака Гитлер, Борман и генерал Бок на автомобиле поехали к дюнам, где фюрер

поднялся на площадку с установленной на ней стереотрубой. В окуляры был видан берег напротив.

— Борман, идите сюда, посмотрите, как отчетливо виден английский берег! — сказал Гитлер. — Пора пощекотать брюхо Черчилля?

Борман, прильнув к окулярам, подумал:

«У тебя совсем другие замыслы, но неспроста ты приехал во Францию полюбоваться на скалы Дувра».

Гитлер хитро усмехнулся:

— Рано или поздно англичане сами убедятся, что с нами бесполезно воевать, и захотят договориться об условиях мира... Будем великодушны. Я не хочу, по крайней мере сейчас, уничтожать их.

Борман промолчал. Он и без этого знал, что навязчивой идеей фюрера была Россия. При всяком случае он повторял, что «единственный подлинный враг Европы находится на востоке».

Около часа фюрер расхаживал по смотровой площадке, ни с кем не разговаривая, погруженный в думы, а когда возвратились и пришли в кабинет, распорядился:

— Зейдлиц, несите приказ. Я принял решение!

12 октября 1940 года Гитлер отдал приказ об отмене плана «Морской лев», а через два дня, встретившись на Бреннерском перевале с Муссолини, изложил другу свою оценку военного положения и ближайшие стратегические планы страны.

* * *

Проанализировав действия Гитлера за последние две недели, Борман зашифровал и отправил в Москву следующий текст:

Намерения Гитлера изменились. Десанта в Англию не будет. Все его внимание обращено на Россию.

Через десять дней Борман отправил в Москву еще одну шифрограмму:

Генеральным штабом сухопутных сил подготовлен новый документ под названием «Вооруженные силы

России по состоянию на 1 января 1941 г.». Тираж — 2 тысячи экземпляров — разослан во все командные и штабные инстанции вермахта. Документ рассматривается как официальная оценка советского военного потенциала, положенная в основу стратегических расчетов. Силы Красной Армии определяются в 150 стрелковых дивизий, 32-36 кавалерийских дивизий, 6 мотомехкорпусов и 36 мотомехбригад. Численность армии мирного времени 2 миллиона человек. В случае войны, по мнению командования, Советский Союз может отмобилизовать 11-12 миллионов человек, однако нехватка кадров и техники не позволит это сделать. Реальной считается мобилизация шести миллионов человек.

Сообщение подпольного комитета Коммунистической партии Германии:

В Берлине задержана советская разведчица Мария Фитингоф, ее муж и брат мужа. По указанию Гитлера Мария Фитингоф (Ольга Соломенко — Авт.) расстреляна. Вагнер

В начале 1941 года разведка докладывала Сталину неоднократно, что нападение на СССР планируется на март-апрель 1941 года.

Сталин сказал:

— Я этому не верю — по опыту войны немцев в Западной Европе, основным средством достижения стратегических целей у них являются танковые и моторизованные соединения. Но эти части из-за ограниченного количества дорог у нас и весенней распутицы массово применимы не могут быть.

Вступив в должность начальника разведывательного управления Генерального штаба, генерал-лейтенант Филипп Голиков докладывал Сталину:

— Мы располагаем обширными сведениями о намерениях гитлеровской Германии в отношении Советского Союза, имеем материалы о военном потенциале Германии, ее мобилизационных мероприятиях, новых войс-

ковых формированиях, общей численности вооруженных сил, о количестве и составе гитлеровских дивизий, их группировке на всех театрах военных действий, о стратегическом резерве...

* * *

*Первый отдел контроля и наблюдения
особой комиссии КР НКВД СССР:*

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Не подлежит оглашению

Написано в одном экземпляре

Хранить в особом пакете

Только товарищу Сталину

Отдел особого наблюдения за послом СССР в Германии сообщает: Владимир Деканозов быстро вошел в окружение Гитлера. Постоянно бывает в гостях у Геринга и Гейдриха, выпивает. В их обществе ему присвоено прозвище «обаятельный посол Володя». В беседах с Герингом ему постоянно рассказывают о подготовке немецких войск к высадке на юге Англии...

В личной беседе Геринг неожиданно, как показалось аналитикам разведки, ни с того, ни с сего, а доверительно поведал Деканозову, что один из сотрудников немецкого посольства в Англии (под псевдонимом «Ранзан») работает на английскую разведку, передавая им нужную для Германии дезинформацию.

По этому же источнику Гитлер реорганизовал органы разведки на четыре независимые друг от друга группы. Информатор считает, что через Геринга и по другим каналам немцы передают Деканозову специально планируемую дезинформацию.

ВОЙНА — ДЕЛО РЕШЕННОЕ

РАДИОГРАММА БОРМАНА

Берлин усиливает давление на Софию, стремясь покрепче привязать Болгарию к блоку. 1 марта 1941 г. пра-

вительство Болгарии подпишет соглашение о присоединении к блоку.

В конце февраля 1941 года посол Германии в СССР Фридрих-Вернер граф фон дер Шуленбург и его два сотрудника — военный атташе генерал Кестринг и советник посольства Хильгер, узнав от Вальтера Шелленберга о готовящейся войне, написали на имя Гитлера обстоятельную докладную записку.

На основе исторического опыта, со ссылкой на опасность недооценки обороноспособности Советского Союза, они считали своим долгом предупредить фюрера об огромном риске войны против СССР.

Более месяца ждал посол ответа, но не дождался.

* * *

В середине апреля фон Шуленбург попросил у Гитлера аудиенции, чтобы лично вручить ему повторную записку и на словах объяснить ее суть. Кроме того, он хотел разузнать, насколько соответствовали действительности разговоры и слухи о предстоящей войне.

30 апреля 1941 года Шуленбург вернулся из поездки в Берлин, где встречался с Гитлером, и сообщил ближайшим сотрудникам, что «выбор сделан, война — дело решенное». В мае фон Шуленбург имел непродолжительную встречу с советским послом в Германии Владимиром Деканозовым. При встрече Шуленбург оказал:

— Передайте Сталину, Германия нападет на Россию 15 мая.

* * *

Но среди разведчиков работа шла своим чередом.

12 апреля 1941 года начальник главного управления государственной безопасности НКВД СССР генерал П.М. Фитин направил в Берлин указание резиденту готовить группы «Корсиканца» и «Старшины» к работе в военных условиях, наладить радиосвязь с Центром.

Начало войны не застало берлинскую резидентуру НКВД врасплох. 24 июня на Ангельском вокзале состоя-

лась последняя встреча резидента НКВД с радистом. Ему были переданы деньги и новые шифры.

Война для разведчиков в глубоком тылу Германии начала медленный отсчет своих дней...

СЕКРЕТНО

Информатор «Валентин»

Докладываю: неделю назад генерал Гальдер доложил Гитлеру, что операция «Морской лев» (высадка немецких войск на Британские остроу) невозможна. Гитлер с ним согласился. Немецкое командование разработало операции «Акула» и «Гарпун» по дезинформации советского руководства. Цель операций — создать у Сталина уверенность в обязательной высадке немцев в Англии. Под прикрытием этого ударить по СССР.

На другой день Сталин вызвал к себе генерала Виктора Абакумова и после получасовой беседы назначил его начальником Управления особых отделов РККА.

Абакумов подчинялся лично Сталину. По какому-то расчету вождь вывел Абакумова из подчинения Берии.

* * *

...30 марта 1941 года Гитлер собрал у себя генералитет для окончательного обстоятельного разговора с военачальниками о скорой войне против СССР.

— Это война на уничтожение, — подчеркнул он. — Мы расчленим Россию, истребим большевистских комиссаров и коммунистическую интеллигенцию. Я разрешаю вам действовать самостоятельно. Уничтожайте нашего многовекового врага — славян.

В соответствии с этой варварской программой Кейтель летом издал пресловутую «Директиву об обращении с политическими комиссарами».

Заканчивая выступление, Гитлер сказал:

— Цель моей возможной политики заключается в том, чтобы заселить эту территорию по крайней мере

ста миллионами людей германской расы. Мы должны задавить своей массой недочеловеков. Надеюсь, лет через десять мне доложат, что на полях бывшей России проживает уже двадцать миллионов немцев. Никаких прививок, никакой гигиены для русских, только водка и табак! Лучше всего было бы обучить их языку жестов и довести до состояния обезьян.

Фюрера дополнил Гиммлер:

— Принципиальная линия, — сказал он, — для нас абсолютно ясна: этому народу не надо давать культуру, вполне достаточно, чтобы их дети запомнили дорожные знаки и не бросались под машины, как глупые птенцы, чтобы они научились считать только до 25, чтобы они умели подписывать свою фамилию. Больше им ничего не надо. Больше мы им ничего не дадим.

4 мая 1941 года под гром аплодисментов и крики «хайль» Гитлер вышел на трибуну рейхстага:

— Депутаты! Члены немецкого рейхстага! Во времена, когда дела являются всем, слова ничем, я не имею намерения выступать перед вами, как перед избранными представителями немецкого народа, чаще, чем это требует необходимость...

Фюрер подробно рассказал депутатам, как были разбиты Польша, Бельгия, Голландия, Франция, Норвегия, Югославия и Греция. Похвалил военных: в покорения Европы вооруженные силы превзошли самих себя. Пехотные, бронетанковые и горные дивизии, как и соединения войск СС, соревновались без отдыха в храбрости, выдержке и упорстве. Работа генерального штаба была выдающейся. Воздушный флот прибавил к своей исторической славе новые героические подвиги.

Для немецкого солдата нет ничего невозможного.

ШИФРОРАДИОГРАММА БОРМАНА В ЦЕНТР

Сегодня Гитлер перенес день начала нападения на Советский Союз с 15 мая на 38-40 дней. Вечером Гитлер

подписал директиву № 25 о нападении на Югославию даже и в том случае, если новое правительство сделает заявление о своей лояльности.

За обедом Гитлер с гневом сказал:

— Изменив дату удара по русским с 15 мая на июнь, мы подарили Сталину 40 дней для подготовки. Я приказал жесточайшим образом наказывать югославов.

* * *

Отношения с Гессом у Бормана не сложились.

Гесс считался первым заместителем Гитлера по партии, его наследником, его личным другом, был начальником Бормана и по многим каналам контролировал его работу, а отношения — не сложились.

Мартин Борман внимательно осматривал Цоссенскую резиденцию генерального штаба. Здесь он еще не был. Бетон и колючая проволока, минные заграждения, различные виды сигнализации делали невозможным проникновение в район Цоссена посторонних лиц.

Строили все это пленные польские солдаты. Борман знал, что по окончании строительства их отвели в ближайший карьер и расстреляли, чтобы сохранить тайну.

На площадке перед входом Бормана встретил начальник генштаба генерал Гальдер. Они спустились на лифте в подземелье, укрытое сверху 3-метровым слоем железобетона. На поверхности земли были построены дачные домики, бараки, посажены деревья. Подземные помещения разделены на секции, отдельные кабинеты-квартиры по пять, семь комнат. Сверкали кафель и никель, горели яркие хрустальные светильники.

В садах Цоссена между домами, садами, розариями укрылись помещения генерального штаба абвера. Из домиков по скоростным лифтам сотрудники спускались в бункеры, соединенные между собой туннелем, по которому в двух направлениях двигались электропоезда. Подземные кабинеты были тщательно подготовлены к работе: вентиляция, отопление, освещение.

Борман не раз пробовал скомпрометировать Гесса в глазах фюрера, но безуспешно. В сейфе Бормана хранилось большое досье на Гесса, но все его «компромат», доведенные до сведения Гитлера, оставались без внимания. В конце концов Мартин-таки нашел способ подбросить к Гессу. Он стал нахваливать Гитлеру его дипломатические качества.

КАК УСТРАНИТЬ ГЕССА ЕГО ЖЕ РУКАМИ?

Борман сыграл важную роль в организации полета Гесса в Англию, первым подсказал Гитлеру, что никто, кроме Гесса, родившегося в Александрии и с детства говорившего по-английски, не сможет повернуть англичан к сепаратному миру. Гитлер колебался.

Фюрер боялся воевать на два фронта, о чем часто говорил, боялся России. Ему нужен был мир на Западе.

В середине марта Борман посетил основателя мистического общества Туле профессора Карла Гаусхофера, и тот составил звездный гороскоп, который «со всей очевидностью подтверждал необходимость полета нациста номер два в Англию».

Как-то на приеме Гаусхофер попросил фюрера о встрече. Борман, стоящий рядом, посоветовал Гитлеру принять профессора. Это было условлено заранее; и ученый муж, и рейхслейтер сходились в неприязни к Гессу. Гаусхофер понял, на кого следует делать ставку. На встрече с Гитлером профессор сказал, что вошел в астральную связь с герцогом Гамильтоном и тот ждет прибытия Гесса в Англию. Борман, присутствовавший при беседе, ретиво поддержал профессора:

— Стоит попытаться. В Англии есть возможность торговаться если не о мире, то о длительном перемирии. Тем более, что нас разделяет с ними лишь Ла-Манш, а это не столь уж непреодолимая преграда. К тому же, я думаю, опасности для жизни Гесса нет. Ну, а после победы над «томми» мы освободим его.

Гаусхофер по просьбе Бормана провел несколько бесед с Гессом и убедил его в приближающемся чуде. Гесс, опоенный наркотиками, поверил и полетел в Англию.

Но там все пошло не так, как было задумано.

Гесса арестовали при посадке. Английская контрразведка проводила интенсивные допросы, и Гесс подробно изложил задачу, поставленную перед ним Гитлером.

Для уменьшения сумятицы после скандального полета, повсюду срочно провели закрытые партсобрания национал-социалистической партии, на которых разъяснили, что Гесс полетел в Англию по указанию Гитлера, что он совершил геройский поступок в интересах рейха и его следует считать руководителем партии.

Но и на русском направлении не сидели сложа руки. Вскоре из немецкого посольства в Москве пришла необычная шифрограмма:

Срочно. Особой важности

Начальник Генерального штаба генерал Жуков разработал план упреждающего удара Красной Армии по сконцентрированным немецким войскам.

Документ датирован 15 мая 1941 года.

В нем направления превентивных ударов Советских Вооруженных Сил. План подписан Тимошенко и Жуковым. Схема направления основных ударов Красной Армии срочно направлена в Берлин специальным курьером.

Дополнение:

За информацию, с разрешения господина Шелленберга, оплачено субъекту Р 100000 рублей. Валет-7

* * *

Из личного дневника Иозефа Геббельса:

20 мая 1941 г. (вторник). Вчера с делом Гесса покончено. Борман издал циркуляр по партии, в котором представляет себя. Его положение подвергается атакам со всех сторон.

Он, как я полагаю, нечестен и вообще темная личность. Добился своего положения скорее хитростью, а не заработал его. Руководящий партийный слой инстинктивно чувствует это, а отсюда и отрицательное отношение к нему. Нам придется туго, если он захочет пробиться. Фюрер тоже начинает видеть его насквозь. По отношению к Гессу Борман вел себя вероломно. Гесс был близорук, но порядочен. Чего нам ждать от Бормана?

21 мая фотокопия записи Геббельса о Бормане была доставлена секретарем Геббельса и лично вручена Мартину Борману.

* * *

С середины 30-х годов Борман присматривался к начальнику абвера Канарису. Со многими он имел дело, но этого не мог раскусить. Словно медуза, выскальзывал адмирал из рук, менял тему разговора, уходил от прямого ответа. За час беседы мог десять раз сказать «да» и двадцать раз «нет». А когда раставались — невозможно было понять: договорились с ним или нет.

Много тайн знал Канарис. На его совести — террористические акты, похищения, дезинформация, шантаж... Борман чувствовал, что Канарис установил слежку и за членами его семьи, сотрудниками.

В ответ Борман создал группу приближенных людей по наблюдению за Канарисом. Это было трудным занятием — тягаться с профессионалами абвера. Но уже вскоре Борману донесли о том, что Канарис в беседах с генералами делал намеки на необходимость смещения Гитлера и Бормана, более того, сказал Гудериану, что Борман, вероятно, работает на вражескую разведку.

— Чью? — поинтересовался Гудериан.

Канарис улыбнулся:

— Надо надеяться, что скоро это будет установлено.

Гудериан, не любивший Канариса, проинформировал Бормана о беседе с начальником абвера.

Борман усилил наблюдения за Канарисом и его людьми. Надо было срочно искать на него компромат.

ШИФРОРАДИОГРАММА БОРМАНА В ЦЕНТР

В апреле 1941 г. главное командование Германии отдало приказ: «Время начала операции «Барбаросса» вследствие проведения операции на Балканах переносится по меньшей мере на 4 недели. Днями ожидается нападение Германии на Югославию.

Борман набирал силу. После перелета Гесса в Англию практически, если не вся власть в партии, но ее тайные пружины были у него в руках. Гитлер сосредоточился на ведении войны. Мартин упорно искал способ устранить и Гитлера, чтобы сорвать или хотя бы отсрочить нападение Германии на Советский Союз.

Но как это сделать?

Он стал одним из могущественных людей рейха: контролировал финансы партии, руководил заграничными центрами НСДАП. Ему подчинялись гауляйтеры — и в Германии, и на оккупированных ею территориях. Правительства Франции, Словакии, Югославии, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии выполняли его распоряжения. С ним согласовывал внешнеполитические шаги Риббентроп. Все боялись Бормана, ибо его влияние на Гитлера росло с каждым днем...

Но рядом с фюрером были другие, не менее влиятельные — Гиммлер, Геринг, Геббельс. Это были достойные соперники. Да и сам Гитлер обладал буквально собачьим нюхом на малейшую опасность. На страже особы фюрера стоял Гейдрих — начальник имперского управления безопасности. Охрана фюрера, его дворцов, автомобилей, поездов была в его ведении. Надо как-то нейтрализовать эсэсовца!

Борман достал из сейфа досье на Гейдриха, полистал его и ухмыльнулся. На другой день на стол фюрера легла голубая папка. Гитлер читал долго, наливаясь гне-

вом. Гейдрих, самый яркий антисемит рейха, виновный в миллионах убийств женщин и детей только за то, что они были рождены евреями, оказывается, внук концертмейстера венской оперетты Альфреда Гейдриха, заказывающего себе мацу на еврейскую пасху!

Антисемит Гитлер был уязвлен до глубины души, и в этой глубине к тому же шевельнулся страх. Ведь его тетка, Грейхен Гирш, была замужем за евреем...

ПРОПАЛА ХОЗЯЙКА РЕСТОРАНА

В середине июня 1941 г. Берлин облетело сенсационное сообщение: 10 июня пропала хозяйка ресторана «Цецилия» — Цецилия Крюгер.

Полиция установила, что к дому мадам Крюгер подъезжала машина. В саду у окон комнат хозяйки была найдена лестница. Сейф в спальне, где хранились драгоценности и деньги, оказался взломанным. Борман поручил Мюллеру во что бы то ни стало найти Цецилию.

12 июня Борману доложили, что в Шпрее обнаружен труп женщины, схожей с хозяйкой ресторана.

Через два дня состоялись пышные похороны — хоронили Цецилию Крюгер... Множество берлинцев шло за гробом погибшей красавицы. Восьмерка черных лошадей везла катафалк, на котором стоял дубовый гроб.

За гробом шел убитый горем вдовец, господин Вальтер Крюгер. Рядом с траурными повязками на рукавах шли Борман, Геринг, Гиммлер и многие другие...

А в это время разведчица везла добытые из немецкого генштаба доклады. Закрытый черный автомобиль пересекал старую границу между Германией и Польшей. У шлагбаума его остановили два солдата и офицер пограничной охраны. Открылась задняя дверь автомобиля. Женщина в элегантном синем костюме протянула офицеру паспорт и удостоверение сотрудницы СС. Тот медленно читал фамилию:

— Луиза фон Дитрих.

С любопытством взглянув в лицо владелицы паспорта, он щелкнул каблуками и громко сказал:

— Счастливого пути!

Вечером черная машина остановилась в лесу западнее Перемышля. Женщина в синем костюме прошла малозаметной тропкой несколько километров к дому лесника. После условного стука в ставню в доме все замерно, но открылась дверь.

— У вас не найдется топленого молока?

— Есть только вчерашнее, да и то не топленое.

— Жаль. А квас?

— Заходите.

— 3844, — представилась леснику неожиданная посетительница. — Срочно ведите меня по седьмой тропе.

— Минутку: переоденусь.

Он заглянул в соседнюю комнату и распорядился:

— Ганю, дай-ка пани накидку и сапоги.

* * *

Через час двое мужчин провели ее через лес к небольшому хутору. Вскоре из дома вышли трое. Один из них был в форме советского пограничника.

— Смоленск 3844, — сказала женщина.

— Витебск 11. Мы не ожидали вас.

— Срочно ведите к одиннадцатому.

— Хорошо.

— Спасибо, товарищи, — поблагодарила сопровождающих женщина. — Всего вам доброго.

В полночь грузовая машина въехала во Львов. В сопровождении двух военных в форме НКВД женщину ввели в большую комнату. Моложавый полковник, сидящий за большим письменным столом, окинув ее внимательным взглядом, указал на стул:

— Садитесь. Итак, кто вы и зачем здесь?

— 3844 Брянск, умножьте на 1,48. — И она выжидательно посмотрела на хозяина кабинета.

Тот, приоткрыв какую-то папку кивнул:

— Все правильно, но ваш переход не был запланирован, и товарищи из РККА не предупредили.

— Знаю, — сказала женщина резко. — Звоните срочно в Москву 33744 в ГРУ. Я пришла с чрезвычайным сообщением.

— Что у вас с собой? — спросил полковник, показывая на дорожную сумку.

— Можете посмотреть.

До сих пор молча стоявший старший лейтенант быстро ощупал ее и затем выложил содержимое на стол, не удержавшись от изумленного «ого!» На столе лежали пачки фунтов стерлингов и драгоценности.

— Не огокайте, а составьте акт, — сердито оборвала женщина.

...В полдень на специальном самолете во Львов прибыли генерал-майор Рыбалко и подполковник Аркуша. Поздоровавшись с ними, женщина сказала:

— Я ждала другого.

Повел Семенович покачал головой.

— 3744 явиться не может.

— Почему?

— Об этом потом.

В разговор вступил Аркуша:

— Вы должны меня помнить, я дублирую 3744.

Женщина кивнула:

— Конечно, вас помню, Александр Иванович, и вас тоже, товарищ генерал-майор. Мы вместе учились в академии. Только я поступила позже.

— Итак, товарищ Вольнская?..

— Срочно везите в Москву, у меня очень важные данные.

Через час на том же самолете все трое полетели в Москву. 10 июня Борман отправил шифровку:

22 июня в 3.00 германские войска нанесут удар по всей советско-германской границе. Вместе с ними

вступают в бой войска Румынии, Финляндии, Венгрии, Словакии.

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ И ЕГО КОМАНДА

Сменивший Ежова Лаврентий Павлович Берия окружил себя своими бывшими подчиненными по службе в Грузии. На ответственные посты в НКВД он поставил Меркулова, братьев Кабуловых, Цанаву и других. Амажк Захарович Кабулов стал резидентом советской разведки в Берлине. За год до начала войны между СССР и Германией...

Образование у новорожденного разведчика не ахти какое: после семилетки — тбилисская торговая школа и курсы кооператоров в Борджоми. Работал бухгалтером на стекольном заводе. После знакомства в 1929 году с Берия, который подбирал кадры, полностью зависившие от него, Кабулов назначается в ОГПУ на оперативную работу.

Затем резкое даже по тем временам повышение — начальник Гагрского НКВД в Абхазии.

В 1938 году, когда кадры чекистов-дзержинцев были уничтожены, Кабулова назначают... заместителем наркома внутренних дел Украинской ССР, а в 1940 году без всякого опыта работы он оказался в Берлине, чтобы руководить разведкой НКВД на главном стратегическом направлении в столице основного потенциального противника.

Перед отъездом в Берлин Кабулов выслушал указания Берия. После этого заверил шефа, что поставленные задачи вполне ему по плечу.

Гестапо быстро поняло, с кем имеет дело. Познакомившись с Кабуловым, Гейдрих решил использовать его в своих целях. Для этого подобрали опытного агента — журналиста-латыша Берклинкса, аккредитованного при министерстве пропаганды Германии.

Провести «специалиста разведки» было нетрудно.

Кабулов считал, что ему повезло с вербовкой агента. Информация была именно той, которую хотелось слышать Сталину. Барклинкс старался вовсю и быстро вошел в доверие к Кабулову, который откровенничал с «лицеистом». Даже похвастал как-то, что доклады направляет лично Сталину. Материалами, передаваемыми в Кремль, постоянно интересовался сам Гитлер.

Ведомство Риббентропа готовило стряпню для дезинформации. С санкции фюрера материалы передавались «Лицеисту», а тот вручал «липу» Кабулову.

Игра продолжалась с августа 1940 года до начала войны. Кое-кому в посольстве работа Кабулова с «Лицеистом» казалась опасной. Но и в Москве Судоплатов одобрял работу «Лицеиста», прочил ему большое будущее. Параллельный орган контрразведки взял под контроль «Лицеиста» Кабулова. В Москву доложили:

Поданным нашего сотрудника, наблюдавшего за «Лицеистом», он много пьет, бахвалится и не заслуживает доверия.

Но Амаяк Захарович не прислушивался к предостережениям. Он считал себя крупным специалистом в тайной работе. За большое вознаграждение «Лицеист» предоставил следующую информацию:

Как заявил в яичной беседе Ответственный сотрудник бюро Риббентропа Клайст, немцами ведется большая подготовительная работа на французском побережье Атлантического океана и проливов, в конце июля там начнется наступление. Немцы рассчитывают уничтожить Англию в течение трех недель. Клайст сказал, что активно идет подготовка к Нюрнбергскому съезду НСДАП, который явится «съездом мира», так как низвержение английского владычества несомненно.

Кабулов сообщил в Москву:

Представитель бюро Риббентропа отметил, что беседы Молотова с Гитлером произвели на фюрера наи-

лучшие впечатления. Гитлер на основе переговоров с советским министром иностранных дел пришел к убеждению, что Советский Союз имеет абсолютно серьезные намерения относительно дружественных отношений с Германией.

Кабулов настолько самоуверен, что не обратил внимание на серьезное предупреждение из Москвы, поступившее 17 сентября 1940 года:

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Берлин Кабулову

Мы получили сведения, что «лицеист» настроен анти-советски. Будучи в Латвии старался распространять там идеи национал-социализма. Сведения получены от заслуживающего доверия источника, вам следует иметь их в виду при взаимоотношении с «лицеистом».

Кабулов, опиравшийся на покровительство Берия и слушать не хотел о подозрительных моментах в поведении Берклинкса. А как же иначе? Вождь-то доволен?

Посол Деканозов, вернувшийся из Москвы, вызвал к себе Кабулова и сказал:

— Был у Хозяина, хвалит он тебя, хорошую информацию даешь.

Дорого стоила эта «доза» советскому народу...

* * *

Историки должны обратить особое внимание на один важнейший документ, подписанный чекистом № 1:

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Особой важности

Экземпляр единственный

Только товарищу Сталину

Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашей посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бом-

бардирует меня «дезой» о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это нападение начнется завтра. Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет.

Л. Берия. 21 июня 1941 года

* * *

Ровно в полночь Вольнскую пригласили в кабинет начальника ГРУ генерала Голикова.

— Почему вы оставили пост и приехали в Союз? — спросил он, когда разведчица села.

— У меня важнейшее сообщение. 22 июня в 3.00 немецкие войска перейдут советскую границу.

— Откуда данные?

— Слышала разговор между собой генералов фон Клюге и Гудериана.

— Где это было?

— В моем ресторане. Три дня назад они праздновали отъезд на фронт. Доложите об этом товарищу Сталину.

— Это моя компетенция, капитан.

Голиков встал, показывая, что прием окончен.

Ничего докладывать Голиков не стал. Как позже стало известно, капитан Вольнская по приказу начальника ГРУ была направлена в район города Тайшета, где и прожила до 1956 года.

Днем 21 июня 1941 г. Поскребышев принес Сталину несколько шифрограмм. Сталин посмотрел на него долгим взглядом и устало сказал:

— Все носишь...

Поскребышев вытянулся и четко сказал:

— Так точно. Телеграмма из Виши от Суслопарова. Сталин взял желтый лист шифровки и начал читать.

Как утверждает резидент Жильбер, которому я, разумеется, нисколько не поверил, командование вермахта закончило переброску своих войск на советскую границу и завтра 22 июня внезапно нападет на СССР.

— Эта «информация» является английской провокацией, — недовольно сказал Сталин. — Разузнайте, кто автор этой провокации, и примерно накажите его.

На полях самых важных донесений, поступающих от Зорге, Шульце-Бойзена или Треппера, начальник Главного разведывательного управления генерал Голиков делает пометки «двойной агент» или «британский источник», «не принимать во внимание».

* * *

13 июня произошло событие, о подготовке которого Борману ничего не было известно. В этот день был конфискован тираж центрального органа НСДАП «Фолькишер Беобахтер».

Все недоумевали: в чем дело?

Вскоре выяснилась причина: в номере была напечатана заметка о том, что операция «Морской лев» (вторжение в Англию) произойдет в ближайшие дни. Говорили, что по чьему-то недосмотру «Фолькишер Беобахтер» раскрыла военную тайну.

Эту версию подтвердил приказ морского начальства — вызвать из отпусков военных моряков и их коллег с транспортного флота. Усиленно проводился радиообмен открытым текстом между судами, стоящими в портах Франции и Голландии.

Многие высшие чиновники по секрету рассказывали подробности скандала, произошедшего будто бы между Гитлером и Геббельсом. Фюрер, мол, бушевал, и министр пропаганды, в ведении которого находилась печать, впал в немилость.

Борман быстро смекнул, что и конфискация «Фолькишер Беобахтер», и «ссора» Гитлера с Геббельсом были провокацией, задуманной Канарисом и Геббельсом. Цель ее заключалась в том, чтобы сбить с толку СССР и дезинформировать общественность Запада.

Позже Геббельс неоднократно вспоминал об этой проделке, как о забавной шутке, в узком кругу.

...Весь день 21 июня Гитлер провел в Цоссене. Из комнаты телефонного узла он разговаривал со всеми командующими группами армий.

Начальник генштаба генерал Гальдер докладывал фюреру о запланированной операции на Востоке. Из предусмотренных трех групп армий группа «Север» должна двигаться на Ленинград, «Центр» — через Минск на Смоленск, «Юг» — на Киев.

Конечная цель — Волга и район Архангельска. Всего должно быть введено в бой 105 пехотных и 32 танковые и мотодивизии. Две армии — в резерве.

НАПАДЕНИЕ

Смеркалось. В штабе Гудериана шла напряженная работа. До времени «Х» оставались считанные часы.

Борман, прибывший по приказу Гитлера во 2-ю танковую группу, ни во что не вмешивался и вопросов не задавал. Хорошо отлаженная штабная машина хоть и работала в оптимальном режиме, но сбоев не давала.

Впереди деревеньки Волька Добринска, близ которой в лесу разместился штаб, — пограничный Буг, а за ним большевистская Россия.

Офицеры штаба склонились над картами. Никаких переговоров по радио, телефонные разговоры — при крайней необходимости. Да они и не нужны — все вопросы уже решены, даже самый трудный из них по обеспечению взаимодействия с авиацией 2-го воздушного флота при нанесении первого удара.

Командующий фельдмаршал Кессельринг опасался ответного удара советской авиации. Возникла проблема: когда поднять в воздух бомбардировщики?

Время начала артиллерийской подготовки и начала наступления пехоты — 3 часа 15 минут — мало устраивало авиацию: на центральном участке фронта в это время было еще темно, и вводить в действие весь флот нецелесообразно, считал Кессельринг.

Но если ожидать полного рассвета, то тех 30-40 минут, которые пройдут после начала артиллерийской подготовки, советскому командованию достаточно, чтобы вывести из-под удара свою авиацию. Конечно, в составе частей 2-го воздушного флота немало опытных в ночных полетах экипажей. Однако перелет границы до 3 часов 15 минут, чтобы выйти на цель ровно в это время, мог решить внезапно сухопутные войска.

Где же выход? Его подсказали генерал Рихтхофен — командир 8-го авиационного корпуса, и полковник Мелдере — штабной офицер, теоретик ВВС: «Подкрадемся к аэродромам на большой высоте, как воздушные разведчики. Русские уже привыкли к этим полетам»,

Борман мерил шагами помещение. «Как ответит на начало войны Сталин?» — думал он. Прошел в пункт связи, где штабные офицеры принимали сигналы готовности. «Авиация готова!» — проинформировал его, щелкнув каблуками, начальник штаба.

В штабе Квессельринга были довольны работой разведывательной группы подполковника Ровеля. Эта группа, начиная с зимы, нагло нарушая международное право, фотографировала с больших высот западные районы СССР от Прибалтики до Черного моря.

Фюрер, лично поставивший задачу Ровелю, знал: Советское правительство не отдаст приказа сбивать, самолеты-нарушители. На столе Кессельринга лежали данные обо всех пограничных советских аэродромах.

К штабу подъехал командирский танк Гудериана. Командующий подтвердил: наступление через час, и направился к наблюдательному пункту — вышке, сооруженной неподалеку. На русской стороне все спокойно...

Войска выдвигались к самой границе. Еще не все солдаты знали, что их ждет, и балагурили:

— Отдыхаем перед вторжением в Англию и запугиваем русских! Ждем разрешения пройти в Персию, чтобы нанести удар Англии в Индии!

Вот уже роты построены в укрытиях, командиры зажгли карманные фонарики: «Слушайте приказ фюрера!»

В мертвой тишине прозвучали первые слова:

— Солдаты Восточного фронта! Наступил час, когда я могу открыто говорить с вами, — обращался к вермахту Гитлер. — В этот момент совершается разворачивание, которое по масштабам является самым большим из всего подобного, что видел мир. Сейчас вы вступаете в упорную и ответственную борьбу, ибо судьба Европы, будущего германского рейха и нашего народа находится отныне полностью в ваших руках! Вперед на восток? Сокрушим глиняного монстра — Россию!

По всей границе взревели моторы немецких танков, автомобилей, бронетранспортеров. 800 бомбардировщиков и штурмовиков вырулили на стартовую линию.

Борман посмотрел на часы, и в этот момент вздрогнула земля. Сотни орудий ударили по советской территории через Буг.

Борман не сводил глаз с восточного берега. Почему они не отвечают? В чем дело?

К вечеру ему доложили, что по всей линии фронта войска успешно продвигаются, сопротивление Красной Армии ниже ожидаемого.

В 3.00 22 июня посол СССР в Германии Деканозов был вызван в МИД Германии. Риббентроп заявил, что Германия объявила войну СССР.

ОТКУДА ПОДУЛ ГОРЯЧИЙ ВЕТЕР?

К вечеру Борман вернулся в Берлин. В тот день была прекрасная погода, но многие жители столицы, изменив своим традициям, не поехали за город, а пришли на Унтер-ден-Линден.

Улица была полна народу. Люди останавливались около советского посольства, что-то выпрашивали, грозили кулаками. Шествие продолжалось целый день. Власти хорошо подготовили этот спектакль! Вдоль Ун-

тер-ден-Линден были установлены громкоговорители, из которых с шести утра раздавались звуки бравурных маршей и каждые 30 минут передавались очередные новости с фронта. Сообщения о количестве пленных, о занятии населенных пунктов, о бомбежке городов сменялись маршами.

Борман, приехав домой, включил радио, пытаясь услышать голос Москвы. Но голос этот, к сожалению, был весьма сдержан. Трудно было понять, как в действительности обстоят дела, на фронтах.

Диктор говорил:

— Советский народ поднялся на борьбу. Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров Союза ССР обратились к партийным и советским организациям. В директиве Центральный Комитет требовал отрешиться от настроений мирного времени, закончить с благодушием и беспечностью, мобилизовать все силы на разгром врага.

Неожиданно в комнату вошла Герда. Она остановилась и прислушалась:

— Что ты слушаешь? — спросила она резко. — Это же запрещено!

— Ты это серьезно? Если да, то глупость должна иметь предел. Неужели ты не понимаешь, что я должен, обязан знать то, что творится у противника? В том числе каков его моральный настрой.

Герда недоверчиво посмотрела на него. В их жизни был случай, когда она увидела у него в книжном шкафу том сочинений Ленина. Об этом она с возмущением поведала подруге. Разумеется, проинформировали фюрера. Тот ехидно поинтересовался у Бормана, чем его заинтересовала писанина большевистского идеолога?

— Многим. Мы же собираемся воевать с ними. Надо думать, русские используют ленинские установки при организации сопротивления. Надо заранее подумать, что им эффективно противопоставить. Нельзя недооце-

нивать противника, в том числе и в области идеологии. Вы же сами об этом говорили.

Гитлер что-то не припомнил такого, но, признав справедливость мысли Бормана, все же заметил:

— Но это скорее обязанность Геббельса.

— Разумеется, мой фюрер. Однако хоть он и мастер пропаганды, кое-что и ему можно подсказать.

— Это верно — дело у нас общее. Ты регулярно знакомишься с материалами русской прессы?

— Конечно. И все больше убеждаюсь, что они готовы заложить душу черту, чтобы не быть втянутыми в потасовку. Стараются выиграть время.

— Мы им не дадим такой возможности. Кстати, твоя Герда — прекрасная мать и жена, но... впрочем, политика — не женское дело.

Мартин, разумеется, согласился, подумав про себя: «Так вот откуда подул ветер! Дура — нашла с кем делиться новостями».

Чего уж тут лукавить: общий язык супруги находили только в постели. Да и там не все ладилось, когда Герда увлеклась идеей о расширенном воспроизводстве германской расы, в чем должны были принять участие и лучшие арийцы, среди коих значился он — Мартин.

Подружившись с Магдой Геббельс, она вошла в «Союз немецких женщин» с его принципом: каждый настоящий ариец должен иметь любовниц с чистой кровью и дать для великой Германии элитное потомство.

Чтобы у их детей были братья и сестры и от других ариеек. И Магда сама подыскивала для мужа чистокровных. Читая очередное послание, Борман качал головой: «У благоверной явно поехала крыша!»

Милый Мартин! Направляю тебе для знакомства девицу Клару Диль. Девушка из арийской семьи. Надеюсь, что ты не оставишь ее без внимания.

Дети здоровы, целуют папочку и желают ему успехов в труде на благо великой Германии. Хайль Гитлер!

Твоя супруга Герда

Первого июля вечером в кинозале собралось около двадцати высокопоставленных соратников Гитлера.

Показывали киножурнал о войне на Востоке. Под гром земных маршей двигались колонны танков, шли, весело улыбаясь, пехотинцы, коршунами падали на белорусские украинские города «юнкерсь».

Немецкие танки входят в Минск. Гусеницы давят бьют Сталина. По обочинам дорог редкие кучки людей.

Идут тысячи пленных, грязных, усталых. На десятки километров растянулись колонны. Оператор выхватывает лица русских, татар, калмыков, выбирает самые непривлекательные типы людей. Гитлер комментировал:

— Вы только полюбуйтесь на эти физиономии! Явные дегенераты. Им нет места на земле.

Присутствующие одобрительно зашумели:

— Недочеловеки! Смерть коммунистам!

Борман, сидящий рядом с Гитлером, провозгласил:

— Зиг хайль!

С восхищением глядя на «великого полководца», он удрученно подумал: «Почему же они отступают? Ведь если так пойдет и дальше, то дело плохо...»

* * *

В июне 1941 г. для руководства всеми видами шпионажа и диверсий против СССР создан штаб Валли». Размещается под Варшавой и местечке Сулеуек.

Рихард

Радиограмма от резидента группы «Фриц-4»:

Отделы «Валли-1», «Валли-2», «Валли-3» под руководством Гелена организовали на Восточном фронте 60 разведшкол на базе проверочных и пересыльных лагерей для военнопленных. Офицеры немецкой разведки опрашивают советских военнопленных на предмет подбора среди них информаторов и людей, которые могли бы «изменить свои взгляды», то есть потенциальных

агентов. Все отобранные ими направляются в специальные лагеря для проверки раздельно по национальностям. Срок обучения агента 3-5 месяцев.

По данным прослушивания в Кранце с 22 июня на территории Германии, Бельгии, Голландии, Франции работало около 50-и подпольных радиостанций России и групп Коминтерна. Это сообщение превратилось в кошмар для начальников двух секретных служб — рейхсфюрера Гимmlера и адмирала Канариса.

— В течение года они не смогли уничтожить русские радиостанции! — кричал Гитлер на совещании 17 мая 1942 года. — Большевики сильнее нас только в одном: в области шпионажа!

В июле 1941 г. связь Центра с группами Харнака и Шульце-Бойзена пропала. Их радиостанции молчали недели, месяцы. Тревожная неизвестность побудила руководство НКВД обратиться за помощью к военной разведке.

В сентябре 1941 г, руководителю разведгруппы Треперу в Брюссель поступила радиограмма с приказом выехать в Берлин для установления связи с группами.

Резидент успешно выполнил задание. В начале ноября 1941 г. он рапортовал, что у «Корсиканца» и «Старшины» дела обстоят благополучно. Связи не было из-за неисправности аппарата и отсутствия «музыканта».

ØÈÔËÃÄÀÌÀ ÁÌËÀÌÀ Â ÖÁÍÒË

Представляю конспективно план дальнейших боевых действий. Группа армий, продвигающаяся южнее Припятских болот, должна выступить через неделю, включая части из Румынии, и обходом с севера добиться окружения крупных сил противника на Украине.

Решается вопрос: продвигаться на Москву или в области восточное ее после разгрома на севере и на юге главных сил русских, находящихся в окружении. Главное, чтобы русские не смогли восстановить свои силы в

тылу. Предусмотренное количество 130-140 дивизий для проведения всей операции достаточно.

...Сталин подошел к стоящему на тумбочке большому радиоприемнику, покрутил ручку настройки. «Кошачий глаз» мигнул и остановился. Немецкое радио передавало речь Гитлера в переводе на русский:

...Русская империя созрела для распада. Большевицкая армия распалась. Немецкие летчики бьют уцелевших «сталинских соколов», как младенцев... Пройдет несколько дней, и наши солдаты вступят в Москву и Ленинград. Наступает конец империи коммунизма! Я приговариваю Ленинград — родину большевизма — к уничтожению.

Сталин поморщился и, сильно затянувшись табачным дымом, закашлялся: «Самоуверен, сукин сын! Но, как говорится, бабка надвое сказала, чем все закончится. Во всяком случае, не так, как он думает».

Взяв с полки книгу китайского полководца Сунь Цзы, полистав, отыскал то место, где говорилось о средствах и способах достижения победы:

Тот искусен в военном деле, кто побеждает вражескую армию без боя — умом...

Победоносная армия одерживает победу до того, как вступит в бой...

Самое важное в войне — знать и атаковать стратегию врага...

Я заставлю врага принимать мою силу за слабость, а слабость за силу, стремясь в то же время его силу обратить в слабость...

Все, что сказано ранее, можно сделать с хорошо работающей разведкой. Разведка должна все знать.

Сталин взял синий карандаш и подчеркнул эти фразы, подумав, что и он не глупее Сунь Цзы.

* * *

По шоссе на Варшаву гнали колонну советских плен-ных. Пыльные, грязные, многие с бинтами на головах, на руках, медленно брели красноармейцы на запад.

Борман приказал остановить машину у перекрестка, вышел из кабины, вглядываясь в лица пленных.

Те тоже обратили внимание на, должно быть, высокопоставленного немецкого офицера в фуражке с высокой тульей. Неожиданно из колонны выскочил сержант. Подняв сжатый кулак, с ненавистью глядя на Бормана, закричал:

— Смерть фашистам! Мы победим!

Колонна глухо зашумела, кто-то подхватил:

— Смерть фашистам!

Солдаты охраны начали стрелять в воздух, автомат-ная очередь сразила смельчака. Борман раздраженно выкрикнул:

— Не стрелять!

Около получаса стоял Мартин на перекрестке, смотрел на суровые лица бойцов, хмурился. Потом молча сел в машину и в сопровождении бронетранспортера пока-тил вдоль колонны. В виски стучала кровь, терзали мыс-ли: «Как же так? Почему Красная Армия терпит пораже-ние? Как помочь ей? Похоже, что советское руководство не очень-то верило моим предупреждениям. Иначе не было бы этих колонн — Сталин принял бы необходи-мые меры. Но как быть дальше?!»

* * *

Канарис быстрым шагом вошел в кабинет Гитлера и остановился в пяти шагах от стола.

— Мой фюрер! Важное сообщение.

— Давайте! — Гитлер надел очки и внимательно на-чал читать.

В начале октября 1941 г. советское командование имеет в той или иной готовности на линии Казань-Са-

ратов десять резервных армий, три из них: 1-я, 10-я и 20-я подходят к Москве.

— Что? — Гитлер сурово посмотрел на Канариса. — Вы дезинформируете меня. Мы воюем с теми же армиями, которых успешно били финны. Откуда эти данные?

— Сведения передает ответственный сотрудник, дезинформацию я исключаю.

— Я не верю вашим сведениям. Армия Сталина выдохлась. Ему неоткуда взять такие резервы. Пошлите несколько групп в этот район и проверьте.

Канарис незаметно пожал плечами:

— Слушаюсь! Будет исполнено.

Весь день в Берлине шел дождь. Однако когда Гитлер и Борман приехали в Цоссен, дождь внезапно прекратился.

Выйдя из машины и увидев в небе над лесом яркую радугу, Гитлер заулыбался:

— Мартин! Ты посмотри! Никогда в жизни не видел такой яркой радуги. Это знамение свыше. Мы победим.

Борман с готовностью подтвердил:

— Конечно, мой фюрер. Победа — дело считанных месяцев, если не недель.

В Цоссене генерал Гальдер ознакомил Гитлера и Бормана с планами верховного командования на ближайший месяц. Заслушав доклад, фюрер вспылил:

— Что вы тянете! Сейчас главное — время. Я сам поеду на фронт, воодушевлею солдат и покажу генералам, как надо решать стратегические задачи.

...До середины июля шли бои за город Борисов на реке Березине. Курсанты Борисовского училища и две стрелковые дивизии остановили рвавшиеся на восток немецкие танки, но в конечном итоге, подтянув резервы, усилив авиацию, немцы продолжили наступление.

Утром 4 августа Гитлер, Борман, Кейтель и Йодль прибыли на центральный участок Восточного фронта в Борисов, где располагался штаб фон Бока.

Бронетранспортер, в котором сидели Гитлер и Борман, ехал по улицам разрушенного города. Кое-где еще дымилась сгоревшие дома. На большой площади сидели в пыли несколько тысяч советских пленных. Странная война, в которой противник сдается сотнями тысяч.

— Ты только полюбуйся на эти азиатские рожи, — покривил губы Гитлер. — Скоро им всем конец. Через полчаса они подъехали к зданию бывшего санатория — резиденции фон Бока.

Когда все расселись в просторном помещении штаба, генерал-фельдмаршал Бок, высокий, сухопарый старик, начал у карты доклад об обстановке на фронте.

Ему, завоевателю Парижа, хотелось стать еще и завоевателем Москвы. Он не забыл и обиды от Гитлера, когда в разгар успеха наступления в Бельгии штаб верховного руководства лишил группу армий «Б» танковых дивизий и заставил играть второстепенную роль в триумфальном марше на подходе к побережью.

Но сейчас грозило нечто худшее.

Он, Бок, остановлен на пути к советской столице не приказом фюрера, а Красной Армией, которую все еще так недавно считали разбитой. Фельдмаршал говорил около получаса. Убедительно, с цифрами в руках.

Бок просил у Гитлера неделю для приведения в порядок войск, ремонта техники, подвоза боеприпасов.

— Три дня, только три дня, — решительно возразил фюрер. — Я требую немедленно наступать!

Кейтель и Йодль поддержали его. Вечером Гитлер, осмотрев разрушенный Борисов, улетел в Берлин.

РАДИОСТАНЦИИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В полночь, в погруженной во тьму комнате, Борман сел за радиопередатчик.

Неторопливо Мартин настраивает приемник, ловя волны Москвы. Рука ложится на ключ, уверенно и быстро он отстукивает морзянку, переходит на прием.

РАДИОГРАММА БОРМАНА В ЦЕНТР

По данный начальника генерального штаба сухопутных войск Гальдера, на 13 июля 1941 г. убиты, ранены и пропали без вести около 100 тыс. человек, или 3,7 % общей численности сухопутных войск. Танковые войска потеряли 50, а авиация — около 25% боевого состава.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Особой важности

Экземпляр единственный

Фюреру великой Германии Адольфу Гитлеру.

В соответствии с Вашим указанием моей службой с привлечением технических специалистов и специалистов дешифровки проверена радиостанция особого назначения, переданная Вами для работы партайгеноссе Борману.

Проверка длилась два месяца. Прослушано и дешифровано 25 шифрорадиограмм. Шифрограммами осуществлялась связь пункта партайгеноссе Бормана с городами: Буэнос-Айрес, Рио-де-Жанейро, Сантьяго.

Расшифровка показала деловые отношения между адресатами. Никакого намека на передачу государственных или военных секретов нет.

На радиостанции работают: партайгеноссе Борман, радист первого класса Шульц, радист второго класса Вульф. Работа на радиостанции проводится в строгом соответствии с утвержденной инструкцией.

Хайль Гитлер!

Генрих Гиммлер

Разъяснение: в день вручения Гитлеру этого документа с его содержанием был ознакомлен Борман.

Ночью первого сентября в спальне Бормана раздался телефонный звонок. Зевнув, он поднял трубку:

— Слушаю.

— Разбудил? — Борман узнал голос Гитлера. — А я не сплю. У нас большая неприятность. Советы ударили по Ельнинскому выступу. Разбиты две танковые дивизии, моторизованная и 7 пехотных. Русские лик-

видировали плацдарм. — Он закашлялся. — Русские сумели незаметно усилить 24-ю армию. И куда смотрел этот коротышка Канарис? Разведка проворонила подготовку наступления русских! Приезжай, поговорим...

— Через пятнадцать минут буду у вас. — Садясь в машину, он улыбнулся своим мыслям и пробормотал: — Это только начало..—

Да, рейхслейтер? — обернулся шофер-эсэсовец.

— Так, ничего. Поехали.

По дороге вспоминал события трехнедельной давности. Тогда на пригородных станциях восточнее Берлина было сконцентрировано несколько сотен тысяч русских военнопленных. Стадионы, вокзалы, парки были заполнены усталыми, голодными людьми.

По радио объявили, что завтра, в понедельник, русских погонят через Берлин. И вот широкая колонна по пятьдесят человек в ряд двинулась по Унтер-дер-Линден.

Стоящие по обе стороны улиц немцы плевали им в лица, бросали в них камнями, комками земли. Мальчишки из гитлерюгенда хлестали их палками и ремнями. А они шли с окаменевшими лицами, с одним желанием: скорее бы кончились эти улицы, дышащие ненавистью. Борман с балкона третьего этажа смотрел на проходившие колонны.

«Как же это получилось, что Сталин дал себя так провести? Этому нет объяснения. Ведь я докладывал, предупреждал. Да не я один, конечно. Что это? Элементарная слепота? Для политика такого масштаба это исключено. Вера в собственную непогрешимость и гениальность? И вот гонят в лагерь, в рабство советских людей. Это — просчеты и ошибки Сталина и его окружения. Другое государство уже рухнуло бы, но Союз держится... Дай-то Бог, чтобы выстояли».

* * *

Когда вечером он зашел в кабинет Гитлера, тот, возбужденный и довольный, спросил:

— Видел?

Борман кивнул.

— Потрясающе! Никогда ни в какой стране не провели столько обезвреженных врагов по главной улице своей столицы. Это, сделал я. И они пройдут еще не раз. И не только эти ублюдки. Если жирная свинья Черчилль думает, что отсидится за Ла-Маншем, то он сильно ошибается. Англия привыкла воевать чужими руками, но такой фокус, какой у англичан прошел с Наполеоном, со мной не пройдет. Я дам возможность томми полюбоваться Берлином. А потом — очередь и дядюшки Сэма. Сначала пусть его пощекочут наши друзья-японцы.

— Все гениальное — просто, однако додуматься до этого может только гений. — восхитился Борман.

Часто ночами он слушал радио России. Голос диктора радиостанции имени Коминтерна бодр и четок, но обстановка под Москвой была такова, что оптимизма не вызывала. Под удобным предлогом Мартин ехал в Цоссен к Гальдеру. Тот, хотя и очень осторожный и сдержанный, перед ним, фактически уже вторым лицом в партии, особенно не скрытничал, хотя и тщательно выбирал слова, зная, что многое из того, что тут сказано, дойдет до ушей фюрера.

РАДИОГРАММА БОРМАНА В ЦЕНТР

По приказу Гитлера на Москву нацелены три танковые группы, 74 танковых и 9 моторизованных дивизий. На этом направлении находится 75% всех танков вермахта, три полевых армии, 77 пехотных дивизий, миллион солдат, 1700 танков. На восточном фронте около двух тысяч самолетов, из них тысяча двести бомбардировщиков.

Гигантские заголовки на первых страницах газет кричали: «Прорыв центра Восточного фронта!», «Исход пахода на Восток решен», «Последние боеспособные дивизии принесены Советами в жертву!».

Рейхспрессеншеф Дитрих собрал корреспондентов немецкой и зарубежной печати и сделал официально заявление о «разгроме советского фронта».

Для удобства читателей фашистские газеты печатали большие, в четверть листа, карты Московской области: каждый мог карандашом отмечать продвижение немецких войск до самой большевистской столицы. Выступая перед генералитетом вермахта и корреспондентами газет, генерал Гальдер вещал: «Мы идем на Москву! До Москвы осталось двести километров!»

После поражения под Ельней в немецком верховном командовании мнения о планах войны разделились. Многие считали, что наступление на Москву, учитывая прогноз погоды (раннюю и суровую зиму), опасно. Да и сопротивление русских, несомненно, возрастет.

Гитлер требовал наступать и наступать.

* * *

В сентябре 1941 года на совещании высшего командования свое негативное мнение о наступательных планах высказал руководитель абвера адмирал Канарис. Глава разведки считал положение немецких войск серьезным и даже критическим. Борман резко осудил Канариса, назвал его паникером.

Гитлеру не понравилось мнение разведчика, и он грубо одернул его. Борман улыбнулся. Он понял, что послал адмирала в нокдаун. Авторитет Канариса падал.

Рано утром радио передало выступление Геббельса:

Сограждане, мужчины и женщины, доблестные солдаты и героическая немецкая молодежь! — торжественно начал он. — Вчера ночью наша авиация бомбила столицу большевиков Москву. Бомбы, сделанные вашими руками, уничтожили Кремль. Сталин бежал из Москвы. Бомба весом в тонну разрушила мавзолей, в котором лежал вождь коммунистов Ленин, на месте мраморного мавзолея — огромная воронка. Слава немецким летчикам! Наша победа близка! Хайль Гитлер!

Борман сжал кулаки. Геббельс, как всегда, уверенно и беспардонно врет или есть какая-то доля правды?

Немцы на подступах к столице, аэродромы, откуда вылетают «юнкерсы», — в часе с небольшим полета, всякое может быть. Насчет Кремля, конечно, ложь — разрушить его за один налет невозможно. А мавзолее... И он вспомнил его посещение вместе с сестрой Артузова Евгенией и ее старшим братом Гаем.

Чем черт не шутит — могли и попасть. Ладно, послушаем, что скажет Москва. Подойдя к радиоприемнику, Мартин переключил его на радиостанцию имени Коминтерна, прислушался. Твердый голос диктора передавал сводку Совинформбюро:

— Прошедшей ночью более двухсот немецких самолетов пытались пробиться к Москве. Силы советской авиации и зенитчики отбили налет врага. Ни один из самолетов врага к Москве не пробился.

Борман поморщился: можно, конечно, понять Советы, опасаящиеся негативной реакции населения и своих союзников. Но надо все же знать меру. Более десяти самолетов, как его уже информировали в штабе Геринга, прорвались, бомбы сбросили.

Или взять те же сводки Совинформбюро: какой-то город взят немцами, скажем, десятого числа, а сообщение об этом появляется через три-четыре дня или просто исчезает упоминание о каком-то направлении. Военная тайна? Не столько от противника — тот-то отлично знает, где и когда он взял такой-то город, захватил столько-то пленных, — сколько от своих.

Неужели Гитлеру удастся... Тогда — конец. Нет, русские выстоят, несмотря ни на что.

РАДИОГРАММА БОРМАНА В ЦЕНТР

Из самых высоких источников известно о полете Молотова в Англию и США. Готовится перехват. В Турции созданы диверсионные отряды из немцев и иран-

цев. Цель: нарушать коммуникации от Персидского залива к границам СССР, по которой союзники поставляют вооружение для Красной Армии.

В хмурый декабрьский день 1941 года Канарис вызвал подполковника Гелена. Адмирал был в плохом настроении. Вчера на приеме у Гитлера тот несколько раповышал голос при их получасовой беседе, требовал немедленно улучшить работу разведки.

И свое раздражение адмирал сорвал на Галене:

— Вы плохо работаете. Надо менять методы, подполковник. Из двух миллионов русских пленных вы должны найти тысячи таких, которые будут работать на нас. Нам нужны люди, хорошо знающие обстановку в России. Надо ускорить подготовку агентов — даже в ущерб качеству. Сейчас главное — время.

* * *

На другой же день Гален разослал своих сотрудников по лагерям военнопленных. Задача проста: искать недовольных и обиженных властью. Таких хватало.

В Луккенвальдском лагере советских военнопленных одному из офицеров Гелена крупно повезло. Среди пленных он обнаружил Владимира Мишинского, захваченного 13 октября 1941 года разведгруппой из «Валли-1» в районе западнее Москвы.

Мишинский назвался капитаном Красной Армии. Истинное лицо пленного не было вскрыто до прибытия офицера из отдела иностранных армий.

На перекрестном допросе 38-летний Владимир Мишинский сознался, что до войны работая одним из семи помощников секретаря ЦК, с июня 1941 года комиссаром в войсках генерала Жукова на Западном фронте. Попал в плен вместе с шофером во время поездки по передовым частям в период боев под Вязьмой.

После пребывания в концентрационном лагере Мишинский находился в таком душевном состоянии, что

офицеру Гелена не потребовалось больших усилий убедить пленного рассказать о себе правду.

Короче говоря, Мишинский потенциально был готов к измене. Его забрали в штаб отдела иностранных армий в Ангербурге, где усиленно допрашивали. Гелен провёл с ним беседу. Его спокойная, логичная и вкрадчивая манера разговора и доводы, которые он привел, доказывая неизбежность поражения Советского Союза, подтолкнули Мишинского к последнему шагу. И он дал согласие на сотрудничество с врагом.

Гелен заинтересовался семьей Мишинского и выяснил, что его жена и двое детей остались в деревне западнее Москвы, ещё осенью занятой немцами.

Гелен пообещал найти семью и привезти в Германию. Одновременно Гелен посулил Мишинскому, что если тот хорошо справится со своим заданием в качестве агента, то будет щедро награжден и сможет жить в Германии как свободный человек или сможет занять большую должность в новом правительстве России.

Агента индивидуально готовили в специальных классах «Валли-2», где соблюдалась полная секретность.

Операция по внедрению нового разведчика получила кодовое название «Фламинго».

Для будущей работы с Мишинским заранее переправили через фронт и поселили в Москве на Таганке радиста с позывным «Александр». Через два месяца специальный отряд группы «Валли» переправил Мишинского через линию фронта. Он явился в штаб фронта в районе Сухиничей, рассказал о том, как попал в плен и совершил побег. Это полностью соответствовало легенде, в деталях разработанной экспертами Гелена.

Из штаба его отправили в Москву, где бывший сотрудник ЦК и МК был встречен как мученик и герой. Он рассказал офицерам контрразведки и разведки о том, что видел, находясь в плену. Кстати, в лагере какое-то время находился и сын Сталина Яков Джугашвили.

В один из вечеров Машинский, к своему удивлению, был принят Сталиным или его двойником.

В течение двух часов он рассказывал вождю о положении в тылу Германии, о наших военнопленных, поведал, что видел Якова несколько раз издали, но контакта с ним не имел. Сказал, что Яков держится стойко, никакие ухищрения немцев не могут сломить его волю. Сталин был удовлетворен беседой и тепло простился с гостем. За мужественный поступок Мишинский, вопреки обычной практике отправлять побывавших в плену в места не столь отдаленные, был назначен на ответственную работу в Государственный Комитет Обороны, получил доступ к секретной документации.

* * *

Через месяц Мишинский установил связь с радистом и начал передавать информацию. Для работы ему передали фотоаппарат «Минокс». Офицеры Гелена организовали связь с посылными через фронт.

После нескольких незначительных донесений 14 июля 1942 года к Гелену поступило очень важное сообщение от Мишинского. В нем говорилось:

Военный совет в Москве под руководством Сталина провел свое заседание. Среди прочих присутствовали Шапошников, Ворошилов, Молотов, а также главы английской, американской и китайской военных миссий. По заявлению Шапошникова, Красная Армия будет отступать до Волги, что вынудит немцев зимовать в этом районе. При отступлении все будет уничтожаться, а промышленные предприятия — эвакуироваться на Урал и Сибирь. Из доклада Шапошникова стало известно, что советским командованием намечено проведение двух наступательных операций на следующих участках фронта: первая — севернее Орла, вторая — севернее Воронежа, с использованием большого количества танков и мощного авиационного прикрытия. Отвлекающий удар будет нанесен в на-

правления Калинина. Принято решение на удержание Сталинграда, Новороссийска и Кавказа. В Красной Армии созданы танковые армии в составе двух танковых и механизированного корпусов.

Наступление советских войск на Орел и Воронеж было мощным, с использованием множества танков.

Позднее генерал Гальдер записал в своем дневнике:

Подполковник Гелен (разведка) представил верную информацию о силах противника, накопленных после 28 июня, и их боевых возможностях. Кроме того, он дал точную картину вероятных действий противника по обороне Сталинграда.

Доклад Гелена был представлен Гитлеру в день, когда фюрер переводил ставку из Восточной Пруссии под Винницу. Гитлер издал директиву 45 от 23 июня, в которой немецким войскам предписывалось предпринять одновременно наступление на Сталинград и на Кавказ и овладеть ими. Двумя днями ранее в директиве 44 Гитлер приказывал развернуть наступление на Ленинград.

* * *

Мишинский продолжал присылать Гелену чрезвычайно важные документы и разведданные.

Нарочными через фронт было переправлено несколько переснятых им совершенно секретных документов. Канарис и Гелен торжествовали.

В августе шеф абвера представил Гитлеру объемистый доклад, составленный по сообщениям Мишинского. В докладе подчеркивалось появление на фронте 110 новых советских дивизий, из которых 56 были танковыми. 21 августа 1942 г. он отмечал, что фюрер предъявил «невыполнимые требования к командованию фронта», подчеркнув еще раз опасность складывающейся для немцев и их союзников обстановки на Дону.

Однако Канарис уже понял, что стратегия базировалась не на реальной ситуации, информацию о которой

он представлял, а на химерических расчетах фюрера. Так, Гитлер отверг все аргументы, приведенные Гальдером и Канарисом, заявив, что Сталин потерял сто миллионов населения на оккупированной территории и 10 миллионов на фронте: русские уже исчерпали все свои резервы, и час победы близок.

Гитлер не доверял разведке. А участники операции «Фламинго» продолжали присылать сообщения, хотя тон докладов Мишинского становился все более мрачным. Это перестало нравиться Канарису и Гелену.

Канарис даже считал, что в сообщениях Мишинского проходит специально подобранная дезинформация. В начале октября 1943 года Гелен отозвал агента, организовав опять же его встречу с одним из передовых разведывательных подразделений «Валли», которое и переправило Мишинского через линию фронта.

Агента долго проверяли, и только через полгода Гелен понял, что совершил ошибку, убрав столь ценного человека из самого «мозга» советского государства и армии. В дальнейшем Мишинский работал в отделе обработки информации, оставшись в Германии. И уцелел после войны, бежав в США.

Исчезновение Мишинского вызвало переполох в органах контрразведки. Вначале считали, что он стал жертвой московских уголовников, но затем эта версия отпала. Поиск изменника длился более полугода. В конце 1944 года резидент группы «Ролланд» сообщил:

Немецкий разведчик Владимир Мишинский работает аналитиком в штабе Гелена.

* * *

Утром в воскресенье пошел снег. Глядя на него, Борман вспоминал события многолетней давности. Тогда тоже стояла тихая погода. Ветра не было.

О таком снеге Мартин всегда мечтал. С детства ему хотелось, чтобы снег шел под Новый год. Он надел охотничий полушубок и вышел во двор. Навстречу ко-

ных вел его любимого вороного жеребца. Мартин угостил того морковкой, подтянул подпруги и ловко вскочил в седло. Тихой рысью направился в поле. Вскоре он увидел, что навстречу галопом скачет всадник. «Кто это? — подумал Мартин. — Лицо вроде знакомое...»

Когда всадник остановился и снял шляпу с перышком, Мартин узнал его — Ройтберг. Давно они не встречались. Ройтберг подъехал ближе и произнес:

— Берлин-77.

— Гамбург-23, — ответил Мартин и протянул ему руку. Они медленно поехали рядом.

— Есть важное поручение, — сказал Ройтберг.

— Говори.

— Нужно внедрить одного парня. По легенде и документам он двоюродный брат Хорста Весселя.

Борман скептически pokrивил губы.

— Он жил на хуторе его дяди, — усмехнулся Ройтберг.

— Легенда крепкая? — спросил Борман.

— Безусловно.

— Интересно, — протянул Борман. — Ну и дальше что?

— Через неделю мы устроим на хуторе пожар. Опубликуем подробности этого несчастья в газетах, опишем жалкое положение бедного сироты. После этого он придет в Берлин и обратится к вам за помощью. Вы должны помочь наследнику — родственнику Хорста — устроиться на службу в канцелярию фюрера.

— Он грамотен, толков?

— Не беспокойтесь. Легенда железная. Проработали, как положено. Желательно устроить его в Дрезденскую школу шифровальщиков.

Борман задумался.

— Трудновато. Эту школу контролируют люди Гитлера и Гейдриха. Будет большая проверка. Хотя я, пожалуй, сделаю это через Гитлера.

Вскоре немецкие газеты опубликовали снимки и репортажи о встрече племянника Хорста Весселя с Гитлером. На фотографиях, сделанных в кабинете фюрера, запечатлена трогательная сцена: фюрер по-отцовски обнимал худого, высокого молодого человека.

Вскоре в Дрезденской спецшколе ОС появился новый усердный слушатель — Вернер Вессель. После окончания курса обучения фюрер, вспомнивший трогательную историю Вернера, приказал взять его в штат рейхсканцелярии. Через неделю Вернер был назначен помощником государственного шифровальщика при кабинете Гитлера.

Шло время. Вернер женился на дочери начальника канцелярии. У них родились дети.

Вернеру было присвоено звание гауптман.

Временами казалось, что Центр забыл о его существовании. Лишь в марте 1938 года произошла встреча с резидентом, и разведчик получил приказ начать действовать. По указанию Москвы личный шифровальщик фюрера работал под псевдонимом «Корин».

Раз в неделю по пятницам, возвращаясь со службы, Вернер Вессель оставлял в условленном месте тексты шифровок, снятых во время работы. За много лет передачи секретов из гитлеровской канцелярии Вернер не узнал, кто забирал передаваемые данные из тайника.

Так что в случае провала он никого бы не выдал.

Связь «Корина» длилась до конца войны. Прервалась в апреле 1945 года, когда советская артиллерия разбила северную сторону рейхсканцелярии, в которой находился тайник для передачи сообщений.

Позднее полковник Советской Армии Вернер «Корин», направленный разведкой в Германию, немец антифашист-коминтерновец, вернулся в Москву.

* * *

13 ноября 1941 года Гитлер собрал совещание командного состава в Цоссене. Недавно отстроенное много-

этажное подземное убежище с лифтами было полностью готово к эксплуатации.

К приезду Гитлера и Бормана зал для совещания блещет. Бесшумно работала вентиляция. Яркий электрический свет заливал огромную карту России.

На совещании командующих и начальников штабов групп армий был поставлен вопрос, по которому Гитлер хотел знать мнение высокопоставленных генералов. Его смущала рано наступившая зима, усилившая сопротивление Красной Армии у самой Москвы.

Все чаще мелькала мысль: сначала нужно запастись нефтью на юге, а не повторять ошибку Наполеона.

Фюрер не имел четких планов на дальнейшее: должны ли армии занять оборону, начать готовить зимние позиции и ожидать весны или они должны продолжить наступление на Москву зимой.

Мнение верховного руководства уже было выработано, и разъяснить его руководству на постах составляло вторую задачу совещания. В итоге начальники штабов фактически отвергли план верховного командования — еще в этом году достигнуть Майкопа, Сталинграда, Тамбова, Рыбинска, Вологды, Лодейного Поля.

Рундштедт и Лееб твердо заявили, что их войска вообще больше не могут наступать, и они могут думать лишь о том, чтобы как-нибудь удержаться на месте и перезимовать. Все «ориентирования» Гальдера и выводы фюрера ставились под сомнение фактом: сдвинуть армию вперед на юге и севере невозможно.

Закончив обсуждение, Гальдер прочитал заранее подготовленный приказ. Решением Гитлера удар на Москву намечался на 15 ноября.

* * *

Шифровка из Центра для группы «Адвокат»:

Любыми способами выясните местонахождение сына Сталина — Якова Джугашвили. Определите возможность спасения. Средств не жалейте.

* * *

Войска, нацеленные на Москву, возглавляли четыре фельдмаршала. Прямо к столице должен был двигаться во главе своих соединений фон Клюге.

Ганс Клюге в тот период считался лучшим тактиком немецкой армии. «Умный Ганс» был любимцем Гитлера. С помощью знакомых Борман подружился с Клюге-оказал ряд услуг генералу и его семье в моменты финансовых кризисов.

Южнее наступал Вейхс — победитель во Франции и на Балканах. Авиацией командовал Кессельринг — один из создателей Люфтваффе, личный друг Гитлера. Это его армада разрушила в мае 1940-го года Роттердам, а затем вела мощное воздушное наступление на Англию.

Армиями на этом направлении командовал фон Бок, опытный, жесткий, фанатичный исполнитель любых замыслов Гитлера.

Второе наступление на Москву должно было начаться в середине ноября. Немцы сделали все, что было в их силах, для того чтобы подготовиться к решающему удару. Генералы обратились к солдатам со словами, полными уверенности в близкой и окончательной победе.

15 ноября перешла в наступление 3-я танковая армия. Ей удалось потеснить советские войска за Волгу севернее Москвы. 4-я танковая армия яростно атаковала 16-ю армию у Волоколамска. Пять дней ожесточенных кровопролитных боев вдоль Волоколамского шоссе закончились потерями войск генерала Гернера.

Медленно, отталкивая к востоку советский фронт, гитлеровские войска шаг за шагом приближались к Москве. Но танковые дивизии Гепнера не смогли совершить прорыв. Они несли серьезные потери, темп их продвижения неуклонно падал.

Каждый час диктор немецкого радио напоминал:

— Ждите важных сообщений! Соотечественники, важное сообщение с Восточного фронта может посту-

пить в любую минуту! Следите за нашими передачами. Наши доблестные войска подходят к Москве!

Борман лежал на диване в своем обширном кабинете. В три ночи визгливый голос Геббельса провозгласил:

Наши войска заняли ближайший пригород Москвы под названием Сходня. Разведывательные группы подошли к мосту через реку Москву на Ленинградском шоссе. В бинокли хорошо видны московские строения. Механизированный отряд завязал бои за мост с последними войсками Сталина, дивизией НКВД. Мы практически в Москве! Войска фюрера ведут бои за десятую столицу европейского государства!

Настроение Бормана окончательно испортилось. «Неужели Сталин намерен отходить за Урал?» Он встал, налил рюмку коньяка и выпил. Чиновник, курировавший в канцелярии Бормана отношения с Латинской Америкой, доложил, что в Аргентине общественность протестует против происходящих в Германии расправ над евреями и коммунистами. Вечером Борман проинформировал Гитлера об обстановке в Аргентине.

— Что? — закричал Гитлер. — А что же сидят сложа руки тамошние немцы? Я не хочу их знать!

Борман понял: Гитлер завелся так сильно, что может порвать связь с аргентинской диаспорой. А это лишило бы его связи. Нужно было спасти положение.

— Не волнуйтесь, мой фюрер. Надо помочь им разобраться в обстановке, поставить задачи. Они поймут и поддержат нас. У меня там есть верные люди.

В это время Борман контролировал все связи Гитлера со странами Западного полушария. Он отпускал деньги для эмиссаров, отправляющихся в Южную Америку, давая им задания. Несмотря на тяжелые бои в России, Гитлер мечтал и о захвате Латинской Америки.

Мартин всячески поддерживал намерения Гитлера, ибо все свои передачи для Москвы он проводил под ви-

дом переговоров с южноамериканскими корреспондентами. Без этого он работать не мог.

* * *

...Дежурный адъютант фюрера полковник Гюнтер тихо, без стука вошел в спальню Гитлера:

— Мой фюрер! Проснитесь.

Гитлер недовольно пробурчал:

— В чем дело? Ведь еще рано. Ну так что там?

— Сталин организовал военный парад на Красной площади в Москве.

Гитлер резко сел.

— Не может быть! Мне вчера доложили, что Москва под обстрелом тяжелых орудий. Я сем мерил по карте от Красной Поляны до центра Москвы — дальнобойные системы достанут. А где самолеты? Геринг докладывал, что на аэродромах возле Брянска сконцентрировано две сотни бомбардировщиков!

Накинув халат, подошел к радиоприемнику. Щелкнув тумблером «телефункена», стал искать Москву.

В комнате загремели трубы духового оркестра. Гитлер стоял в оцепенении. Он не понимал слов, но музыка была победной. После цокота копыт конницы раздался нарастающий гул идущих по Красной площади танков.

Голос диктора громко и гордо произнес:

— Мимо мавзолея Ленина грозным строем идут танки. Броня Урала бьет крупшовские танки!

Гитлер выключил приемник, щека его дергалась.

— Почему мы не знали о том, что Сталин готовит парад? Где была наша разведка? Где был Канарис? Мы направили в район Москвы сотни агентов. Немедленно этого... — он задохнулся. — Канариса ко мне!

* * *

Совершенно неожиданно в середине декабря немецкая пропаганда резко изменила тон передач, а потом и вовсе исчезли сообщения о новых победах.

6 декабря 1941-го Красная Армия нанесла мощный удар по наступающим немецким войскам. Гитлер потребовал от Канариса отчет: почему разведка не донесла о прибытии под Москву 3-х армий из центра России.

Немецкое наступление провалилось. Немцы потеряли 1434 танка, 5416 автомобилей, 575 орудий, 339 минометов, 870 пулеметов, около 85 тыс. человек убитыми... 17 декабря сводка вермахта гласила:

В ходе осуществления мероприятий по переходу от наступательных операций к зимней позиционной войне производится планомерное сокращение линии фронта.

Борман, улыбнувшись, отложил газету. Он-то знал, что заставило армии Клюге отходить. Немецкая разведка проворонила прибытие на фронт советских армий из-за Урала. Борман использовал промах Канариса и его службы и обратил внимание Гитлера на постоянные ошибки адмирала, убеждая его, что Канарис старомоден и неэффективно занимается разведкой на фронте, посоветовал Гитлеру сместить Канариса.

Гитлер неистовствовал:

— Почему японцы медлят? Почему не наступают? Мы теряем время. — Он бегал по комнате и обращался с вопросами то к Герингу, то к Геббельсу, то к Борману. Подошел к письменному столу, нажал кнопку.

— Срочно ко мне Канариса. Срочно!

Через полчаса вошел встревоженный Канарис.

— Адмирал! — прошипел Гитлер. — Вы можете объяснить, почему японцы не вступают в войну против России вопреки договоренности?

Брать Москву Гитлер передумал. Состоялся довольно неприятный для Канариса разговор.

Когда Канарис вышел, Гитлер произнес:

— Ну, что вы скажете об этом сухопутном адмирале? Он не выполняет, как положено, свои обязанности.

Борман пожал плечами:

— Я давно вам говорил об этом.

— Да, вы правы. Геринг тоже предупреждал...

19 декабря Гитлер вызвал Браухича. Между фюрером и главнокомандующим сухопутными войсками состоялась двухчасовая беседа с глазу на глаз. Гитлер грубо отчитывал старого генерала. Браухич оправдывался, объяснял, что ничего не мог сделать в создавшейся обстановке, но Гитлер был неумолим:

— Вы виноваты, что мы не взяли Москву!

Браухича вывели из кабинета под руки и отпαιивали валерьянкой. Встретив Бормана, Браухич сказал со слезами: «Я еду домой. Он отправил меня в отставку».

Гитлер вызвал Кейтеля и прочитал только что составленный приказ об отставке Браухича и о том, что он берет на себя командование сухопутными войсками.

* * *

В феврале 1942 года на прием к Гитлеру попросился начальник абвера адмирал Канарис. Фюрер встретил его холодно: расспросив о последних новостях, поинтересовался, какое срочное дело вызвало этот визит.

Сделав скорбное лицо, адмирал сказал:

— Мне тяжело даже подумать об этом, но тем не менее наши поражения обусловлены тем, что среди высшего руководства рейха действует русский агент, имеющий доступ к самой секретной информации.

Гитлер вскинул голову:

— Кто?!

Канарис вздохнул:

— Есть серьезные основания усомниться в преданности вам партайгеноссе Бормана.

Гитлер посмотрел не него словно на мальчишку, допустившего неуместную выходку:

— Вы это серьезно? Факты?

— Мы вычислили его...

— «Вычислили»! Да разве это допустимо в отноше-

нии такого лица, как Борман? Доказательства должны быть неопровержимые. Иначе... Мне нет смысла вам объяснять, чем это пахнет для вас лично. Итак?..

— У него неконтролируемая радиостанция, и она работает весьма интенсивно...

— Я это знаю и без вас. О содержании радиogramм, которые Мартин посылает в Южную Америку, он сообщает мне. Гиммлер и Шелленберг своими силами уже проверяли его сообщения. Все точно. Не возражаю и против вашей, разумеется, негласной проверки. Да, у Бормана есть недостатки, промахи, ошибки, но он предан мне, делу социализма и работает так, что многим стоило бы у него поучиться. Но... но если возникли сомнения — надо или убедиться в их стопроцентной обоснованности или отказаться от них. Итак: полная секретность. И не вздумайте что-либо фабриковать.

* * *

Визит Канариса не прошел бесследно. Гитлер рассказал о нем Гиммлеру. И тот, согласившись с фюрером, что это следствие личной неприязни шефа абвера к Борману, сказал, что все же стоит раз и навсегда покончить с этим делом. Он сам займется этим. При этом он не кривил душой: при любом исходе в выигрыше оставался он — если Борман действительно чист, то фюрер будет доволен за своего любимчика, и акции соперника Гиммлера — Канариса упадут еще ниже.

Ну а если... Что ж, изменника нашел именно он, Гиммлер, и тогда он станет самым доверенным лицом фюрера, его преемником, оттеснив этого напыщенного индюка Геринга. Итак, вперед! И это дело нельзя доверить никому. Все он будет делать только сам.

Положив перед собой папку секретной информации о Бормане, Гиммлер начал медленно читать лист за листом, вдумываясь в содержание каждого сообщения. Среди более чем трехсот информации он не нашел ни одной, в чем-то порочащей Бормана, так, мелочи...

Взяв лист чистой бумаги, рейхсфюрер выписал более десяти фамилий интересовавших его лиц. Их приглашали к Гиммлеру на беседу. Брали подписку о неразглашении. Среди них был тесть Бормана Буш, его жена и несколько людей, знавших Мартина в юности.

Наблюдение за Борманом, прослушивание его телефонных и радиопереговоров результатов не дали.

В то же время при встречах с Борманом Гиммлер понял, что Мартин о чем-то догадывается. Надо было закружиться, иначе недолго и испортить отношения с Борманом. А это совсем ни к чему. После месячного следствия Гиммлер решил доложить Гитлеру, что ничего подозрительного он не обнаружил.

Гитлер с радостью воспринял его выводы и подтвердил, что несколько раз в свое время ходил с Борманом на митинги коммунистов и слушал Тельмана.

РАДИОГРАММА БОРМАНА В ЦЕНТР

План летней кампании 1942 г. изложен в директиве командования вермахта, подписан Гитлером 5 апреля

Операции на востоке делятся на три этапа: на первом предусматривается продвижение немецких войск из района Орла на восток и оттуда вниз по течению Дона, на втором — удар из района Харькова на восток в направлении Волги, на третьем — объединение в районе Сталинграда войск, наступавших вниз по течению Дона и из района Таганрог-Артемовск.

Планируется второй удар на Москву. Варианты по значимости могут быть изменены.

После поражения немецкой армии под Москвой среди немцев наступила апатия. Многие женщины носили траур по мужьям, сыновьям, братьям. По приказу Гитлера и Геббельса были запрещены увеселительные мероприятия. В одном из участвовавших разговоров между Гитлером и Борманом фюрер сказал:

— Надо что-то делать. Надо взбодрить солдат.

И Борман предложил:

— Надо учредить почетный знак или медаль за участие в зимних боях на восточном фронте.

Гитлер, быстро схватывающий всякое новое начинание, поддержал:

— Правильно! Выпустим почетную медаль «Зимняя кампания».

Срочно художниками-медальерами был разработан и утвержден Гитером оригинальный эскиз, даны указания немедленно отштамповать медаль и тысячами отправить в войска и госпитали, чтобы поддержать дух армии. В январе 1942 года после очередного приема после наград медалями Гитлер задержал Бормана:

— Слушай, Мартин! Что-то ты последнее время занялся только партийными делами и отошел от нашей общей борьбы с врагом?

Борман нервно подернул плечом:

— Я не понимаю. Разве партийная работа не обеспечивает идеологией нашу борьбу? Вы же знаете, что сейчас положение сложное и нельзя упускать ни на минуту в агитации и пропаганде. Кто это додумался до такого?

— Да, был разговор, — уклончиво ответил Гитлер. — В общем, тебе есть поручение. Напиши циркуляр об отношениях к военнопленным. Да пожестче пиши, с учетом настоящих событий.

— Будет исполнено, мой фюрер!

12 февраля 1942 года. Мартин написал требуемый циркуляр. Звериной жестокостью наполнил он вводную часть относительно отношений к военнопленным. А далее, снижая накал, написал:

..на военнопленных могут не налагаться иные наказания, чем те, которые применяются к германским солдатам.

Устав остается в силе и для всех военнопленных.

Жестким росчерком подписал: «Руководитель партийной канцелярии Мартин Борман».

На другой день Борман представил циркуляр Гитлеру. Надев очки, тот внимательно прочитал текст, долгим взглядом посмотрел на Бормана и сказал:

— Либералом становишься, Мартин. Я тебя не узнаю. Вот к этой фразе нужно добавить «кроме советских военнопленных».

Он вновь взял текст и начал читать, чеканя слова:

— «На военнопленных не могут налагаться иные наказания, чем те, которые применяются к германским солдатам. Устав считается в силе для всех военнопленных, кроме советских». Понял? Никакого либерализма по отношению к русским!

Гитлер встал со стула, прошелся по кабинету.

— Я приказал подготовить указание главной ставки — клеймить русских военнопленных, ставить им каленое тавро на ягодицы. Или будем делать специальную наклочку тушью.

Он подошел поближе к Борману, отвернул рукав на левой руке, где у него были выколочены несколько букв на фоне решетки, и сказал:

— Понял?

Борман вытянулся:

— Так точно.

— Ну тогда иди и не будь либералом...

* * *

Борман всеми способами нагнетал обстановку в отношениях между Гитлером и Канарисом. Несколько человек из его администрации осуществляли негласный контроль за абвером. Борман считал, что первым, кого он должен сокрушить, будет Канарис. Он постоянно отмечал все промахи абвера и напоминал о них Гитлеру.

Еще в январе 1942-го Канариса вызвали в ставку «Волчье логово». Фюрер явно был недоволен начальником абвера. Много лет он защищал его от нападков, теперь же в окружении Гитлера все чаще слышалась злобная для Канариса фраза: «Абвер не справился».

Не без помощи Бормана активизировались завистники и враги Канариса — Гейдрих, Риббентроп, Геринг. Конечно, и Канарис не сидел сложа руки: на интриги и козни своих соперников он отвечал не менее изощренными интригами и кознями.

В феврале произошел крупный скандал, еще сильнее подорвавший позиции Канариса в глазах Гитлера.

Английская десантная часть произвела налет на гитлеровскую экспериментальную базу в районе Гавра, на которой испытывались новые средства противовоздушной обороны. База была начисто уничтожена. Абвер не только не сумел своевременно предупредить командование о налете, но своими сообщениями успокаивал руководителей вермахта, давая неверную оценку возможностей английской разведки.

Борман первым доложил Гитлеру об этой диверсии.

Гитлер пришел в ярость. Он назначил ревизию абвера. Канарису было приказано представить полную сводку сообщений о положении дел в английской разведке, которые абвер на протяжении год направлял руководству вермахта. Документ оказался настолько тощим, что адмирал предпочел игнорировать приказ Гитлера.

Этим немедленно воспользовался Борман. Он предложил снять Канариса с должности. Вскоре это и было сделано. Но чтобы не дать повода к слухам о развале фашистской разведки, Канариса назначили начальником управления экономической войны. Это, по существу, означало почетную отставку.

* * *

Война шла своим чередом. Окружение и уничтожение войск Паулуса под Сталинградом повергло в уныние всю Германию, был объявлен траур.

Борман был уныл и растерян. Но по другой причине. В кольце окружения погиб его двоюродный брат Хейнц, с которым он был дружен. Над Сталинградом сгорел в самолете кузен Герды — Клаус Линде.

Жена Бормана надела траурное платье, на глазах у нее были слезы. Такая же судьба ждала ее сыновей.

Приходило понимание того, что в гибели родственников виноват и он, Мартин Борман. Стоило ли светлое будущее таких жертв? Чаше посещала мысль: чем же отличался социализм Гитлера от социализма Сталина?

При встрече Гитлер выразил им соболезнование, расцеловался с Гердой и Мартином. Несколько недель у Мартина было подавленное состояние. Приходили пугающие мысли: правильно ли он поступает, действуя против своего народа? Сколько молодых здоровых немцев, а теперь вот и двоюродного брата погубили его донесения Сталину и во имя чего?

Он проводил бессонные ночи в раздумьях...

Как-то по делам службы он приехал в Моабит, где сидел Тельман, прошлся вместе с его начальником по коридору. У одной двери стояли навтыжку, приветствуя рейхслайтера, два охранника.

— Важная персона? — небрежно осведомился он.

— Тельман, — коротко ответил начальник.

Борман весь напрягся.

— Тэдди! — прошептал он и запнулся.

— Что вы сказали, герр рейхслайтер? — удивленно спросил начальник тюрьмы.

— «Тэдди». Так, если не ошибаюсь, звали этого государственного преступника сообщники?

— Совершенно верно, герр рейхслайтер.

Под звук сирен полицейских машин автомобиль Бормана двинулся по Александерплацу. Мартин оглянулся назад, на мрачное строение Моабита. «Прости меня, Тэдди, — мысленно сказал он, — Прости!»

* * *

...В своих мемуарах «Лабиринт» начальник немецкой разведки Вальтер Шелленберг писал:

С лета сорок второго года между рейхсфюрером СС Гиммлером и начальником партийной канцелярии Бор-

маном установились натянутые отношения. Их взаимная неприязнь росла и росла. Причина: конкурентная борьба за место главного фаворита фюрера.

Гиммлер постоянно совершал тактические промахи и даже ошибки, чем ловко пользовался Борман. Так, однажды рейхсляйтер получил в свои руки довольно опасный козырь против Гиммлера: ему донесли, что последний пытался, подкупив, завербовать нескольких сотрудников партийной канцелярии, которые подчинялись рейхсляйтеру (Борману).

Борман еще раз почувствовал, что под него копают. Он насторожился и стал выработать свои планы.

Несмотря на натянутые отношения с Борманом, Гиммлер старался вести себя с ним предельно корректно (Гиммлер боялся его). Однажды в разговоре со мной Гиммлер сказал: «Надо подумать над тем, как ограничить роль руководителя партийной канцелярии».

Он заметил, что фюрер настолько привык к этому человеку и его системе работы, что очень трудно ослабить его влияние.

По этой причине, сказал Гиммлер, я вынужден договариваться с Борманом, идти с ним на компромиссы, хотя у меня имеются достаточно веские основания для его устранения. Он полностью разделяет ответственность за многие ошибочные решения Гитлера. Мне кажется, что он даже подсказывает их ему...

Шелленберг считал: в том, что Борман добился большого влияния на фюрера, немалую роль сыграло политическое прошлое бывшего агронома. По его сведениям, Борман служил около года в «черном рейхсвере».

(По Версальскому мирному договору, державы-победительницы в Первой Мировой войне разрешили Германии иметь армию-рейхсвер численностью до 100 тыс. человек. Ленин помог возродить немецкую, разрешив в глинках России обучение военных лекачков, тактиков, младных командиров и т.п. — Авт.).

В обход договора немецкое правительство создало нелегальные вооруженные формирования «чёрный рейхсвер». Шелленберг точно подметил многие черты характера и натуры Бормана, особенности его тактики и поведения. Он писал: «Попав в ближайшее окружение Гитлера, рейхсляйтер Борман сумел сразу же стать незаменимым советником, с которым фюрер делился всеми соображениями — поначалу о внутрипартийных вопросах, а затем обо всей политике рейха».

Кроме того, Борман проявил удивительную способность: он точно выбирал момент, когда можно было, бросив фразу или сделав эффективное замечание, отвлечь Гитлера от неприятной темы или направить разговор русло, которое устраивало фюрера.

Борман ловко пользовался дружбой с Гессом.

Проникнув в канцелярию Гесса, он не только держал в постоянном страхе высшие партийные инстанции, но и определял кадровую политику ведомств рейха.

Как-то между Гитлером и Борманом зашел разговор о том, что по мере ухудшения положения Германии кое-кто из ее руководства попытается обеспечить себе «запасной аэродром», будет стремиться к контактам с врагом. Гитлер сказал, что надо следить за этим, чтоб вовремя обезвредить предателей. Борман усмехнулся:

— Кто будет заниматься?

— Что ты имеешь в виду?

— Бдительность — хорошо. Но, к сожалению, нагнетание шпиономании иногда доходит до курьеза. Представьте себе, ходят столь же упорные, сколь и нелепые слухи, что якобы Гиммлер уже нашёл какие-то точки соприкосновения с американцами, Шелленберг — с англичанами, а Мюллер — подумайте только! — с русскими! Каково?!

— Ты считаешь это глупостью?

— Разумеется.

Но в голосе Бормана не было уверенности, и Гитлер, внимательно посмотрев на него, промолчал. Про-

молчал и Борман, сменив тему разговора. Но он знал: зерно брошено, теперь надо ждать нужных всходов...

* * *

Борман вновь заметил за собой слезку. Партайгеноссе Гиммлер? А может быть, Канарис через своих ставленников в абвере в надежде поквитаться и заодно реабилитировать себя в глазах Гитлера?

Особенно там опасен восходящая звезда разведки — Гелен. Ум□н, коварен, мастер интриг. Фюрер благоволит к нему. Надо быть осторожнее и добить-таки Канариса, поставив на место этого новичка Гелена. Гиммлер пока ему не по зубам.

Тщательная проверка подтвердила: Канарис. И он обратился к Гитлеру. Тот вызвал адмирала. Канарис оправдывался, что-то пытался рассказать о Бормане, но тщетно. В свою очередь Борман обвинил Канариса в оппозиции к армии и фюреру.

— Во время войны солдат не имеет права на оппозицию, — вскричал Гитлер. — Любая оппозиция в годы войны — это измена... и карать ее нужно, как измену. Идите, адмирал, подумайте над тем, что я вам сказал.

Когда Канарис уш□л, Гитлер раздраженно буркнул:

— Проклятый интриган! Мне докладывали, что он пытается заигрывать с англичанами...

Через час фюрер вызвал к себе Кальтенбруннера.

ÐÀÄÈÏÃÐÀÏÏÀ ÁÍÐÌÁÍÀ Â ÖÁÏÒÐ

Разведка Шелленберга разработала сверхсекретный план под кодовым названием «Дальний прыжок», предусматривающий убийство Сталина, Рузвельта, Черчилля. Группа под руководством Скорцени отправляется в Иран самолё□том. На севере Ирана тайно подвизается под видом муллы бывший германский консул в Тавризе Юлиус Шульце.

В Тегеране диверсионную службу возглавляет Фриц Майер, работает могильщиком.

* * *

Вечером 23 июля 1944-го года у начальника VI (иностранного) управления имперского ведомства безопасности Шелленберга зазвонил телефон.

В трубке раздался вкрадчивый голос Мюллера:— Гиммлер просил передать вам распоряжение: немедленно отправиться на виллу Шлахтензее, арестовать адмирала Канариса и доставить его в лагерь Фюрстенберг. Он не мог передать это лично — вы уезжали...

Шелленберг был озадачен устным приказом.

— В Потсдам. Но меня не составляло труда найти. К тому же аресты — ваше дело.

— Я бы арестовал его с превеликим удовольствием, но фюрер... да, да, сам фюрер велел Гиммлеру поручить это вам. Дерзайте!

Через час в кабинет Канариса вошел Шелленберг. Подойдя к столу, он тихо сказал:

— Прошу положить сюда личное оружие. По приказу фюрера вы арестованы.

От неожиданности Канарис побледнел, но, быстро взяв себя в руки, спокойно и аккуратно выложил пистолет на стол и, криво усмехнувшись, сказал:

— Финита ла коммэдиа...

В Фюрстенвальде адмирала переодели в солдатскую одежду и поместили на гауптвахту в здании пограничной полиции. Канарис понял, что его песенка спета...

Долго думал Борман, как ему добраться до сейфа Канариса. И вот этот день настал. Гитлер приказал ему осмотреть резиденцию Канариса, вывезти документы адмирала и уничтожить не представляющие интереса.

Вместе с десятью своими сотрудниками Мартин приехал в здание абвера на Тирпитцufer.

У Канариса была любовь к географической символике. Атласы, глобусы, карты огромных размеров, как магнит, притягивали маленького адмирала. Но больше всего он почему-то любил сниматься на фоне этих боль-

ших карт, глобуса в позе завоевателя, в позе стратега.

В кабинете адмирала висела большая карта мира — интересы человека, работавшего здесь, не укладывались в рамки одной Германии или даже Европы. н

Но особая карта хранилась в сейфе, на карте были отмечены опорные пункты абвера в различных странах.

Открыли сейф. Борман стал извлекать карты с грифом «Совершенно секретно». Канарис из месяца в месяц, из года в год наносил на них все новые и новые знаки: красные треугольники, обозначавшие основные базы разведки в зарубежных странах, кружки такого же цвета там, где располагались их филиалы, синие треугольники — центры «пятых колонн», синие кружки — районы действий главных резидентов абвера.

Номера, номера, зашифрованные точки...

По приказу Бормана в кабинете Канариса провели тщательнейший обыск. Простукивали пол, стены. В одном из из совершенно неприметных сейфов, вмонтированном в письменный стол, обнаружили запечатанный пятью печатями небольшой конверт, на котором рукой Канариса было написано обращение к Адольфу Гитлеру или другому главе немецкого государства.

Борман забрал пакет себе, дома прочитал:

Утверждаю и буду утверждать, что Мартин Борман — русский разведчик. Адмирал Канарис.

* * *

Победа русских под Курском и выход Красной Армии на Днепр сильно повлияли на психику Гитлера.

Его встречи с Борманом, постоянно находившимся в Берлине, стали реже. Гитлер боялся бомбежек, а они становились все более частыми и сильными.

Фюрер почти не покидал своего укрепленного логова в Растенбурге, выезжал оттуда только в исключительных случаях, когда надо было произнести какую-нибудь очень уж важную речь в Мюнхене или Берлине.

Свои дела по партии он полностью переложил на Бормана, доверил ему также ряд государственных функций. Реже стали прибывать к Гитлеру Геринг и Гиммлер. Первое время Гитлер жил в одном из деревянных строений в глухом лесу. Но вскоре, опасаясь воздушных налетов, перебрался в большой бетонный бункер. Здесь он занимал три маленькие комнаты, сильно смахивавшие на тюремные камеры.

Борман, посещая Гитлера с докладами, подписывал у него подготовленные бумаги, постепенно отмечая перемены во внешности фюрера, его психическом состоянии. С начала войны он, казалось, постарел лет на двадцать, превратился в дряхлого старика.

В разговоре Гитлер как-то признался, что необъятные просторы России вызывают у него ужас и что при виде снега ему становится дурно.

— У них столько сил, — говорил он. — Я не предполагал ничего подобного.

* * *

В кабинете Бормана зазвонил зеленый телефон правительственной связи со свастикой. Борман снял трубку.

— Говорит Тренер, — услышал он голос адъютанта Гитлера. — Фюрер просит вас срочно прийти к нему.

— Иду.

Борман вышел из кабинета. Чтобы пройти в корпус, где находился кабинет Гитлера, надо было выйти на улицу. Над Берлином грохотала канонада. Советская артиллерия била по центру города.

Борману стало жутко от ревущего металла.

С крыш и разбитых стен летели осколки кирпичей, битые стекла. Прижимаясь к стене, он перебежал к металлической двери, ведущей в бункер фюрера. Через несколько минут к нему навстречу вышел Гитлер.

— Мартин, я жду вас, проходите.

Борман посмотрел на фюрера, лицо его пожелтело, по щекам и лбу бежали морщинки.

— Я решил ввести в Германии многоженство! У каждого немца должно быть две или три жены. Мы увеличим молодое поколение арийского племени!

— Интересно! — сказал Борман. — Только вы можете предложить столь гениальный план. Вы истинный вождь, борющийся за будущее Германии!

В беседе с Борманом Гитлер «обосновал» свое предложение таким образом: после войны в стране окажется три миллиона женщин, у которых не будет мужей. Это означает, что рождаемость резко уменьшится. Мы должны заставить их рожать арийцев. Государство должно оплачивать женщинам, не имеющим мужей за каждую рожденную голову. За мальчика больше, за девочку меньше. Нам нужны солдаты. Германия должна быть во главе всего мира!

— Вот возьмите эти бумаги! — Гитлер протянул папку Борману: — В них решена проблема будущего Германии!

Неожиданно раздался грохот, задрожали стены, с книжных полок полетели книги. В громкоговорителе зашипело, затрещало, потом раздался голос Геббельса:

— Жители столицы тысячелетнего Рейха, слушайте приказ фюрера, — Геббельс замолчал, закашлялся, а потом громко сказал: — Русские вторглись в пределы нашей столицы. В Берлине объявлена общая противотанковая и противовоздушная тревога. Все на защиту Берлина. Все на защиту нашего фюрера!..

Борман прошёл к себе, в боковой бункер. По коридорам стояли и сидели офицеры СС. Многие из них были пьяны. Мартин зашёл в кабинет, сел за стол, прочитал бумагу, написанную Гитлером, и написал резолюцию:

Министерство внутренних дел. Господину Банку.

Прошу Вас продумать весь комплекс вопросов, поданных фюрером, и поставить меня в известность о вашей точке зрения. М. Борман

Ночью Бормана позвали к Гитлеру. Когда он вошел в его кабинет, то увидел Гитлера, одетого в пальто и фуражку, рядом стояла в кожаном пальто и берете Ева. — Мартин, — сказал Гитлер, — я решил уехать в Берхтсгаден. Там я соберу войска и помогу отбить Берлин. Вы остаетесь за меня. — Он подал Борману руку. — До свидания! — И пошел к двери.

Борман проводил его до выхода, дождался пока тронутся машины и спустился в подземелье. Не успел он дойти до комнаты, как стены вновь задрожали. Через десять минут из бункера была послана радиограмма:

Гитлер выезжает из рейхсканцелярии, квадрат 11-84 в район Берхтсгаден, квадрат 32-18. Три черных Мерседеса.

Даже через двухметровый железобетон слышались мощные разрывы бомб. Раздался телефонный звонок. Борман услышал голос адъютанта Гитлера:

— Вас вызывает фюрер. Он вернулся.

Борман быстро пошел по коридору. В бункере Гитлера стоял шум. В углу на большом кресле рыдала Ева. Гитлер и Морель стояли около нее. Морель, оголив рукав, делал ей укол. Увидя Бормана, Гитлер сказал:

— Мартин, мы вернулись. Эти дьявольские бомбардировщики разбили все улицы на нашем пути. Наш Мерседес покорежен. Мы вынуждены были повернуть. Мы вернулись. Это — судьба.

Над Берлином стояли грозные, черные облака. Пыль и дым не давали пробиться к земле солнечным лучам. Дымили, горели от взрывов снарядов ящики с архивами дворе. С треском горели деревья. В бункере под имперской канцелярией было душно и жарко, отключилась система вентиляции. Освещение в убежище использовали только аварийное, от аккумуляторов.

Гитлер сидел в кресле и тяжело дышал. Ева Браун обмахивала его веером. Где-то в дальнем коридоре раздалось несколько выстрелов, это расстреляли двух офи-

церов охраны за попытку взломать сейф с ценностями фюрера. После утренней порции уколов Гитлеру стало легче. Он вновь взялся за осуществление своих планов.

24 апреля Гитлер вызвал из Мюнхена к себе в ставку генерал-полковника Ритера фон Грейма, командующего 6-м воздушным флотом. Этот вызов был для многих непонятен. Как выяснилось, фюрер всего-навсего хотел сообщить Грейму, что он назначает его на пост главнокомандующего воздушным флотом вместо Геринга. Борман считал, что это можно было сделать и по телефону. Гитлер каждые полчаса менял свои решения. Как вчера говорил Борману Гитлер, он твердо решил остаться в имперской канцелярии и покончить с собой. Однако Борман ему не верил: у Гитлера несомненно были планы бегства. И один из них — это побег с помощью самолета Грейма.

«Неужели уйдет? — думал Мартин. — Нельзя допустить его бегства к союзникам. А вдруг у него есть возможность улететь в Испанию или в Южную Америку?»

Трудно сказать, что предприняли бы стражи Гитлера, если бы он захотел улететь с Греймом и известной летчицей Ганной Рейг, которая прибыла вместе с ним.

Но события неожиданно сложились так, что Грейм и Ганна Рейг прилетели только 26 апреля, и ни в тот же день, ни на следующий не могли покинуть подземное убежище, их самолет был подбит над Тиргартеном, и к тому же Грейма серьезно ранило. В бункер фюрера его внесли на носилках. После этого между Греймом и Гитлером произошел разговор.

Гитлер спросил:

— Знаете ли вы, почему я вас вызвал?

Грейм покачал головой:

— Нет, мой фюрер.

Гитлер долго смотрел на него и тихо сказал:

— Потому что Геринг предал меня и Родину. Я назначаю вас командующим авиации и повышаю в звании.

Борман, присутствовавший при этом, пытался разговаривать Гитлера, но тот молчал, видимо что-то задумал. «Как видно, недостаточно хорошо я изучил его характер, — подумал Мартин. — Надо что-то предпринять». За ужином он вновь заговорил с Геббельсом, готовым буквально на все. Его четыре дочери сидели рядом с ним, и он угощал их персиками из консервных банок.

Когда девочки ушли, Борман спросил:

— Что будем делать, если фюрер улетит?

Геббельс немного помолчал, а потом тихо сказал:

— Мы не должны дать ему скрыться.

Борман кивнул:

— Я согласен. Он предаст нас и спасет свою жизнь.

Они решили: Гитлер должен оставить завещание, в котором поручит именно им вести переговоры с Советским Союзом. Для осуществления плана необходимо держать Адольфа в полной изоляции до тех пор, пока он не напишет завещание. А потом заставить его покончить с собой, обставив это как смерть героя.

— А если он вдруг, ты же знаешь его, захочет сдаться в плен? — спросил Борман.

— К кому?

— Думаю, англичанам.

— Конечно, не русским — они его растерзают! — сказал Геббельс и задумался.

На том они и расстались. Борман не смог понять, договорились они с Геббельсом. Разговор был расплывчатый, туманный. А вдруг Геббельс предаст его? Кто его знает...

Долго не спал Мартин в эту ночь.

Рано утром кто-то негромко постучал в дверь. Борман открыл. За дверью стоял взволнованный Геббельс. Он вошел в комнату и тихо сказал:

— Забудь о нашем вчерашнем разговоре. Я очень боюсь русского плена, боюсь за дочек, боюсь за Магду. Мы будем умирать.

* * *

28 апреля, утром, Гитлер передал по радио телеграмму Кейтелю:

*Я требую освобождения Берлина. Где Венк? Что с 9-й армией? Когда Венк соединится с 9-й армией?
Все на защиту Берлина!*

Борман быстрым шагом шел по коридору и чуть не столкнулся с бежавшим навстречу встревоженным адъютантом Гитлера.

— У нас свадьба! — громко сообщил тот. — После свадьбы будет победа. Невесте уже привезли белое платье. Фюрер женится!

— Не может быть!

Борман был поражен, услышав слова адъютанта о женитьбе Гитлера. Что он сошел с ума? Русские в километре от канцелярии. Какая свадьба?

Борман махнул рукой и направился в кабинет Гитлера. Здесь была та кутерьма, в которой реальность уступала вымыслу, он увидел Еву Браун и Геббельса.

— Господа, прошу к столу! — пригласила Ева.

Все стали рассаживаться. Адъютанты в роли гарсонов приносили еду. Когда принесли подносы с едой, Ева сняла с тарелок салфетку и положила ее на колени Геббельсу, сидящему с ней рядом.

— Доктор Геббельс, — обратился к нему Гитлер, — как мы будем чувствовать генерала Венка? — Глаза у него безумно блестяли.

— Венк сражается под Берлином.

— Знаю. Завтра он будет в Тиргартене, — Гитлер засмеялся. — Он спасет меня. Я знаю, он любит меня.

— Мой фюрер, все в руках божьих, — сказал Геббельс, подняв глаза на портрет Фридриха Великого.

— О каком Боге вы говорите? Постыдитесь! Завтра Венк должен быть в Тиргартене! — повторил Гитлер. — Он спасет нас.

— Когда же будет свадьба? — требовательно проговорила принаряженная Ева Браун. — Я не хочу больше ждать. Ты обещал отпраздновать свадьбу! — настойчиво повторяла она.

— Пришлите сюда пастора, — сказал Гитлер. Раздалось несколько мощных ударов. С потолка посыпались песчинки. Потух свет. В комнате стало тихо.

И в этой тишине слышались всхлипы невесты.

— Быстрее делайте свадьбу! — плакала Ева Браун. — Я требую!

Вновь раздалось несколько взрывов. Неожиданно свет вновь зажегся. Открылась железная дверь, и в комнату вбежал Зейдлиц:

— Мой фюрер, к рейхсканцелярии подошли тяжелые русские танки. Они бьют прямой наводкой бронейными снарядами.

Гитлер, тяжело подволакивая ногу, подошел к столу, взял папку из крокодиловой кожи и открыл ее. Положа правую руку на плечо Евы Браун, он стал читать лежащий в папке документ.

МОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Íàðää ñâíáé ñíàððüþ ý èñêë þ÷àþ èç ìàððèè áúâøáâí ðáéðñíàðøàèà Æáðèíàà è èøàþ áâí àñâð ìðàà, èíðíðúâ áúð áíó ààíú óéàçí ìð 29 àíðáëü 1941 áíàà è á ìáé ðá÷è á ðáéðñ òàãâ 1 ñâ íðÿáðü 1939 áíàà. Íà áâí ìàñòí ý ìàçíà÷àþ ààìèðàèà Æáíèðà, ìðàçèää íð ù ðáéðà è àèàáííèí à íáó þ ù è ì áíððæ áííúè ñèèàìè.

Íàðää ñâíáé ñíàððüþ ý èñêë þ÷àþ èç ìàððèè è èøàþ àñâð ìðàà áúâøáâí ðáéðñòþðáðà ÑÑ è ìèíèñòðà áíóððáí-íèð àäè Æáíèðèðà Æè ìì èáðà. Íà áâí ìàñòí ý ìàçíà÷àþ ààó-èáéðàðà Èàðèà Õáíèá — ðáéðñòþðíð ù ÑÑ è ìà÷-àëüíèè ì áàðíàíñèé ìíèèðèè è ààóèáéðàðà Íàóëü Æèçèáðà — ìèíè-ñòð ù áíóððáííèð àäè.

Æáðèíà Æè ìì èáð ìíèðúèè ìàñíúàààí ù ì ìíçíð ù ìàøó ìàøèþ òàì, ÷ðí ñáéðàðíí è ìñèí ìááâí æáèàíèü àáèè

ĩđđāāĩāĩđđũ ñ ĩđĩđēāĩēēĩ ē ĩũđāēēñũ çāđāāđēđũ āēāñđũ
ā āĩñōāāđñđāā.

× ò ĩāũ Āāđĩāĩēŷ ēĩāēā ĩđāāēđōāēũñđāĩ, ñĩ ñ ò ĩŷ ũāā ēç
-āñđĩũō ēpāāē, ēĩđĩđũā đōāōđ ĩđĩā ĩē æāđũ āĩēĩō āñāĩ ē
ñđāāñđāāĩē, ŷ ēāē ēēāāđ ĩāōēē ĩāçĩā-āp -ēāĩāĩē ĩĩāĩ āĩ
ēāēēĩāđ à ñēāāōpũēō ēēō:

1. Ĩđāçēāāĩđ āĩñōāāđñđāā — Āāĩēō.

2. Ēāĩōēāđ — Āāāāēũñ.

3. ĩēĩēñđđ ĩāđđēē — Āĩđĩāĩ...

Āā-āđñ Āĩđĩ āĩ ĩũđāēñŷ đāçũñēāđũ Āāāāēũñā, ĩĩ òĩ ò āũē
ĩ -āĩũ çāĩŷđ: āĩ òĩāēē ñĩāēđāēũ «ñāāũũāā òpđāđā». Ñāāũũāā
ĩđ ĩōĩ āēēā ĩĩ ĩāōēñđñēĩĩō đēđōāēō. Ĩđāāā, æāĩēō ē ĩāāñđā
ĩā ñĩĩāē ĩđāā ĩñđāēđũ ñĩđāāĩē, óā ĩñđĩ āāđŷpũēō ēō đāñĩ-
āōp -ēñōĩ đō. Ñĩđāāĩē āĩñđāđũ āũēĩ ĩāāāā...

Āđāēĩ ñĩ-āđāĩēā òpđāđā ñ Āāĩē Āđāōĩ āĩēæĩĩ āũēĩ, āē-
āēĩĩ, ĩōāēā-ũ āāĩ ĩđđāēũĩũō ĩēāĩĩā āāñđōāā. Ĩĩ çāĩũñēō
đāæēññāđĩā ŷōĩ āĩ āđāēĩ ñĩ-āđāĩēŷ ĩĩĩ āĩēæĩĩ āũēĩ ĩāñđđĩ-
ēđũ Āēđēāđā ĩā òĩđæāñđāāĩĩũē ēāā, ĩđđāēũĩĩ ĩĩāñ òĩāēđũ ē
āđōāĩē òĩđæāñđāāĩĩē ē òāāđđāēũĩĩē òāđāĩĩēē — «āāđĩē-
-āñēĩĩ ò» òōĩ āō ēç æēçĩē.

Āāāāēũñ ē Āĩđĩ āĩ āĩōēēēē Āēđēāđō, -đĩ āāĩ ñāĩĩ-
ōāēēñđāĩ đōāāđ ēāē āũ ĩĩñēāāĩēĩ āēēĩ đā ĩĩ ā āōōā Āāāĩāđā ē
āđāāĩāāđĩ āĩñēēō ñāā Āũñđđāē... Bā... Āāđĩāŷ æāĩā, Āāā,
ēĩ òĩđāŷ ĩāĩ ĩāĩāēā āāđĩēĩũ ŷĩĩñā, óāēāāāđ ñāāŷ ĩā ĩĩāēēā
āĩ æāŷ. Ñēĩāĩēēēā āñāāā āũēā āēēçēā ñāđāōō òpđāđā, ĩā
ŷōĩ ē ñũāđāēē āāĩ ĩđēāēēæāĩĩũā...

Āñā āũēĩ ĩđĩāāāĩĩ ĩĩ ĩēāĩō: ĩāāñđā ā āāēñ ĩēāđũā,
ĩŷđēāāñŷđēōāñđēēāđĩēē æāĩēō ā -āđĩñ ēĩ ñòpĩā ñ ēñēōññō-
āāĩĩũĩ òāāđēĩĩ ā ĩāđēēōā. Ñōĩ ŷ ĩāđāā ĩāñđĩ đ ñ, Āāā ĩēāē-
ēā, Āāĩēũō òĩũāāē ĩĩñ ñ. Ĩĩā āĩ ē ĩāēñĩāĩōũ ĩĩāĩāđā- ĩũĩ
ĩāāēē ēĩēũōā. Ĩā āũēĩ òĩēũēĩ ĩđāāĩā ē ĩāñĩĩāĩēŷ. Ēō çāĩā-
ĩēēā āđōēēēāđēēñēāŷ ēāĩĩāāā, ēĩ òĩđāŷ ĩā ĩđāēđāũāēāñũ.
Ōŷŷñēēñũ ñđāĩũ, çāāĩāēē đpĩēē. «Ñāāũũāā āāēē» āēēēāñũ ĩā
ā ĩēāā ĩĩēō-āñā.

Ĩđāāĩđēĩŷā ĩāĩāōĩ āēĩũā ĩāđũ ĩđāā ĩñđĩ đ ĩæ ĩñđē, Āāā-
āāēũñ ē Āĩđĩ āĩ ĩā-āēē āĩōĩāēđũñŷ ē đāōāpũāĩō òāāō —

посылке Кребса к советскому командованию с предложением капитулировать на востоке.

Кребс, вызванный к Борману, долго отказывался, но после нажима дал согласие. Геббельс и Борман сочинили письмо советскому Верховному командованию. В качестве парламентаря Кребс был в их глазах наиболее подходящей фигурой. Он не служил в гестапо, знал русский язык, был до войны помощником атташе в Москве. Все любили вспоминать, что это ему, Кребсу, ни с того ни с сего пожал руку на вокзале Сталин в годы своей дружбы с Гитлером...

Ночью в бункере раздался шум. Все бегали, кого-то ловили. В бункер по известным только им ходам ворвались крысы, их было много. Длинномордые с хищно оскаленными острыми зубами, они шныряли по комнатам и коридорам бункера. Крысы бегали между спящими, пробегали по ним, по мебели, крысы людей не боялись, они бесцеремонно тыкали свои усатые морды в полураскрытые рты спящих, забирались им под рубашки.

Борман, выйдя в коридор бункера Гитлера, где ночевали молодожены, увидел, как по комнатам бегали офицеры СС с палками, гоняли и убивали крыс. Кто-то кричал, что у него съели сапоги, у кого-то изодрали брюки.

В комнату Гитлера он увидел стоящих на столе в нижнем белье Гитлера и Еву. Ева визжала и плакала.

— Ты не мог сделать так, чтобы наша медовая ночь был без приключений, без этой гадости!

В это время один из охранников ударил бегающую крысу ножкой стула и начал бить сапогом. Крыса пищала и дрыгалась, потом затихла. Охранник схватил ее за хвост и понес в коридор. Ева не прекращала рыдать.

— Ищите их везде, они под кроватью, за шкафом.

И действительно из-за шкафа выбежала еще одна серо-рыжая крыса.

— Бейте крыс! — закричал Гитлер и подпрыгнул на столе. — Бейте!

Крыса бросилась к двери и выскочила в щель. Гитлер в розовых кальсонах опустил ноги с круглого обеденного стола и хриплым голосом закричал:

— Это козни Сталина! Вы заметили, крысы походили на него. Это его солдаты. Они пришли из Сибири. Они дрессируют против нас крыс, — он задохнулся. — В Берлин вошли крысы! — Он стал натягивать штаны.

— Борман, вы видите, что они делают. Надо нам было применить газы. Только газы спасли бы нас. Вы меня отговаривали применить газы против русских. Вы тоже виноваты, что мы погибаем.

В четыре часа утра Гитлер продиктовал секретарше еще два завещания — политическое и личное. Теперь у пути назад не было. Он сжег за собой мосты — а обоих завещаниях говорилось, что он уходит из жизни.

Последние часы Гитлера были бурными и непонятными. Доктор Мораль перевязал ему голову и уши заткнул ватой. Из-под повязки был видны только глаза, длинный нос и усы. Он стал похож на крысу, которую недавно убили в его комнате.

Гул артиллерии в подземелье не прекращался. Тряслись стены, с потолка сыпались струйки песка.

Около трех часов ночи дверь комнаты, в которой спал Борман, скрипнула. Мартин зажег настольную лампу. Перед ним стоял фюрер. Гитлер был в сине-белой полосатой пижаме. Голова у него тряслась. Один глаз был полузакрыт и подергивался. Гитлер присел на кровать к Борману и тихо сказал:

— Я не могу спать. Я думаю, думаю... Я надеюсь только на вас, — на его глазах появились слезы. Он попытался трясущейся рукой вытереть слезы.

— Борман, я верю только вам. Я уйду... — он заплакал. — Вы восстановите партию. Эти изменники Геринг, Гиммлер... Вы их накажите. Вы их казните.

В комнату вошла Ева Браун в распахнутом шелковом халате. На голове у нее были папильотки.

— Ты здесь, я так волнуюсь, идем домой. — Она подняла подол халата и вытерла слезы с лица Гитлера.

Борман встал, оделся. «Как бы его изолировать? — подумал он. — Поднять охрану? Они не пойдут на это. Что же делать?» Борман прошел а подвальное помещение, где была его непоконтрольная никому радиостанция. Включив ее, дал радиограмму:

Штаб 1-го Белорусского фронта.

Маршалу Жукову.

Штаб 1-го Украинского фронта.

Маршалу Коневу.

Гитлер находится в имперской канцелярии.

В восемь часов утра Гитлеру положили на стол радиограмму:

В районе станции Савиньи соединились войска 1-го Украинского фронта, маршала Конева и 1-го Белорусского фронта, маршала Жукова. Две танковые армии Богданова и Рыбалко замкнули второе кольцо вокруг Берлина.

Гитлер подошел к карте, нашел станцию Савиньи.

— Выбить их оттуда! Где Венк? Назовите мне фамилии командиров, кто взял эту станцию?

Адъютант схватил телеграмму:

— Соединились 54-я гвардейская танковая бригада подполковника Давида Драгунского и 37-я механизированная бригада из корпуса Михаила Моисеевича Кривошейко. Оба Герои Советского Союза.

— Что, что — Давид и Мойша! — Гитлер зашатался.

— Ты слышишь, Мартин, опять евреи, — на губах у него появилась пена, — эти евреи... Как они попали в армию? Как они стали танкистами? Сталин дал им звания героев. Эти станции взяли крысы. Немедленно перебить всех крыс! Они прорвались в рейхсканцелярию!

К Гитлеру быстро подошел личный врач Морель:

— Мой фюрер! Успокойтесь. Я сделаюлаю вам укол.

— Отстаньте! Кругом одни евреи.

— Адольфик! Прошу тебя — слушайся врача, — тихо произнесла Ева Браун. По ее щекам текли слезы.

— Морель, вы тоже еврей. Борман, вы тоже еврей. Геринг, Гиммлер, Риббентроп — они тоже евреи. Ева, а ведь ты тоже еврейка?! Позор, я женился на еврейке!

Прошла еще ночь. Дисциплина в охране рейхсканцелярии разложилась. Эсэсовцы вскрыли склад спиртных напитков. Пьяные офицеры СС валялись по коридорам, ходили в отделение фюрера, куда им запрещалось появляться. Один из них, рыжий, высокий группенфюрер пытался ворваться в комнату Евы. Возмущенный Гитлер приказал коменданту убежища Дитриху расстрелять негодяя на месте. Приказ тут же исполнили.

Гитлер продолжал медлить с самоубийством, 29-го апреля в бункере, как обычно, проходило обсуждение военного положения. И вообще день катился своим чередом в болтовне фюрера, в видимости какой-то деятельности, в бессмысленных приказах и распоряжениях.

А между тем для Бормана и Геббельса каждая минута была дорога... Борман попросил Гитлера, чтобы тот написал письмо Кейтелю — благо и okazия нашлась. Один из второстепенных военных, еще оставшихся в свите Гитлера, намеревался выйти из берлинского «котла».

Гитлер сел в кресло и продиктовал письмо Кейтелю. В нем он взваливал на Кейтеля и на других военачальников всю вину за поражение Германии (это Борман внушил Гитлеру, что и Кейтель его предал). Последняя анафема Гитлера своим генералам кажется совершенно нелепой, если не учитывать, что для Бормана и Геббельса она в тот день была очень важна. Они боялись, что инициативу переговоров возьмут на себя военные.

Борман не терял времени: он послал трех курьеров в ставку к Деницу с завещанием Гитлера о передаче тому власти в стране вместе с Геббельсом и Борманом. Мартин отправил письмо Гитлера Кейтелю и, наконец, по-

здно вечером послал радиограмму Деницу, в которой сообщил о «предательстве» Кейтеля. Телеграмма лукавила: «Фюрер жив и руководит обороной Берлина».

В этой сложной интриге, которую затеяли Борман и Геббельс, им было выгодно до последней минуты действовать от имени Гитлера. Мартин считал, что сейчас он должен всячески запугать руководство Германии, тем самым ослабив его, довести до полного поражения.

По подземному выходу через подвалы нескольких домов, Борман вышел на улицу.

Кругом были дымящиеся развалины. Все кругом горело, с крыши рейхсканцелярии были снесены и разбиты противобомбовые конусы. Борман поднес к глазам бинокль. Где-то вдалеке на Шарлотенбургершоссе виднелась колонна Победы. С высоты его глядела на Берлин сама победа — Ника Самофракийская. Монумент был установлен в честь победы над Францией.

Борман молча глядел на колонну, над которой развивался красный флаг. То ли советский, то ли фашистский. А вокруг роился разгромленный Берлин, жестоко наказанный за очередную попытку победить Россию.

Борман и солдаты охраны медленно пошли обратно в подземелье. Подойдя к комнате Геббельса, он открыл дверь. Геббельс играл с девочками, Магда сидела неподалеку и что-то вязала.

— Ну как наши дела? — спросил Борман.

Геббельс пожал плечами:

— Без изменений.

В два часа тридцать минут ночи 30 апреля Гитлер вышел в один из отсеков бункера, где выстроились 20 человек мальчишек фольксштурма. Пройдя вдоль строя, он пожал каждому руку. Мальчишки, прокричав «Хайль!», пошли бороться с русскими танками. После этого Гитлер удалился в свою комнату.

А присутствовавшие на церемонии прощания... пошли в бар и начали танцевать под патефон.

Они протанцевали до самого утра. Шум музыки донесся до комнаты Гитлера. Он потребовал, чтобы это безобразие прекратилось.

— Я хочу умереть в тишине, — сказал он Борману.

Однако так и не решился в эту ночь на самоубийство.

Утро 30 апреля прошло как обычно. Обсуждали военное положение. Гитлер выходил с овчаркой на прогулку один. Вернулся, по-видимому, его двойник, как показалось некоторым. И тоже с овчаркой.

В полдень Гитлер или тот, кто пришел вместо него, пообедал в обществе секретарши и поварихи. Потом началось новое прощание, новые объятия, рукопожатия и невнятный лепет. Затем он и Ева Браун удалились.

* * *

На этот раз Борман и Геббельс остались дежурить у входа в узком коридорчике, причем Борман уже начал беспокоиться насчет канистры с бензином, чтобы сжечь труп фюрера. Потом раздался выстрел.

Это было в 15 часов 30 минут. Люди, вошедшие в комнату, увидели два трупа — труп Гитлера и труп Евы Браун, умершей от яда. Неподалеку лежала любимая собака Гитлера — Блонди.

Борман приказал завернуть фюрера и Еву в ковры и вынести во двор, где было несколько больших воронок от фугасных бомб. Солдаты, словно делая будничную и привычную работу, работу связали ковры веревками и, раскачав их, бросили на дно воронки.

И вдруг из всех углов ямы выбежали откормленные крысы. Трупов вокруг хватало. Поводя усами, они смотрели на виднеющуюся из ковра голову и ноги фюрера.

— Лейте бензин, зажигайте! — скомандовал Борман и пошел в бункер.

В 18 часов 35 минут, часа через три после самоубийства Гитлера Борману удалось связаться с Деницом. Радиограмму для него составили так, чтобы у Деница было впечатление о том, что Гитлер в курсе всего:

На место рейхсмаршала Геринга фюрер назначает вас, господин гросс-адмирал, своим приемником. Письменные полномочия вам уже посланы.

В радиোগрамме Бормана не было ни слова о смерти Гитлера, поэтому на следующий день Дениц прислал послание, которое начиналось словами «Мой фюрер, моя верность вам неизменна...»

* * *

Берлин агонизировал. Геббельс, который вел переговоры с представителями Красной Армии, отказался принять капитуляцию и ушел в свой бункер.

Через несколько минут Борману доложили, что Геббельс, его супруга Магда и дети покончили жизни самоубийством. Доктор Морель рассказал Борману, что Геббельс лично клал каждой девочке в рот ампулу цианистого калия и заставлял детей сжать ее зубами.

Борман заглянул в комнату Геббельса. Он и Магда мертвыми сидели на стульях. У стены на двухэтажных кроватках лежали четыре беленькие девочки...

В 5 часов утра маршал Жуков соединился по телефону с Соколовским и сказал ему:

— Передай, что если до 10 часов не будет дано согласие Геббельса и Бормана на безоговорочную капитуляцию, мы нанесем удар такой силы, который навсегда отобьет у них охоту сопротивляться. — Помолчав, жестко добавил: — Пусть гитлеровцы еще раз подумают о бессмысленных жертвах немецкого народа и личной ответственности за свое безрассудство.

По телефону из штаба генерал Чуйкова слова Жукова передали генералу Кребсу.

— Что будем делать? — спросил Кребс у Бормана. — Русские не будут ждать.

— Двух решений не может быть, объявляйте о том, что мы принимаем безоговорочную капитуляцию!

Борман резко повернулся и вышел. Тайком он добрался до узкой галереи, которая шла по верху зала, где

стояли большие насосы системы отопления. Ряд ступеней из скальных плит вели в угловую комнату. Здесь никого не было.

Мартин достал из шкафа рацию, подключил аккумуляторы. Осторожно выдвинул в разбитое окно антенну и начал передавать:

Прошу помощи. Нахожусь в западной стороне рейхсканцелярии. Ближайший вход северный. Движение по коридору на восток. Помещение 114...

* * *

В 14-00 тяжелый танковый полк чуть ли не вплотную подошел к зданию рейхсканцелярии. С горящей крыши падали куски раскаленного железа, горела кровля.

— Окружайте эту сторону дома, — скомандовал генерал Серов. — Пускай подходят плотней.

— Будет выполнено!

Через несколько минут танки подошли к подъезду и веером стали неподалеку от ступенек.

Генерал взял в руки микрофон.

— Танкам стоп. Первая группа, под командой Гриднева, вперед пробивайтесь к подъезду. Саперы — за ними! Взорвать двери. Вторая группа Минаева, вперед. Включить пеленгатор. Группа захвата от второй группы не отставать. Я буду с группой захвата. Вперед!

Генерал вылез из танка, по-мальчишески спрыгнул с брони и в сопровождении трех автоматчиков пошел к развороченному подъезду.

Прошло минут тридцать. Вдали слышались разрывы, но в них не было озлобления — будничная, давно всем надоевшая война. Но что-то в воздухе было иным, пахло не гарью, а близкой победой. К танку подполковника Миндлина подошли два военных в зеленых комбинезонах. Один из них влез на броню и громко сказал:

— Генерал приказал подать к подъезду два танка, прямо кормой. Подполковник улыбнулся:

— Что это тебе лимузин, это их подают к подъезду.

— Генерал приказал — выполняйте, — сказал военный резко. — Сейчас не до шуток.

Неожиданно между облаков и едкого дыма показалось какое-то оккупированное берлинское солнце. Его лучи с трудом пробивались сквозь дым и пыль.

У подъезда показалась еще одна группа людей. Подполковник взгляделся. Несколько военных в зеленых комбинезонах вели под руки человека с синим мешком на голове. За ними шел генерал и еще несколько человек с автоматами. Подполковник подскочил к генералу:

— Какие будут приказания?

Серов подал ему руку:

— Ваше задание в нашей операции выполнено. Спасибо. Прощайте.

Он еще раз крепко пожал ему руку.

— Ваш танк мне больше не нужен. Сажайте его в тридцать четверку, — он указал рукой на человека с мешком на голове. — Повезем на аэродром.

— А кто это? — поинтересовался подполковник.

Генерал улыбнулся:

— Много будешь знать, плохо будешь спать.

— Может, Гитлер?

Генерал отрицательно покачал головой.

Человека с мешком на голове подняли на броню и бережно опустили в люк.

* * *

...В Москве неподалеку от Лефортовской площади есть старинное кладбище.

Памятники, памятники, памятники, густо заросшие деревьями и кустами.

Я останавливаюсь у одного из них. Протираю пыльную надпись и читаю:

Мартин Борман
1900-1973 гг.

Бронислав Горб

ПОБЕГ **МАРТИНА**
БОРМАНА
В ТРЕХ РАЗЛИЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ
ОДНОВРЕМЕННО

*Ибо нет ничего тайного,
что не сделалось бы явным,
ни сокровенного,
что не сделалось бы известным.*

Евангелие от Луки, гл. VIII, ст. 17

Биография-загадка Мартина Бормана — ключевой фигуры фашизма не одно десятилетие будоражила пытливые умы историков. Есть в исчезновении наследника Гитлера непроященное темное пятно, не дающее покоя многим, призванным по долгу службы охранять государственные тайны, в которые каким-то пока не до конца выясненным образом входит и его особая тайна.

Только в последнее время вышли из печати альманахов Издательского дома Всемирный следопыт «Тайны XX века» М. 1998; книги Хью Томаса «Двойники», М. 1998; Павла Павленко «Мартин Борман «серый кардинал» III рейха»; Льва Безыменского «Человек за спиной Гитлера. Борман и его дневник», М. 1999 и его же «Сталин и Гитлер перед схваткой» М. 2000; Льюиса Килзера «Предавший Гитлера: Мартин Борман и падение Третьего рейха», М. 2002; Семен Демкин «Великие тайны спецслужб» М. 2002.

Кое-что в биографии Бормана с трудом, сквозь недомолвки и фальсификацию, неожиданно и для авторов проясняется. Что в книгах правда, а что вымысел и предстоит разобраться, потому что в жизни наци № 2 различных писателей четко прослеживаются три одновременных, но разновекторных маршрута, по которым после войны якобы бежал фашистский преступник.

Рассмотрим маршруты, включая и варианты смерти.

МАРШРУТ ПЕРВЫЙ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ—

Начнем с бесспорного: Мартин Борман — главарь Третьего Рейха первого плана. По своему политическо-

му завещанию, составленному в последние дни войны в пылающем Берлине, Гитлер передал достойному продолжателю своего дела — Борману власть над партией и Германией. На Нюрнбергском процессе Мартин Борман осужден как военный преступник.

Главное направление побега Мартина Бормана тогда, осенью 1945-го года, ясно и недвусмысленно указал товарищ Сталин, сказав, что на подводной лодке через Гамбург ушел геноссе Гитлер, а за ним и Борман.

Дальше — вступаем в область догадок, явной и тайной мистификации. Для дезинформации тех, кто занят поисками нацистских преступников, время от времени, очень дозированно, в зарубежной печати вдруг появлялись внешне вроде бы правдоподобные доказательства того, что кто-то видел Бормана то в Аргентине, то в Бразилии, то где-нибудь в Перу, то в Эквадоре.

И всегда слухи первой, помнится, подхватывала и развивала советская пресса. Указал товарищ Сталин это направление побега, и другие направления советские исследователи отметили раз и навсегда. Но это не имело отношения к разгадке зловещей тайны XX века.

Последнее сообщение появилось в одной миланской газете летом 1996 года — очередная, на мой взгляд, дежурная байка о побеге Мартина Бормана. Но не лучше ли обратиться к самому тексту итальянской газеты — «Un passaroto italiano per qerarca Vormann»?

ПАСПОРТ ДЛЯ ИЕРАРХА БОРМАНА

Буэнос-Айрес

Паспорт, выданный консульством в Генуе крестьянину итальянцу Рикардо Бауэру и появившийся недавно в Сан-Карлосе де Борилохе (San Carlos de Bariloche — на юге Аргентины), похоже, не что иное как еще одно доказательство того, что Мартин Борман — «номер два» в Третьем Рейхе — не погиб в Берлине 1 мая 1945 года, а укрылся в Латинской Америке, где прожил долгую жизнь.

Документ с фотографией человека, который вплоть до последнего дня был секретарем Гитлера, прессе продемонстрировал немецкий гражданин, живущий на юге Чили и пожелавший, однако, остаться неизвестным.

«Я делаю это не для денег, — заявил человек, который утверждает, что знал Бормана, — а делаю это для того, чтобы была написана правда о конце нацистского иерарха, который, вероятно, умер от дисфункции гепатита в Сан-Карлосе де Борилохе в 1975 году».

Не хватает пока официального подтверждения со стороны уругвайских властей о подлинности паспорта, который сохранился в хорошем состоянии и который его владелец не возобновил по истечении срока 3 января 1951 года.

Подписанный консулом Франсоном (Franzone) документ свидетельствует, что господин Рикардо Бауэр родился в Мерано (Merano) 3 июля 1900 года и проживает в Монте-Видео (Montevideo, in calle Independencia, 235).

Паспорт № 9892 и соответствующее дело № 1048.

В паспорте отметка, что мужчина холост, ни жены, ни детей у него нет.

В паспорте одноразовая виза возвращения в Италию, другая виза свидетельствует о том, что владелец паспорта побывал во Франции.

Конец Бормана и его возможных перемещений — одна из самых больших загадок истории.

Прежде, чем попытаться ее разгадать, поверим на время миланской газете и назовем это маршрутом № 1 Мартина Бормана. Предположительным маршрутом.

Почему скромняга-немец, пожелавший остаться в тени, предъявляет паспорт предполагаемого Мартина Бормана? А почему он не хочет поделиться тем, что он сам знает о Бормане? Во имя чего жаждет бескорыстный немец, чтобы не им, а кем-то другим была написана (и непременно правда!) о конце видного нациста?

Побег именно в Южно-Американском направлении, указанном Сталиным, широко рекламировали и советские поставщики новостей на страницах журналов, и газет советские писатели Лев Безыменский в книге «По следам Мартина Бормана» (М. 1964) и Владимир Павлов в книге «Призрак рейхслайтера Бормана» (М. 1988)

МАРШРУТ ВТОРОЙ, НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЙ

Мечта немца из Чили — узнать правду о конце нацистского иерарха, по-моему, частично сбылась. Во всяком случае и при чтении книги о Бормане Бориса Павловича Тартаковского и в беседах с писателем — при подготовке издания его книги и при съемках фильма о нем у меня сложилось впечатление, что возможную правду о нацисте № 2 нужно искать в направлении, указанном в его книге «Мартин Борман — агент советской разведки» (М. 1992, Лубянка, 18, тираж 100 тыс. экз.).

Согласно этой версии М. Борман был доставлен в СССР в мае 1945 года. На мой взгляд, маршрут № 2 — наиболее достоверный маршрут М. Бормана после войны. Издание книги Б. Тартаковского в полном объеме убедило бы в этом многих.

Печатание брошюры «Мартин Борман — советский агент» было, по-видимому, пробным шаром, негласным изучением общественного мнения того времени.

Книга вышла в 1992 году, после памятных событий и КГБ остро нуждался в подобных сенсациях — для поддержания положительного образа чекистов. Многие годы КГБ пытался узнать, как отнесутся в народе к тому, что важная немецкая птица — советский разведчик?

* * *

В интервью газете «Дело» (перепечатано журналом «Спутник», ноябрь 1994) Борис Павлович Тартаковский так пояснил появление сведений о советском разведчике Мартине Бормане в открытой печати:

— А как получилось, что книги пока нет, но в то же время она как бы есть — главы из нее были опубликованы без вашего ведома?

— Не забывайте, кто их выпускает в свет, — издательство «Отечество», связанное с «компетентными органами», которые, хотя и не торопятся обнародовать имеющиеся у них документы, тем не менее понимают, что людей необходимо психологически подготовить к тому, что могут открыться факты самые невероятные. Вот в качестве такой подготовки они и выпустили в своем издательстве две главы моего романа в виде брошюры. И название дали соответствующее: «КГБ. Из истории отечественной разведки. Мартин Борман — агент советской разведки».

— А как же ваша работа вообще к ним попала?

— В «Воениздате» лежала моя объемистая рукопись, и там не знали, что с ней делать. Наконец приняли великодушное решение — послали ее на рецензию в КГБ в расчете на опровержение. Когда я узнал, спрашиваю: «Как же вы так, без моего согласия?» А они мне только: «Да ладно», — говорят...

* * *

Доказать, что Мартин Борман был советским разведчиком, значит, вознести внешнюю разведку СССР на уровень чего-то умопомрачительного.

Но подобные примеры в истории были: кандидат в президенты Мексики в 30-е годы прошлого столетия, оказался советским разведчиком, который спешно вернулся в СССР.

Вл. Николаев в книге «Гитлре, Сталин и мы» (С.):

Вождь корейского народа под именем Ким Ир Сен стал обрусевший дальневосточный кореец Тимофеев

С Борманом сложнее. Окажись он разведчиком работавшим на Советский Союз, тогда, к сожалению, придется иными глазами увидеть приход Гитлера к власти, которому расчищал дорогу Борман, выкупая коп-

рометирующие фюрера документы, и по-иному взглянуть на историю начала Великой Отечественной войны. Это соображение, по-видимому, и должно останавливать тех, кто кое-что знает по этому вопросу.

Так что зря пытливые исследователи пытались было обнаружить издательство и узнать: с какой целью, друзья, вами была выпущена эта книга?

Но безуспешно: по указанному адресу Борис Тартаковский никого почему-то не обнаружил. В конце своей почти не замеченной средствами массовой информации, несмотря на 100-тысячный тираж книжки, изданной в 1992 году таким странным для нормального книгоиздания способом, Борис Тартаковский пишет:

...В Москве, неподалеку от Лефортовской площади, есть старинное кладбище.

Памятники, памятники, памятники, густо заросшие деревьями и кустами. Я останавливаюсь у одного из них. Протираю пыльную надпись и читаю:

Мартин – Борман
1900 - 1973 гг.

По-видимому, так оно и было. Приходится только догадываться, что сам облик Мартина Бормана, оказавшись он советским разведчиком, никаких лавров советской разведке бы не прибавил. Что-то изменилось у издателей по отношению к неисследованному наследию Мартина Бормана, и доску по каким-то причинам убрали. А фотографию сделать Тартаковский тогда не догадался: кладбище-то казалось ему вечным.

Телевизионщики из прежнего НТВ во главе с Киселевым и вместе с Тартаковским не раз приходили на это место — пустота. Но зато... Зато теперь на Первом канале в стае пимановских уток выпорхнула и скороспелая утка о как бы уже окончательном расследовании жизни и деятельности товарища Бормана. Дескать, вопрос решен полностью и окончательно.

Невольно и давно подключился к проблеме Мартина Бормана-старшего его сын — Борман-младший, ставшего священником. Кстати, многие годы он собирает все, что опубликовано об его необычном отце. Таким публикаций у священника накопилось 6400.

На пустом месте таких книг и статей не насочиняешь. Если предположить, что 6390 из них не представляют никакого интереса, то хотя бы десяток из книг и статей должны же содержать хотя бы какую-то крупицу истины для историков. Это очень хорошо понимал писатель Борис Тартаковский, который в том же интервью высказался вполне определенно:

...Есть сведения, что Борман у нас был арестован и одно время содержался в Лефортове — под псевдонимом. Словом, прошел все. Лично я считаю его героем, и, надеюсь, что он будет удостоен этого высокого звания, когда откроют все документы. С моей точки зрения, это был истинный спартаковец, коммунист, преданный высокой идее...

* * *

Но пока не успели открыть, если они, конечно, имеются, хотя бы часть документов, которые бы подтвердили, что Мартин Борман был советским разведчиком, как нежданно-негаданно появилось еще одно бойкое жизнеописание нациста № 2 с утверждением о том, что М. Борман был похищен... английской разведкой.

Автор версии, за которую ухватились многие, как за якобы на сей раз окончательно достоверную, английский сценарист Кристофер Крейтон. И хотя английская разведка, судя по предисловию к английскому варианту книги, сама удивлена подвигом бывшего уголовника, но российские издатели ухватились за книгу, как за истину в последней инстанции. Уже портрет автора украшает книгу «Великие тайны спецслужб» (М. 2000) с подписью «Английский разведчик Джон Девис». Правда, сами спецслужбы Англии об этом не знают...

АНГЛИЙСКИЙ ВАРИАНТ ЗАГАДКИ БОРМАМА

Не будь «Загадка Бормана» так топорно написана, возможно, вариант нашел бы поклонников и среди серьезных исследователей, потому что вопрос пока не закрыт, и книги Льва Безыменского проблеме не подмога.

Но российское телевидение из-за многих своих проблем в то время, когда был жив Тартаковский, потеряло интерес к личности Мартина Бормана. После двух-трех передач от этой темы отказалось и радио «Свобода». Но вот снова на первом канале вылетала о Бормане «шимановская утка» о наци № 2.

А тем временем жизнь внесла свои печальные коррективы. Борис Павлович Тартаковский умер в апреле 2000 года. За две недели до его смерти по моей просьбе кинооператор Дмитрий Смирнов успел снять любительский фильм о писателе, который по-прежнему с большой долей уверенности говорил о Бормане как о советском разведчике, ссылаясь на маршала Еременко.

Судьба сценариста Кристофера Крейтона, лихого, но, по-моему, неумного выдумщика мне неизвестна.

Впрочем, у нас есть книги писателей. Так что будет любопытно рассмотреть еще и это — третье описание побега Мартина Бормана. На сей раз бегство в совершенно ином направлении — в Англию.

Русское издание — Кристофер Крейтон «Загадка Бормана» (Смоленск, «Русич», 1997, серия «Тирания», 380 стр., тираж 11000 экз.). В отличие от проливного дамского детективного чтения эта забавная книжка способна принести больше вреда, чем пользы, если ее читать без критического осмысления.

О Кристофере Крейтоне и его книге на радио и телевидении заговорили задолго до перевода его выдумок на русский язык. Так что вначале книга попала мне на итальянском языке. Кристофер Крейтон «Спасите Бормана» (Cristopher Orelton «Salvate Bormann», Rizzolli, Milano, agosto 1996, тираж не указан).

Выборочный перевод из дешевого итальянского издания с самого начала показался набором разудалых охотничьих баек. Но почему-то подсознательно возникла и мысль и о том, что такая книга не могла появиться случайно.

Выходило из тех выборочных баек, что в конце войны по приказу Черчилля английская разведка МИ-6 помогла фашистскому главарю избежать возмездия и, спасая его, укрыла Бормана в Англии.

Намеки Крейтона о том, что все награбленное фашистами через украденного Бормана перекочевало на туманный Альбион и досталось англичанам, бросает тень на поведение союзников по коалиции. А уж об этом кембриджская пятерка донесла бы куда следует. Если судить по их книгам, друзья не оставили ни одной не украденной тайны на своей исторической родине.

Чтение русского, более простодушного провинциального издания «Загадки Бормана», рассчитанное на массового читателя, усилило отрицательное впечатление обилием несуразиц. Но больше всего насторожило в книге растерянное предисловие английских издателей (издательство «Саймон и Шустер»), которое ушлые итальянцы благоразумно убрали из своего издания.

Англичане честно предупредили:

Внимание читателя предлагается захватывающее дух повествование об одном из самых загадочных эпизодов Второй Мировой войны. Выпуская эту книгу, издательство «Саймон и Шустер» полагалось в определенной степени на заверения ее автора, Кристофера Крейтона, в подлинности описываемых событий. Однако оно не смогло в ходе независимого расследования добыть подтверждения его версии. Даже, наоборот, документальные данные часто расходятся с тем, что изложено в книге.

Если верить Крейтону, документы исчезли, а взамен них появились фальсифицированные отчеты и рапорты.

Что же правда, а что вымысел в книге Крейтона?

Сомнения английских издателей многого стоят. Особенно их безнадёжное: «Если верить Крейтону...».

Но на чем должна быть основана вера издателей?

Чтение книги «Загадка Бормана» (английское название «Op. IV The Last Sekret of Sekond World War» by Cristopher Creiqqhton) и ее анализ, даже поверхностный, показывает, что это — мистификация, шитая попеременно то белыми, то черными нитками.

МАРШРУТ ТРЕТИЙ, ЛОЖНЫЙ СЛЕД, ОХОТНИЧЬИ БАЙКИ КРЕЙТОНА, РАСКАЗАННЫЕ ИМ САМИМ

По словам автора, британская разведка, вводя в заблуждение немецкие спецслужбы и загадывая на много лет вперед, разработала легенду для мальчишки Джона Девиса чуть ли не с пеленок, следя за его учебой и присвоив ему оперативное имя Кристофера Крейтона.

Обратим внимание на ложную завязку книги. В то время, когда Джон Девис не только числится по документам, но и реально сидел в одном тюремном месте, его двойник Кристофер Крейтон смело действует в другом — в зоне героических свершений. Со страниц «Загадки Бормана» встает шустрый юнец, который...

Впрочем, слово Кристоферу Крейтону (С.23):

Все это время я неукоснительно придерживался роли, определенной мне легендой; я — изменник-отщепенец из высших слоев общества... Я казался сопляком, прожигателем жизни, самовлюбленным эгоистом, не скрывающим своей страсти к деньгам, жестокости, насилию. Эта роль была мне хорошо знакома, потому что я играл ее уже долгих пять лет и глубоко вжился в нее. Я совершал все преступления, на какие только способны люди, и производил впечатление человека, который наслаждается этим.

Обратите внимание. Сопляк и прожигатель жизни (от 15 лет и старше), да еще и «*совершающий все преступления, на какие только способны люди*», живет в некоем вакууме, где для героя книги по-пещерному замерла судебная и правовая система Англии. На все преступления, которые только совершают люди Великобритании, система обращает внимание, но стоит их совершить мальчишке Джону Девису (Кристоферу Крейтону) — полиция закрывает глаза на преступника?

Итак, этот лихой малолетка-преступник, когда подрастет, должен охмурить двух матерых фашистских главварей — фон Риббентропа и Мартина Бормана.

Согласно стр. 32 Джон Девис поступил в Королевский военно-морской колледж в сентябре 1939-го года пятнадцати с половиной лет отроду, в день начала Второй Мировой войны. И тут же на него, как из рога изобилия, посыпались боевые задания. Даже беглый анализ заданий, которые воюющая родина поручает школьнику-агенту в свободное от уроков время, не имеют для Англии никакого конкретного смысла.

Разведка о них документов не оставляет.

В отличие от настоящих участников, знающих чем они занимались на войне, Крейтон вылазки в тыл врага после уроков тоже обезличивает — «задания» (С.35):

На свое первое задание я отправился, когда мне едва исполнилось 16 лет, а в 16 с половиной я уже командовал подразделением, участвуя в рейдах на базу немецких подлодок в Донегале. В этой операции мне пришлось впервые убивать. Я убил четырех немцев, трех — голыми руками.

Едва поступил в колледж, а через полгода (на каникулы?) ушел на первое задание? И о первом убийстве, через запятую и сразу четырех — голыми руками?

Хорошо бы еще узнать и основу подвига: где же научился убийному делу шустрый парнишка Крейтон — искусству убивать голыми руками в 16 лет?

Юмористический ответ — в книге юмориста (С.20):

На память мне пришли канадские индейцы племени ирокезов, у которых я выучился искусству выслеживать, прятаться, бесшумно приближаться к врагу и убивать его без единого выстрела.

Каким образом 16-летний недотепа Девис вдруг во время войны оказался на выучке у племени ирокезов?

Или это было до его поступления в колледж — лет в 13-14? Воспоминаний ирокезов-учителей по этому поводу пока не найдено. Но тут и самим легко сообразить. Это — легкая загадка в книге загадок «Загадка Бормана». Обучение у индейцев племени ирокезов, по нашему мнению, происходило ничуть не дальше, чем могла находиться библиотека его колледжа — по увлекательным книгам Майн Рида или Карла Мея.

Но пока мальчишка всюю совершает подвиги («задания»), голыми руками убивая по четвере немца за одну незначительную и не отмеченную британской разведкой вылазку. МИ-6 о нем не оставила ни одного документа, но придумала биографию такую (С. 203):

...Старший матрос Джон Девис, недавно комиссован с флота по состоянию здоровья после пребывания в тюрьме, которое было организовано Мортонем. Его фиктивные прегрешения — самовольная отлучка, ношение незаслуженных наград, общая недисциплинированность. А посему молодой предатель был бесславно изгнан с действительной службы. Тем не менее Джон Девис будет продолжать свою деятельность двойного агента. Я подумал, кому же это так не повезло. Неужели какому-то бедняге из отдела «М» приказано было вместо меня отбывать срок в плавучей тюрьме.

У литературы есть одна неистребимая особенность: даже при переводе с языка на язык слова, как бы ими не манипулировали, неизбежно выдают пишущего. Выходит, Джона Девиса до школы отправили на выучку к

прокезам в Канаду, а со школьной скамьи взяли в старшие матросы, минуя низшие должности?

Трудно представить такую подставу английской разведки: посадить точно такого же подростка, но дать ему фамилию Джона Девиса?

Проще говоря, следы пребывания Джона Девиса легко найти в архивах плавучей тюрьмы, а в архивах разведки, разумеется, следов Девиса нет и не было. Но нет там и следов Девиса-Крейтона, потому что не какой-то бедняга, которому приказали сидеть в тюрьме вместо Крейтона, а сам Девис-Крейтон и сидел.

Дойдя в книге до этого места, я подумал, что, по-видимому, уже знаю, какому бедняге так не повезло.

Чем дальше вчитываешься в книжку «Загадка Бормана», тем тверже догадка превращалась в уверенность.

Я знаю имя настоящего узника плавучей тюрьмы!

ЕСЛИ ВЕРИТЬ КРЕЙТОНУ

Дочитав книгу до конца, я для уже совершенно точно мог назвать по имени беднягу, которому во время войны, когда молодежь его возраста мечтала о подвигах, пришлось отбывать наказание в плавучей тюрьме, но не вместо Дэвиса, а сидеть... за самого себя.

Обратим внимание на одно исповедальное признание в книге, которое и вам многое объяснит (С. 36):

...Специальное подразделение отдела «М» принялось за фальсификацию личного дела Джона Дэвиса, очерняя его имя различными фиктивными правонарушениями с 1940 года. Но этим не ограничились. Наши специалисты сочинили рапорты из Эмфлота, из которых явствовало, что, будучи пятнадцатилетним юнцом, я уже стал ярым приверженцем британских фашистов Освальда Мосли и высказывал прогерманские, пораженческие суждения.

Для того, кто хотя бы в общих чертах представляет события тех лет, это все складывается в примерно та-

кую картину. Если знать, что Уинстон Черчилль по закону 186 на время войны упрятал за решетку английского фашиста Освальда Мосли и всех его последователей, то понятна и судьба школьника Джона Дэвиса. С небольшим различием: если главарь Мосли сидел в тюрьме на острове Мэн, то сошка помельче Крейтон-Дэвис сидел в плавучей тюрьме. Сам за себя сидел.

И только полвека спустя решил приписать себя к британской разведке, понапридумав никем не отмеченные подвиги. Так что меня, в отличие от Крейтона Крейтона, не удивили признания его недоброжелательницы — злой на язык его мачехи, которая отлично поработала на британскую разведку (С. 351):

...отец и мачеха оставались в полном неведении, однако послевоенные события доказали, что такая тактика была вполне обоснованной. Англичане, работавшие на КГБ, SSS (чешскую разведку) и ОДЕССА (тайную организацию бывших эсэсовцев), копались в моем прошлом, но каждый раз слова моей мачехи, поносившей меня последними словами, убеждали этих людей, что я не гожусь на роль тайного агента: британские службы не пользуются услугами психопатов-предателей с уголовным прошлым.

Уголовное прошлое — точное определение. Это та путеводная нить Ариадны, которая (имеется ввиду нить) легко выводит на чистую воду неумелые попытки Кристофера Крейтона героизировать свое прошлое.

На помощь при анализе приходит классика. В романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» коллеги обращают внимание следователя Порфирия Петровича на странное поведение Раскольникова (преступника), который постоянно и неудержимо врет.

На что опытный следователь невозмутимо отвечал, что пускай врет — врет как можно больше: ложь — она-то к правде и ведет. Поэтому, читая «Загадку Бормана» Кристофера Крейтона, нужно держать наготове каран-

даш и многое подчеркивать. От страницы к странице это занятие все интересней и занимательней.

Лихо привирая, Крейтон сам приводит нас к таким выводам: агентам КГБ не надо было рисковать и зачем-то терзать неумными расспросами его мачеху, точно знавшую: пасынок сидел в плавучей тюрьме. Кстати, как это могло выглядеть в жизни?

Вот подходит к мачехе Крейтона человек в черном плаще и надвинутой на глаза шляпе, показав отворот плаща, заявляет, что он — агент КГБ, SSS или ОДЕССА и просит мачеху охарактеризовать пасынка?

ЕСЛИ УЖ ОЧЕНЬ ВЕРИТЬ КРЕЙТОНУ

И каждый раз мачеха перед надоевшими агентами КГБ, SSS и ОДЕССА выступает в привычной роли, в роли *«поносившей меня последними словами, убеждали этих людей, что я не гожусь на роль тайного агента»*.

Здесь неясен интерес чешской разведки к Кристоферу Крейтону. А все, что могло заинтересовать агентов КГБ, они спокойно могли узнать от своего настоящего, а не липового агента. Ведь под началом капитан-лейтенанта Крейтона служил, как видно из книги, ни больше ни меньше как известный советский агент в чине майора (!) Энтони Блант (С. 286-289):

В 1936 году, будучи студентом Тринити-колледжа, Блант вступил в тайное общество «Апостолы», члены которого придерживались марксистских убеждений. Тогда же он вступил в компартию и до сих пор состоял в ней.

Блант — один из агентов «кембриджской пятерки», тоже якобы проходил подготовку для участия в операции. Уж он-то должен был оставить в своих рапортах местечко для начальника Крейтона, под началом которого он, старший по званию, якобы служил. Но и здесь ждет нас неудача: отшибло память у товарища Бланта.

Но таких следов не обнаружено. Как бы там ни было, но, согласно этой смешной книжке, Энтони Блант выдал сверхсекретный план операции Крейтона. Выдал, ясное дело, спецслужбам Советского Союза. Так что русский след у английского агента имеется. На основе данных Бланта советские войска попыталась (против Крейтона, безуспешно, конечно) помахать мальчишке м его команде (С. 280):

...за чтением каких документов застукали Бланта, когда он тайком пробрался в канцелярию? Кемп сказала: «Планы, диаграммы и пояснения, касающиеся берлинских водных магистралей, по которым должна следовать группа, забравшая Бормана»... Что предпринять?

Сочинять дальше, посоветуем мы, но не так топорно. Блант, старший по званию, готовится рядовым подручным быть у Крейтона, а от него скрывают детали операции? О том, что Блант коммунист откуда знает Крейтон? Хотя парнишка из тех проныр, от которых ни один секрет несчастной (теперь советской) разведке скрыть не удастся.

Если эти события можно проверить по воспоминаниям Энтони Бланта, то при чем здесь склочный и вздорный характер его мачехи и растерянного отца, если КГБ от Энтони Бланта давным-давно, еще со времен войны знает о парнишке Крейтоне всю подноготную?

И бывши ээсовцам из ОДЕССА не стоило досажать мачехе, потому что Кристофер Крейтон побывал в руках СС и гестапо. А двух ээсовцев его подружка даже ранила в правые руки. Каких еще доказательств ищут у мачехи эти недобитые ээсовцы?

Хочешь не хочешь, а язвительный язык мачехи — это именно то вранье, которое подтверждает довод о том, что невезучий бедняга из плавучей тюрьмы, который сидит там под именем Джон Девис, на самом деле и есть Джон Девис, который под именем Кристофер Крейтонна позже сочинил книжку «Загадка Бормана».

Английским издателям, снабдившим предисловие книги на английском языке о Мартине Бормане брезгливо-кислым «Если верить Крейтону», нужны были поиски в архивах не разведки, а плавучей тюрьмы.

На мой взгляд, который все укреплялся и укреплялся по мере продвижения текста комической книги к ее комическому концу, уголовное прошлое Крейтона — вот разгадка книги «Загадка Бормана». Потому что каждый эпизод в книге несет в себе уголовный привкус, который не вытравить даже двойным переводом: с английского на итальянский, с итальянского — на русский.

Иначе откуда бы этот, скажем прямо, специфический опыт, который никаким иным способом и нигде не приобретешь, но которым герой книжки с гордостью делится с простоватым товарищем Яном Флемингом (С.199):

Флеминг забеспокоился. Ему не доводилось бывать взаперти, тем более, в логове врага. Меня же это не особенно угнетало. Я не раз сидел в камерах, в наручниках и кандалах, избитый до полусмерти.

Бахвальство о преступлениях, которые только совершают люди, вряд ли случайно. Откройте уголовный кодекс любой страны и прикиньте, что нужно понатворить и не раз, чтобы преступника держали в наручниках и кандалах? И еще: а почему самого Крейтона бьют до полусмерти, а не того беднягу, который под его именем и вместо него сидел в тюрьме?

Из забавной книги видно даже в какой момент Крейтону пришла мысль смастрить сценарий о Бормане и решение создать легенду о геройстве по чисто киношной доставке украденного Бормана в Англию (С. 344):

В 50-е и 60-е годы Бормана упорно продолжали разыскивать по всему миру. Время от времени интерес к этим поискам вспыхивал с новой силой. Это случалось всякий раз, когда сообщал, что его видели в том или ином месте. В своей книге «Убийцы среди нас», опубли-

кованной в 1967 году, известный охотник за нацистами Симон Визенталь пишет:

«Первый заместитель Гитлера вызвал к жизни больше слухов, легенд, полемики, чем какой-нибудь другой нацистский воротила...»

Когда в 1972-м году франкфуртский апелляционный суд официально прекратил поиски Бормана, Джон Девис и решил отличиться своей книгой о Бормане, построив ее на домыслах, не поддающихся проверке.

Можно бы посмеяться над байками, призванными отвлечь внимание от книги Тартаковского «Мартин Борман — агент советской разведки», но, судя по ажиотажу вокруг «Загадки Бормана» серьезными исследователями, байки восприняты всерьез без доказательств, хотя там одна нелепость громоздится на другую.

Прихвастнуть малолетке простительно. И тюремные сроки из-за малолетства, возможно, были не на полную катушку. Но вот придумать подвиг — похищение Бормана — дело, с которым автор не справился.

Подготовка операции и ее детали — все выглядит, словно из вторых рук. Поэтому поделка Крейтона нафарширована реальными персонажами истории, но в таких комиченских ситуациях, что не верится в операцию, которую мог осуществить описанный в этой забавной книге забавный герой.

Особенно смешна вера Великобритании в то, что победа над Германией, напрямую связана с действиями Крейтона, которого командование бросало на прорыв буквально по всем опереточным фронтам (С. 125):

В прежних сольных операциях в Германии, Франции, Алжире, Голландской Ист-Индии и в других местах я справлялся с заданиями, но тогда я выполнял тщательно разработанные приказы. Те операции почти не требовали опыта ведения переговоров, дипломатии, интриг.

Сольные операции — это когда парнишка Крейтон, как Джемс Бонд, уходил на задания в одиночку, убивая

голыми руками по четыре человека за раз. И такой географический разброс от Германии до Голландской Ист-Индии говорит о том, что школьных каникул было бы маловато, так что приходилось иногда, видимо, прогуливать уроки в колледже.

И уж как в этих странах исполнял уроки сольфеджио и солировал не знающий ни одного иностранного языка школьник — одной британской разведке известно. Но, к сожалению, она даже для себя документов о том не оставила. Кто разрабатывал те планы, которые Крейтону оставалось только выполнять, тоже загадка. Британские издатели о том следов нигде не нашли.

Помня не об исторической правде, а прежде всего о коммерческом успехе выпускаемой книги, итальянцы убийственное предисловие англичан убрали, максимально выстригли английскую развесистую клюкву общения Крейтона с Яном Флемингом, но для правдоподобия приложили карту Берлина во время войны.

Русская версия «Загадки Бормана» пестрит фотографиями... самого Крейтона во младенчестве и его известного отца. Загадочная серия фотографий. Вот Кристофер маленький, вот его отец на Олимпиаде 1920-го года. Сценарист Крейтон на съемках фильма по его сценарию «Убийство в три часа ночи», в минуту отдыха за любимым роялем, во время съемок фильма «Правосудие».

А вот как браво выглядел Кристофер Крейтон сорок лет назад — в 1957-м году и т.п.

Не обошлась «Загадка Бормана» и без трех фотографий наци № 2. Но это так — приложение к биографии Крейтона. Есть снимки одного из двойников Бормана, которых, как уверяет автор, в Англии изготавливали каждые пять лет — нового. Износился один Борман — заменяли другим. Изготовители Борманов на потоке — английские хирурги тоже могли бы кое-что порассказать, но почему-то молчат. Как будто хирургическое изготовление Борманов настолько обычное дело, что и упоминать о нем не следует.

Мотивы изготовления двойников Бормана известны британской разведке, по крайней мере тому ее неведомому крылу, в котором воспитали такого героя как Кристофер Крейтон. Правда, непонятно: какую цель разведка при этом преследует, но такие тонкости — вне пределов этой комической книги.

Создается впечатление, что сценарист и режиссер Крейтон подбирал актера на роль наци № 2. Ушлые издатели-итальянцы, понятное дело, ничего этого печатать не стали. И, как мы увидим дальше, не зря.

Обилие фотографий Корейтона и его отца, политических деятелей тех лет призваны обилием изобразительного материала приглушить тот факт, что в природе не существует ни единой фотографии Крейтона в военной форме. Понятно, что в пловучей тюрьме узников не фотографировали в военных мундирах и с наградами.

Но самое удивительно то, что национальный герой войны, доставивший в Англию вместе со 178 бойцами нациста № 2, не сохранил о том ни одного документа, ни одной даже малюсенькой награды, как нет о том упоминаний и у его якобы начальников, посылавших героя на подвиг, который войдет в века.

Нет о том упоминаний и в архивах разведки Англии.

Но зато по всей книге рассыпаны туманные намеки на некие «задания» юного агента, ни одно из которых не подтверждено документально и точно подпадает под определение самих англичан «Если верить Крейтону...»

Но текст книги говорит о том, что ни Крейтону, ни Девису, оказывается, верить нельзя. И вот почему.

Начните с главной пружины сюжета с ее неотвратимой завязки — шапочного знакомства мальчишки с представителем Германии фон Рибентропом. Загадывая далеко вперед, английская разведка свои долгосрочные планы связывает с неумным шкодливым парнишкой, которого она, английская разведка, зачем-то засаживает ни много, ни мало в пловучую тюрьму, где он сидит под своим именем.

Издателям эта байка будет преподнесена так. Некий бедняга, которому английская разведка присвоила имя Дениса Девиса, сидит в тюрьме. А настоящий Денис Девис, под именем Кристофера Крейтона ходит на задания, убивает по четыре противника за один замах, узнает тайны противника, путает ему карты и т.п.

Но разведка терпеливо ждет его взросления и для более главного подвига — похищение Бормана. Усилим недоумение английских издателей —

ЕСЛИ УЖ ОЧЕНЬ СЛЕПО ДОВЕРЯТЬ КРЕЙТОНУ

Сюжетная пружина книжки необъяснима. О ней скажем особо. Джон Девис (Кристофер Крейтон) с 12-ти лет знаком, а по книге прямо-таки в панибратских отношениях с бывшим послом Германии в Великобританию фон Риббентропом. Все, кто знал Риббентропа на этом посту, отмечают, что англичан он не переваривал и презирал, вел себя высокомерно, непреступно и нагло.

По прибытии в Лондон Риббентроп заявил, что он отныне он намерен здесь пропагандировать идеалы национал-социализма. Англичане вежливо улыбнулись нафталиновой шутке строителя социализма. Задолго до него Красин, такой же строитель социализма, но интернационального, прибыв к Париж, потешал дипломатический корпус шутками о социализме с человеческим лицом, привезенным большевиками во Францию.

Дипломат из партийных высочек, фон Риббентроп — неизменный парсонаж шуток насмешников-англичан, придумавших ему собидный набор кличек. самые безобидные из них «Риббенсноб» и «фон Брик энд Дроп». Пауль Шмидт, личный переводчик Гитлера и чиновник ведомства фон Риббетропа пишет об отношении своего начальника к англичанам — служебным и личным в книге «Переводчик Гитлера» (Смоленск, 2001. С. 112):

Уже давно между Кейтелем и Риббетропом существовала сильная атипатия существовала сильная анти-

патия, и это, естественно, способствовало раздражению Риббентропа против Гендерсона. Кроме того, Риббентроп вообще недолюбливал англичан с того времени, как был послом в Лондоне, где на раз получал отпор в ответ на свое наглое поведение. Теперь он срывал злость на Гендерсона, который был утонченным англичанином старой школы и порой терялся, сталкиваясь с грубостью нашего министра иностранных дел.

Стал бы такой высокомерный человек прилушиться к английскому хулигану-мальчишке? Если их, конечно, не объединяли отношения, которые объединяют парня невысокой морали и любителя острых ощущений немецкого педофила, которому разведка подставила шустрого паренька. Намек на это есть в дальнейшем рассказе Кристофера Крейтона, к которому мы еще дойдем. Пока же исследуем то, что лежит на поверхности.

Была и еще причина, по которой фон Риббентроп имел все основания не то, чтобы ненавидеть англичан, но, скажем так, не пылать к ним особой любовью. При процедуре подписании унижительного мирного договора в 1919-м году странами Антанты, который огромными репарациями подорвал экономику Германии, фон Риббентроп состоял адъютантом при генерале Секте, подписавшим договор со стороны проигравшей.

Честолюбивый молодой офицер чашу унижение для немецкого рейхсвера испил до дна. Конечно, это не повод, чтобы не встречаться с английским негодяем, вступающим в активную половую зрелость и дущего сонительных знакомств, но все же на какие-то размышления это наводит. В своем дневнике Ульрик фон Хессель писал, что Риббентроп ведет себя как душевнобольной, на службе его не переносят, друзей у него нет.

Но из книжки Кристофера Крейтона мы неожиданно узнаем, что у Риббентропа был-таки дружок — 12-летний негодяй и невыносимый хулиган, которого высокопарный немец пригласил единожды или дважды на

футбол. Не будь этой совершенно хлипкой цепочки знакомства, ни один дурак в Англии не доверил бы похищение нациста № 2 парнишке.

И еще: откуда у разведки уверенность в том, что фон Риббентроп, вспомнив мальчишку, которого он однажды сводил в зоопарк и однажды был с ним на футболе (так в книге), увидев паренька (по легенде — негодяя из енгодяев), тут же воспылает к нему настолько, что выводит всен секреты Третьего Рейха?

Откуда вообще английская разведка знает о парнишке Девисе, жаждущим совершать подвиги, добропорядочного внутри, но играющим в хулигана?

Проверим звенья этой хилой цепочки сюжета на ее логическую прочность. Поскольку иного источника, кроме книги «Загадка Бормана» у нас нет, то эту загадку знакомства фон Риббентропа с пацаном мы по книге и проверим. Дружбу семьями опровергает... собственный папаша Крейтона (С. 351):

Мой отец яростно отрицал знакомство с фон Риббентропом.

Но если отец Крейтона из патриотических, допустим, или каких-то иных чувств, отрицает связь фон Риббентропа с его сыном, словно отец стыдится их непонятной связи, не понимая, что могло связывает сына-школьника с пожилым нацистом, то на что надеяться английской разведке?

Появляется еще одна завязка: начальник Британской разведки лорд Маунтбеттен, выясняется, не кто иной как друг отца Кретона. В книге, как и многое, это доказано совершенно оригинальным способом. Не привлекаются ни документы, ни воспоминания — ничего подобного нет и в помине. А просто берется из старого журнала фотография нужного человека в форме рядом с женщиной. Под нее придумывается подпись:

Старый друг моего отца Дики Маунтбеттен со своей женой Эдвиной, 1941 год.

В книге вполне мог быть снимок и короля Великобритании с такой же подписью. А раз напечатан снимок, то это и есть бесспорное доказательство их дружбы. О короле Великобритании Крейтон пишет (С. 215):

...между нами установились добрые, дружественные отношения.

Жаль, что Его Величество король Великобритании не оставил записок о добрых доверительных отношениях с мальчишкой Джоном Девисом — Крейтоном. Любые отношения, а уж добрые и доверительные особенно могут сложиться только при благоприятных частых встречах, в которых обсуждаются какие-то общие дела.

А теперь подумайте, какие общие дела могли бы связывать короля Великобритании и закованного в кандалы парнишку из пловучей тюрьмы?

Но кое-что в книге соответствует анекдотической действительности: «Профессор, а правда, что вы бьете свою жену?» «Нет, не правда. Я не профессор». Так и в этой удивительно книге. Снимок начальника британской разведки с женой в природе существует, а раз есть в природе такой снимок, то он и означает, что это снимок друга и начальник Крейтона-разведчика. А что нет ни одного снимка самого Крейтона в военной форме, то уж, извините, чего нет в природе того нет.

Книга — пример того, как из маленьких правд сочинитель попытался соорудить одну большую ложь. Сценарист помнил, что его отец действительно учился в колледже с будущим начальником разведки. Из этого факта фантазия извлекла выгоду: учился-то отцу, а лавры Джеймса Бонда начальник приберег для его сына — стал выращивать супер-агента из отпрыска своего школьного приятеля.

Не школьного друга, как уверяет Крейтон, а приятеля и то, по-видимому, не первого ряда, потому что самое сокровенное начальник разведки от него тщатель-

но скрывает. В «Загадке Бормана» школьник — отпетый негодяй. Забрав сына приятеля в разведку со школьной скамьи, подсунув пацана фон Риббентропу, начальник создает ему славу предателя и подонка. Но рыцарь английского плаща и английского кинжала забывает (такую роль навязал ему автор книги) оповестить школьного товарища, что разведка делает ставку на отбросы общества. А создаваемый его сыном образ мерзавца — всего лишь маска серьезного разведчика (С. 351):

Маунтбеттена огорчало, что мой отец не знает обо мне всей правды. Когда мой отец обратился к нему с просьбой о налаживании моей карьеры, лорд Луи ответил в письме, что, увы, такому безнадежному испорченномк человеку он помочь не в силах.

Итак, кому прикажете верить?

Отец Девиса-Крейтона знает, что его сын сидит в плавучей тюрьме, как английский фашист и сторонник фюрера Великобратинии Освадьда Мосли. Старик, вспомнив, что у него есть в высших кругах знакомый, с которым он учился в колледже, пишет ему с просьбой помочь вызволить парнишку из тюрьмы. Иначе о налаживании какой карьеры он может попросить за сына своего школьного товарища?

Поскольку персона на должности начальника разведки в Великобритании засекречена, то вряд ли отец Девиса догадывается, что он пишет начальнику разведки. Приятель, и рад бы помочь соученику по колледжу, но, ознакомившись с делом Девиса-Крейтона, решает, что тому лучше в военное время быть изолированным.

Есть подлинное письмо отцу трепача от приятеля по колледжу, а не от начальника разведки о безнадежно испорченном Крейтоне. Но есть и басни Крейтоне об особой секретности, из-за котороц английскяя разведка водит за нос его отца. Негодяи из МИ-6 добились своего: старик-отец вместо того, чтобы гордиться сыном-героем, совершавшим подвиги по их же приказом

так и умер с мыслью о паршивой овце в своем стаде, обманутый и сыном и школьным приятелем.

Нет! Каковы подлецы в английской разведке!

Ни слова отцу героя, который считал себя отцом уголовника сидящего в пловучей тюрьме. Отец-то горемыка, обливаясь слезами писал сыну в пловучую тюрьму, за которого там сидел какой-то простофиля в кандалах.

Но и сидевшему в тюрьме простаку лишние душевные муки. Мало того, что его посадили за какого-то Девиса-Крейтона, но надо было еще почерком этого прохиндея отвечать отцу на его слезные письма. И не просто отвечать отписками, а точным почерком его сына. Когда тот, как ни чем не бывало, в это время Мартина Бормана похищал в воюющей Германии, руководя отрядом в 178 боевых единиц с 28 управляющими.

Можно бы дальше и не копать в прошлом Кристофера Крейтона, если бы оно само, несмотря на бушующую вокруг войну, на страницах книги не выползло неожиданно наружу.

Поскольку, как я понимаю, сценарист Кристофер Крейтон намерен развесистой клюквой с лихвой возместить годы безвестности, то тут-то и нужно проверить доступными нам способами, не выходя за рамки книги, насколько убедительно разработан план похищения в книге «Загадка Бормана?»

Да и охранникам плавучей тюрьмы пора наконец узнать, что они не Девиса-Крейтона охраняли, заковыкая в кандалы, а подставное лицо, которому сделали пластическую операцию, чтобы подставной бедняга окончательно напоминал им Кристофера Крейтона.

В этом месте не удержаться от смеха и забавного вопроса: а чту если подставной бедняга из тюрьмы, сидевший вместо Крейтона, которого донимал письмами чужой несчастный отец, и которому надо было отвечать почерком его сына и сам вдруг воспоминания напишет?

То-то смеху будет после воспоминаний бедняги.

КАК КРИСТОФЕР КРЕЙТОН САМОГО АРМИРАЛА КАНАРИСА ВОКРУГ ПАЛЬЦА ОБВЕЛ

Зная на каком шапке фундаменте домьслов выстроен сомнительный боевик и главный подвиг, проследим внутреннее развитие охотничьих баек о том, как хулиганистый парнишка со странной дружбой со взрослым фон Риббентропом, а по книге — малолетний преступник — оказался на короткой ноге с главами трех разведок воюющих стран.

В этом балаганном параде разведок всех втянутых в войну стран, которым дает оценки и постоянно испытывает на прочность Крейтон, особенно убого, как выясняется, выглядит хваленный абвер Третьего Рейха вор главе с адмиралом Канарисом. И, похоже, если верить Крейтону, что у фашистов все руководители такие же.

По книжке сначала парнишка навешал лапши на уши фельдмаршалу Роммелю, отчаянному вояке. Но вот как пацану удалось обмануть еще двух неглупых олухов, слепо поверивших, что маленький негодяй знает воюющих стран стран воюющих стран. (С. 45):

Однако Гитлер и его главнокомандующий Западным фронтом, фельдмаршал фон Рундштенд, потребовали дополнительных доказательств, что части, перечисленные мною, находятся в местах сосредоточения, которые я указал. Парнишка им и ворох чудных дополнительных доказательств привел: пользуйтесь, родимые, жалко, что ли доказательств, чтобы олухи ему поверили. Жалко, что ли выдуманых. Этих не хватит — новых насочиним.

Но как на такую дешевку попался старый интриган Канарис, который очень сплюховал, столкувшись с парнишкой. Старикан почему-то поверил в легенду о том, что хулиганистый столронник Мосли у кого-то в Анг-

лии разузнал все ее военные секреты, сломано он, Кристофер возглавлял кембриджскую пятерку.

Поддавшись чарам, Старый Лис отпускает мальчонку и заставляет взять чемодан денег, поверив его вранью о десанте. Какие сведения — фальшивые, такие и деньги за них — фальшивые. Но чемодан — настоящий. Правда, и его Кристофер не сохранил, выбросив с деньгами, чтобы ничто не напоминало о фашистах.

Но зато во второй раз Канарис устраивает ему театральную проверку с садистским пристрастием (С. 45):

Около 3 часов ночи появился Канарис и сказал мне, что если до 6.00 рейд не начнется, мне конец. Эсэсоцы накинута на мою шею петлю из рояльной проволоки, закрепили ее в блоке, стоящем неподалеку от макушки утеса. Легкого толчка было достаточно, чтобы я полетел в пропасть.

Немцы с их хваленой пунктуальностью даже подчеркнули, чтобы рейд начался в 6.00. На дай Бог, рейд бы начался в 6.07. Тогда бы легкого толчка было достаточно, прекратилось вранье. Но так и Черчилль не льком шит. Чтобы поддержать своего английского Штирлица, который чуть его самого не уколошил, строго-настрого приказал, чтобы высадка нужного десанта в нужном месте произошла ни в коем случае не в 6.03, а именно в 6.00. Иначе легкого толчка будет достаточно, чтобы никогда не появилась книга «Загадка Бормана»?

Итак, придавая правдивую правдивость бойким бафкам парнишки Крейтона, англичане, по приказу Черчилля именно в 6.00 и начали высадку, чтобы не было легкого толчка, после которого национального героя Англии не стало.

А, главное, в том наступлении нельзя было бы опоздать ни на минуту, чтобы Кристофер успел полюбоваться на ту батальную сцену, которую лучше переписать дословно, поскольку этот памятный бой, по сути пол-

нейший разгром канадцев, произошел в единственном месте — на страницах книги «Тайна Бормана» (С.):

С этой высоты я наблюдал за ходом бойни, которая вскоре вспыхнула. На моих глазах были подбиты и вспыхнули, как свечи, все канадские танки, которые выползли на пляжи из трюмов десантных судов. Непроизвольно я начал считать убитых. Под скалой, на которой я стоял, их было не меньше трехсот. У тридцати были разворочены животы.

Гордо стоящий с рольной петлей на шее Кристофер с высоты скалы, как Прометей, следил за разгромом братьев по оружию. Но его репортаж подозрителен именно своей скрупулезностью: не менее 300 убитых. Из них 37 с рапоротыми животами. Иных увечий репортер не обнаружил в бою: или труп, или — с развороченным животом. Бой с какими же невидимками?

Ни одного немца-солдата на поле боя!

Кто же те потрошители, которые вспарывали животы ватным канадским недотепам? Или это было массовое харакири десанта? Но нельзя удержаться и от смеха, когда читаешь, что *«подбиты и вспыхнули, как свечи, все канадские танки, которые выползли из трюмов десантных судов»*.

Да сколько же их, вспыхнувших сами по себе танков? Из скольких трюмов они выползли?

Если братья за фильм, то потребуется конкретика: сколько судов? Сколько танков? Какими свечками и от чего они вспыхивают? Выходит, трупы подсчитал с высоты скалы, а танки не разглядел? 37 горемык с рапоротыми животами — перед тобой, как на ладони. А танки разве углядишь? Про триста трупов обязательно запомним, потому что такое полюбившееся автору число убитых мы еще встретим на страницах этой удивительно книги. Именно такое число поверженных врагов (300 эсэсовцев) Кристофер Крейтон и его виртуальная команда уложат под Берлином, вспоров им животы.

Но к тем, таким же юморным страницам мы еще доберемся. Попутно заметим, что рояльная петля на шее отважного героя — это не просто придуманный эсэсовцами из чьего-то раскуроченного рояля. Именно таким способом, по-видимому, ставшим известным Кристоферу после войны, в отместку за провалы с Кристофером Крейтоном повесили человеколюбцы из СС главу авбера адмирала Канариса в 1945-м году.

Если верить Кристоферу Крейтону, англичане, напевая о том, что им нужна победа — одна на всех мы за ценой не постоим, за ценой не постояли, подставляя пачками союзников с их вспыхнувшими, как свечки, танками и вспоротыми животами, чтобы их невероятный герой выглядел бравым молодцом в глазах Гитлера.

* * *

Хотя нас никто и не уполномочивал, но вступимся за британскую разведку на основе другой английской книги, другого разведчика, которого Крисфор Крейтон тоже небрежно причислил к своим друзьям.

Речь идет о книге капитан-лейтенанта Ивэна Монтегю «Человек, которого не было» об операции «Минсмит». Обычно это переводится как «начинка». У Крейтона операция названа «Мясной фарш». И эту операцию выдумщик подает так, чтобы у читателя сложилось впечатление, словно готовили операцию его приятели.

Во время войны англичане задумали операцию по дезинформации противника. В отличие от Крейтона с его придуманными ужасами и пытками в гестапо, участники операции отыскивали в Англии умершего от воспаления легких человека. Именно такая смерть могла создать иллюзию, что человек утонул.

Труп одели в офицерскую форму, снабдили подлинными документами английского офицера, в карман вложили несколько писем — от восторженной невесты, разъяренного отца, счета за гостиницу, использован-

ными билетами в кино. Но главной документальной приманка для немецких контрразведчиков было просроченно удостоверение офицера. И оно-то — просроченное удостоверение! — для немцев оказалось более убедительным, чем если бы документ был в порядке.

В немецкой контрразведке понимали, что во время войны продление служебных удостоверений — не самое первое о чем думает боевой офицер, которому через неделю отправляться в район боевых действий.

Наряду с документами капитан-лейтенанту были подложены личные письма командующих армиями. Но такие личные письма, которые содержали тяжеловесные, в духе тевтонов, шутки вроде той, что скоро у них появится возможность отведать настоящих сардин.

Снабженного дезинформацией погибшего на подводной лодке доставили в Средиземное море неподалеку от испанского городка Уэльва. На надувной лодке оставили в водах, чтобы его прибило к берегу. Почему там?

В городке действовал активный немецкий агент, на которого был и рассчитан ворох дезинформации.

Операция чуть-было не сорвалась из-за местного священника, который распорядился никому не отдавать найденные у погибшего офицера документы, а дожидаться официальных английских представителей. К счастью, немецкому агенту удалось вскрыть часть документов и заполучить шутку о сардинах.

Блестяще проведенную операцию, подкрепленную еще тем, что на похороны подставного офицера прибыл командующий войсками, немцы не разгадали. Командующий — загримированный актер, но немецкому агенту, из толпы наблюдавшему за похоронами офицера на местном кладбище, вряд ли это могло прийти в голову.

На основании его донесений Гитлер принял решение перебросить значительную часть войск с Сицилии, на которой началась высадка союзных войск на Сардинию, где они ждали конца войны.

Операция «Минсмит» спасла жизни десятки тысячам солдат и офицеров. Когда знаешь о проведении подобных операций английской разведкой, трудно поверить в расскази Крейтона о гибели четырех тысяч солдат в 6.00 вместе со вспыхнувшими, как свечи, неопределенное количество танков, только для того, чтобы байки Крейтона приобрели вес у Гитлера.

По-видимому, название книги И. Монтегю «Человек, которого не было», навело и Кристофера Крейтона мысль создать и сови́й бестселлер о по подвиге с похищением Мартина Бормана, которого (подвига) не было.

КРИСТОФЕР КРЕЙТОН ВТЯГИВАЕТ В ОРБИТУ ПОДВИГОВ ГЛАВ ТРХ ВОЮЮЩИХ ДЕРЖАВ

Если бы кто вздумал по этой книге кинфильм снять про ту войну, которую вел лично Кристофер Крейтон, то нужно непременно приглашать комиков, как и для «Мистера Питкина в тылу врага».

Вот пригорюнился Гитлер и горькую думу думает. И уже не дальнюю думу — о построении социализма в одной немецкой стране, а потом и немецкого коммунизма, как он еще недавно в программе наметил, а думу ближних дней — выживания в войне, которую он со Сталиным затеял, а теперь Сталин у него во врагах.

Так что дума у фюрера о надежном человеке, который все-все планы врага знает наперечет.

А тут — слухи по всем фронтам о школьнике-агенте — негодяи, каких поискать. Но негодьям-то в Англии и доступны самые секретные секреты и важнейшие совместные замыслы союзников. Гитлер от волнения даже свой вегетарианский аппетит потерял: подать мне сюда этого Крейтона, говорит, и баста!

А приказы Гитлера тогда очень быстро выполнялись. Чтобы встретиться с дорогим Кристофером — источ-

ником неиссякаемой разведывательной информации фюрер одним своим криком (документов, ясное дело, не сохранилось) привел в движение сложнейший механизм доставки парнишки пред водяные глаза фюрера.

В забавной книге механизм, включенный Гитлером, заработал так (С. 45):

В октябре 1942 года, получив очередное задание, я встретился с агентам авбера в Лиссабоне. Оттуда меня на самолете доставили в Париж и передали генералу Эрнсту Кальтенбрунеру. Он командовал войскам СС во Франции. Ему поручили организовать доставку моей персоны в секретное место. Никто не сказал куда меня везут, с кем предстоит встреча. Я совершенно терялся в догадках, однажды кто-то проговорился, что мы направимся в ставку Гитлера, известную под названием Вольфшанце (Волчье логово) в Пруссии.

На этом, к сожалению, фантазия Кристофера Крето-на истощилась. Хотя сам он сидел в это время в пловучей тюрьме в Англии под своим именем, единственно, что документально можно установить, но все же проанализируем отрывок об его очередном задании.

Ни агенты авбера в Лиссабоне, ни Эрнст Кальтенбрунер, которому передали эту посылку под названием Крейтон, данного подарка документально не зафиксировали. Ни в расписанном по дням жизни Гитлера за октябрь 1942-го года посещения им Крейтона нет.

К моменту написания своей забавной книги Девис-Крейтон мог знать, где находился Гитлер в октябре 1942-го года. Понятно, что никто не сказал куда и зачем пацана везут, когда он сидит в плавучей тюрьме. И подсказать про секретное место некому: сколько дней — на машине или на поезде, на подводе или мотоцикле? — везет бесстрашного Крейтона в октябре 1942-го года или ночей, в каком именно направлении, кто и на чем везет. А вот везут — и все. Какие пейзажи вокруг — Украины или Пруссии? Какая тебе, читатель, разница?

Понятно, что в режиссерском сценарии глагол «везли» обрстет мотоциклом или телегой, а то и поездом. Но пока — сплошные догадки. Но — везут. И главное, не куда-нибудь, а в нужное для книги место. Проще говоря, везут Крейтона пред ясные очи фюрера. В его волчье логово. Непонятно с какой целью, но — везут.

Герой же, как на зло, не владеет немецким. В плавучей тюрьме этот язык тогда был не популярен. Но, чтобы сделать хорошую мину при плохой (хреновой) игре, да и вообще, чтобы Кристофер не терялся в догадках, сопровождавшие эсэсовцы, по-видимому, перешли на сленг английских кокни — лондонских отбросов, под которые и косил Крейтон.

Словом, калякают охранники по-английски. То про Винницу ляпнут, то про Вольшанце сболтнут. Вот юному разведчику и догадка. Куда привезли — тебя это, читатель, волновать не должно.

Так, неизвестными для автора тропами доставили ценный английский груз вождю немецкого пролетариата — самому Гитлеру. В секретном логове строитель социализма по-отечески (так в книге) потрепал Крейтона по щеке, радушно поздравил юного соратника в борьбе с английскими и американскими капиталистами.

Мы намеренно своими словами передаем тягучий авторский текст, чтобы выделить в нем главное, опустив массу ненужных деталей. К цитатам перейдем в тех случаях, когда возникнет угроза, что нам не поверят.

Благодаря его, Крейтону, предательству радовался Гитлер, в Дьешпе погигло 4000 союзников — цена правительства Англии за его дезинформацию. И тут наступает высший пилотаж завирательства у автора книги, поэтому переходим к прямому цитированию.

Как должен вести себя юный агент и как на самом деле повел в логове главного военного преступника?

Глядя на обманутого фюрера, который ему напомнил обманутого отца, Крейтону рассуждает (С. 48):

Убийство вождя Третьего Рейха заняло бы не более пяти секунд. Я рассчитывал на то, что Риббентроп будет в шоке, и я смогу без особого труда прикончить и его за компанию. Через двадцать секунд оба нацистских главаря, не издав ни звука, будут валяться мертвыми. Прием на захват шею на это и рассчитан.

Итак, у разбитного парнишки Крейтона была, поверим на время автору книги, уникальная по своим последствиям возможность еще в октябре 1942-го года за двадцать секунд (5 сек. на убийство Гитлера + 15 сек. на убийство фон Риббентропа) расправой с двумя фашистскими главарями тут же и закончить войну, но...

Разного мы начитались в этой книжке. Многое толпорно придумано, но ход мысли находчивого вам никогда не отгадать. Приходится брать прямую цитату:

Я не имел права убивать. Напротив, меня послали убедить авбер, Риббентропа, а теперь и фюрера в том, что союзники собираются высадить десант в Норвегии, а не в Северной Африке. Огромным усилием воли я заставил себя отказаться от своей заманчивой идеи.

Вот, оказывается, в чем дело! Идея действительно заманчивая. Убей Крейтон Гитлера с Риббентропом, кому бы он, бедняга, доложил дезинформацию о высадке союзников? Ну представьте, есть информация, а вожди, для которых Крейтон ее привез мертвы-метрвешечки. Правильно пацан поступил, что огромным усилием воли отказался от заманчивой идеи. Иначе куда бы он из тюрьмы делся со своей информацией?

Дурню в голову не приходит, что с гибелью главарей, а тем более главарей криминальных, история меняет направление. Тогда не то, что союзникам не нужно было бы прибегать к дезинформации, но, возможно, и конец войны значительно приблизился бы.

Имевший возможность за 20 секунд переломить ход войны и спасти миллионы жизней, Крейтон рассудил в

своем напропалую завирательном духе: зачем лишать жизни виновников планетарной катастрофы, если он припас для них пытку и казнь пострашнее — ложные сведения о месте высадки союзных войск?

Таким образом, Крейтон, всучив главарям Третьего Рейха нечто пострашнее, чем смерть — ложные сведения, мог дальше продолжать повествование. По закону жанра убей фюрера бывший узник плавучей тюрьмы на стр. 48, чем бы он заполнил еще 332 страницы юморного в духе барона Мюнхаузена боевика?

Да и с историей вышла бы накладка. Впрочем, Крейтон из тех фантазеров, которые с пеной у рта стали бы доказывать, что Гитлера-то он убил, а это — уже его двойник продолжал войну и т.п. Так что трепачество Хлестакова — черта не только русского характера.

Но Крейтон избрал дургой, пришедший ему на ум подвиг — похищение Бормана во славу ничего не подозревающей по этому поводу британской разведки. Зачем уж именно Мартин Борман понадобился англичанам, этого из книжки не выудишь. Но если уж верить отставному сценаристу, его бойкую сыновью беседу с Гитлером (на Украине или в Пруссии?) подслушивал тот, на кого Крейтон еще глаз не положил.

Да! Отеческую беседу Гитлера с Крейтоном незримо подслушивает сам Борман. Как говорится, на английского ловца и зверь немецкий бежит. Но бежит немецкий многоопытный зверь по воле выдумщика подозрительно опрометчиво и очень уж даже и для очаянного вранья нелогично. Судите сами.

Еще и в глаза не видя парнишку, доставленного голворезами Кальтенбруннера, а только подслушивая то, что не знающий немецкого языка Крейтон, вдохновенно рассказывает не знающему английского языка Гитлеру, Борман отмечает молодечество английского агента, а его вдохновенное вранье, убеждает Бормана в том, что именно с таким соратником он и готов, бежать в Британию. Борман взял Крейтона на заметку, жаждет с

ним немедленно встретиться после разговора с Гитлером, тут же и подружиться. Борман проникается таким доверием, что готов через 20 минут немедленно, прямо-таки сейчас же и убежать из Германии...

Но пока нетерпеливый Борман вынужден ждать. Причина ожидания — из книг такого рода. Не то, чтобы историческое время не подошло, а не подошло время совершеннолетия Крейтона. Проще говоря, Крейтону не хватает нужного количества лет, нужно чуток подрасти к историческому времени своего подвига.

Итак, примем на веру вранье о том, что физически устранить Гитлера и фон Риббентропа, своего водилу по зоопарку, от управления войной безусый агент решительно передумал. Так-то оно лучше. Ведь тогда пропала бы его вся ценнейшая дезинформация. С такой фаназией придуманной в пловучей тюрьме! У куда приготовленные союзниками дивизии прикажете девать?

Да и война быстро бы окончилась — до совершеннолетия Крейтона. Но, оказавшись в Англии жо совершеннолетия, в кабинете начальника Нортон, очень раздосадованный и разъяренный тем, что он передумал убить Гитлера, решил в отместку укокошить кого-нибудь другого. Но рангом — не ниже Гитлера...

Кого же на сей раз задумал грохнуть неугомонный?

Да и задачка неподъемная. Это где же искать объект для убийства, чтобы он не ниже самого Гитлера по должности был. А не поискать ли такую фигуру в самой Англии? Поворот сюжета на новом крутом вираже покруче будет. Итак, жертва из другого стана. Теперь это — смертельный противник Гитлера. Да представьте, объектом нападения на этот раз... Уинстон Черчилль.

Да, представьте! Не решаясь убить Гитлера, а подсовывая ему дезинформацию, Крейтон собственноручно чуть ыбло за милую душу не укокошил Премьер-министра Великобритании! Убийство, видимо, из-за отсутствия дезинформации... для Уинстона Черчиля (С.142):

Черчилль оказался прямо перед дулом моего «Смит-и-Вессона». Он с неожиданной ловкостью выхватил пистолет из моей руки, засунул за пояс своего маскировочного костюма, обошел вокруг стола, переваливаясь с ногит на ногу, как толстый ковбой, и плюхнулся в кресло.

Недоразумение, как и подобает в такого сорта наивных боевиках, тут же и прояснилось: развеселившийся Черчилль с отеческими наставлениями великодушно возвращает пистолет мальчишке:

Возможно, он пригодится тебе пристрелить герра Шикльгрубера. Да и потом, если я буду дердать его в своих штанах, то рискую отстрелить себе член.

Ах, навный Уинстон Черчилль со своими советами запоздалыми! Да Крейтон за 5 секунд мог уничтожить Гитлера и 15 фон Риббентропа. Но не сделал этого.

В отличие от других разведок, в МИ-5, по Крейтону, никогда не было того, что называет анализом проведенных операций. И Черчилль не догадывается даже, что Крейтон, нацеливший на него свое оружие, уже побывал в логове Гитлера и, по-видимому, от себя снабдил фюрера дезинформацией.

Поздно! Совет Черчилля на стр. 142 — запоздалый и утративший силу приказ для Крейтона, Опоздал старикан с советами про Шикльгрубера. Но было ли ему известно, что фюрер приказа уничтожить все документы о Шикльгрубере — отце, носившем в детстве эту фамилию. Сам Гитлер этой фамилии никогда не носил.

Но известно ли это Черчиллю во время войны, если Крейтон прибегает к прямой речи Премьер-министра?

Так что если реально убить вождя немецкого народа смышленный парнишка не решился, а укокошить Черчилля ему тоже не удалось, то, полагаем, время для подвига жизни у Крейтона упущено — еще на стр. 48.

Как на зло, в трех томах своих воспоминаний, Уинстон Черчилль как-то не решился рассказать о покуше-

нии на него. Впрочем, у Черчилля есть и свой же взгляд на Гитлера. Правда, от покушавшегося на него парнишки Крейтона старикан свой особый взгляд утаил.

Между прочим, взгляд настолько любопытный, что его стоит привести в изложении С. Чернопруда в книге «Охота на фюрера. Тайна неуязвимости Адольфа Гитлера» (М. 2004. С. 136-137):

Основная проблема, с которой столкнулись разведчики — политические последствия такой акции. План операции одобрил министр иностранных дел Энтони Иден, а вот премьер-министр Уинстон Черчилль колебался. Ведь в случае успеха акции германский фашизм получил бы весомый козырь, оправдывавший поражение режима. Трудно возражать против факта «коварного удара в спину», да и в глазах нацистов Адольф Гитлер стал бы мучеником, что спровоцировало бы усиление сопротивления наступающим войскам антигитлеровской коалиции. Вторая причина — непонятно, кто бы заватил в этом случае власть в стране и их дальнейшие действия...

Там есть еще две причины, но не будем утомлять читателя, отвлекая от развесистой клюквы Крейтона.

А тут еще вопросы читателя-простака: если неповоротливый Черчилль в кабинете обезоружил вооруженного Крейтона, который до этого убивал по 4 немца за один раз голыми руками, то на чем основано его предыдущее хвастовство: мол, за 20 секунд (и опять-таки голыми руками) он расправился бы с фюрером (5 секунд) и фон Риббенторпом (15 секунд)?

Если уж как-то безоглядно и безоговорочно верить Крейтону, то вырисовывается потрясающая по своим последствиям картина. За нервный срыв не в меру ретивого парнишки и, главное, за вооруженный выпад против премьер-министра Великобритании, если судить по законам военного времени... вместо него в плавучую тюрьму отправлен некий горемыка, а сам Крейтон...

По логике книги так и выходит: двойника Джона Девиса — точную копию Крейтона с его же именем и фамилией отправляют в тюрьму, если бедняга уже не сидел там, а его самого (не двойника) готовят к похищению Бормана. По железной логике ему самому (он ведь не бедняга, сидящий в плавучей тюрьме?) никому неведомая МИ-6 приказала отличиться заново.

Раз ты ни Гитлера не сумел навечно нейтрализовать, ни Черчилля безоружного с двух шагов застрелить, так вот тебе заданье попросте: ты на этот раз хоть Бормана все же укради.

Помимо Гитлера и Черчилля, советующихся с Крейтоном, как им дальше воевать, если уж очень верить Крейтону, английским былинным героем помимо командования союзными войсками интересуется и Его Величество король Великобритании. За годы подвигов Крейтон запросто встречается и с королем Георгом VI.

Непонятно и нам, читателям, и самому, по-видимому, автору книги непонятно, какие «задания» выполнял хулиганистый мальчишка, важно, что не его начальство, а он, рядовой исполнитель чужих разработок, допущен докладывать королю Великобритании (С. 215):

Вдобавок за войну я дважды докладывал королю об операциях, в которых я принимал участие. Мы оба находились на действительной службе во флоте. Будучи принцем, Георг стал курсантом военно-морского колледжа, подчиняясь правилам. Однажды о его спину сломали палку, и ему пришлось покорно ждать, когда принесут другую, отсчитывать положенное число ударов. Я тоже испытывал все это на своей шкуре и между нами установились добрые, доверительные отношения.

Стоп! Выходит, Крейтон с королем служат флоту. И палок оба попробовали? Только в разное время выросли те палки для наказания. Деревья, палками из которых колотили Крейтона, во времена, когда колотили будущего короля, еще не были и посажены.

Между теми деревьями разница, как минимум в тридцать лет. Во времена учения будущего короля деревья для будущих палок Крейтона только посажены.

А то, что между королем, занятым войной, и хулиганистым мальчишкой добрые, доверительные отношения (кто и что кому доверяет?) не могли сложиться из-за двух пятиминутных встреч, ясно и не посвященному.

К тому же выясняется, что учился-то отведавший палочных ударов будущий король, не с Крейтоном и не с его отцом, а с будущим начальником разведки, который якобы и свел его отца с людьми более высокого происхождения. Как можно понять из отрывка (С. 26):

В 1919 году мой отец, Джек Энсворт-Девис, стал изучать медицину в колледже Христа в Кембридже, в этом же колледже учился и младший лейтенант флота, девятнадцатилетний лорд Ли Маунтбеттен. Знакомство с ним привело моего отца в круг тех учащихся колледжа, которые могли похвастаться не менее знаменитым происхождением. Среди них был герцог Йорский (позднее король Георг VI) и его младший брат...

В память ли о том, что Его Величество был знаком с Ли Маунтбеттеном, приятелем отца Крейтона, или по какой иной, неизвестной английской разведке причине, но Кристофер смело открывает глаза Георгу VI на советского шпиона Энтони Бланта, а, возможно, и на всю кембриджскую пятерку советских агентов, которых Стали подослал, чтобы заручиться поддержкой шустрого парнишки.

Прислушайся тогда Его Величество к парнишке, глядишь, и кембриджская пятерка больше бы ни одного секрета не украла у своей родины. На нарушителя устава старшего по званию Энтони Бланта, служащего под началом младшего по званию Крейтона, парнишка жалуется не кому-нибудь, а королю Великобритании!

Если трезво поразмыслить, то кому еще в Англии и жаловаться на эту пятерку?

Если разведка Англии проморгала кембриджскую пятерку, то Крейтон всегда был начеку. Попутно и для читателя-простака автор сыплет такими именами, что они и для откровенно лживой книги черезчур (С. 21):

— Осмелюсь заметить, сэра, — сказал я, — что это нарушение субординации. Любой военнослужащий подает жалобу через своего непосредственного командира. В данном случае жалобщик перепрыгнул не только меня, но и через Флеминга и Нортонна.

Король улыбнулся и кивнул, соглашаясь, но упрекнул меня за мое упрямство, что было справедливо. Прощаясь, он пожелал мне удачи в операции «Д.Б.», за ходом которой он, по его словам, следит с острейшим интересом.

О пареньке-герое, так круто задумавшей операцию «Д.Б.» — «Джеймс Бонд», за которой король следил с острейшим интересом, только и разговору в войсках союзников. Так что вскоре, возможно, историки, начнут пересматривать свое отношение к книгам Флеминга и начнут пересматривать вопрос: насколько Кристофер Крейтон повлиял на писателя с его героем «007»?

Жаль, сам Ян Флеминг не подозревал о своем подчиненном. А так как слухи о парнишке-герое настолько распространены, что его слава — круглая, как колесо гоночного велосипеда, и все возрастающая слава Крейтонна докатилась, разумеется, и до Президента США Рузвельта.

Из-за невероятной в ходе войны занятости Президент США, сожалея, на встречу с парнишкой все же не приехал. Но выход из положения нашел достаточно оригинальный: поручил наиболее толковым своим военным генералам Donovanу и Эйзенхауэру быть в распоряжении Крейтонна и помочь ему справиться с заданием — украсть Бормана.

Тщеславному Эйзенхауэру, видимо, мало своей военной славы, так он решил еще и к славе Крейтонна, при-

мазаться. О чем так прямо и заявил, стоило ему увидеть героя, как он тут же и заявил мальчишке о своей доле славы в операции (С. 209):

...Ну, а поскольку он верховный главнокомандующий в Европе, право контроля за любой операцией принадлежит ему.

Описал ли эту встречу и свой контроль над операцией «Д.Б.» — «Джеймс Бонд», одобренной королем Англии, генерал Дуайт Эйзенхауэр?

В официальных мемуарах этого нет. Но легко предположить, что советский разведчик — шпион Энтони Блант, подчиненный Крейтона, наверняка многое понашифровал в донесениях в Центр о необычном, хотя и младшем по званию начальнике.

Так что и Сталин, читая рапорты Энтони Бланта, нервно курил трубку, дивясь подвигам Крейтона.

ЧТО В ГЕРМАНИИ В ПЕРВОРОДНОМ СМЫСЛЕ СЛОВА РАЗНЮХАТЬ СУМЕЛ СУПЕРАГЕНТ КРЕЙТОН?

Книжка «Загадка Бормана» читается с хотя и недоумевающим, но все же от страницы к странице нарастающим в геометрической прогрессии интересом. Притом вопросы возникают — один другого загадочней. Откуда негодяй знает военные тайн союзников?

По здравому размышлению уходящему за линию фронта вообще-то полагается поменьше знать, чтобы при случае не стать тем, из которого мастера пыточного дела в гестапо, как и в другом подобном месте, выколотят любые знания. В разведках всех народов и стран всегда придерживались правил, что вытерпеть пытки нормальному человеку немислимо.

Поэтому, если кто-то из французских, к примеру, подпольщиков попадал в немецкую облаву, товарищи

по оружию уже через три часа меняли квартиры и явки на такие, которые их несчастный товарищ не знал.

Агент-школьник, для поддержания дезинформации которого английские вооруженные силы кладут на алтарь его вранья 4 тысяч канадских солдат, судя по тексту книги, общается без переводчиков с главарями фашистов — Гитлером, Канарисом, Борманом, Рукнштедтом, не зная немецкого языка даже в рамках средней школы, потому что трудится над обликом негодяя, которому знания ни к чему.

Впрочем, незнание языков Кристоферу Крейтону с лихвой компенсируют его необычные нюхательные способности. Близость к особам высшего ранга Третьего Рейха позволила парнишке разнюхать в сверхсекретных кабинетах то, чего никогда, насколько мы знаем, ни пытались разнюхать агенты других разведок.

Познавший специфику закрытых помещений, а это, как легко догадаться, все та же тюрьма, Крейтон обращает внимание прежде всего на запахи помещений. Поэтому для книги «Загадка Бормана» оттенки слов «разнюхал-разнюхала» и родственных с ним — не характеристика задумок МИ-6 и особой изворотливости английских агентов, а нечто напрямую связанное с физиологией — в снайперски прямом значении слова, связанного с вынюхиванием, нюхом и обаянием (С. 50):

Борман недолюбливал, даже презирал министра иностранных дел, считая его выскочкой. Но он притворно улыбался ему, когда испортил воздух, уходил в другой конец помещения, и, казалось, что вонь исходит от Риббентропа.

Так портили воздух и репутации в кабинетах Рейха!

Правда, Крейтон при описании посещения Гитлера не отмечает неконтролируемый метеоризм фюрера, отмеченный всеми исследователями, которые язвительно добавляли, что доктор Моррель изобрел особые таблетки, которые от метеоризма вождя немецкого народа не

избавляли, но значительно понижали его громкость, что было признано на уровне научных достижений.

Принюхиваясь, юный агент на этой основе проанализировал и ситуацию среди главарей. Вот что еще (вынуждены повториться) разнюхал Крейтон в логове врага. Мартин Борман использовал запасы тайного газового оружия не только не только для одноразовой дискредитации фон Риббентропа, но и для его окончательной гибели (С. 50):

В то время, в 1942 году, он (Борман) ставил цель низвергнуть надменного, зазнавшегося Риббентропа с его дешевым шампанским и фальшивой приставкой «фон», на которую тот не имел права. Борман недолюбливал, даже презирал мини стра иностранных дел, считая его выскочкой.

Вот, оказывается, зачем Борман пускал в ход личное секретное (но не для Крейтона, разумеется) оружие дискредитации, создавал при помощи грохового облака в шатнах образ вонючки Риббентропа. Впрочем, оружие не из разряда запрещенных Гаагской конференцией правил ведения войны.

Тема героизма парнишки, однако, не исчерпана в юморной нескладухе. Находим пример и посмешнее. Хотя, согласитесь, исторический подвиг — доставка в Англию нациста № 2 — не очень располагает к смеху.

Если очень уж верить Крейтону, англичане изготовили двойника Бормана — некоего Гюнтера. Изготовление происходило в Канаде. Из пленных немцев подобрали толстячка. Это — личная просьба Бормана. И вот этого-то, скроенного по нестандартным меркам пленника, нужно (опять-таки по просьбе загадочного Мартина) доставить во время войны в бункер Гитлера и убить не где-нибудь, а именно неподалеку от фюрербункера, чтобы окончательно запутать следы.

Но перед тем, как убить двойника, доставленного из-за океана на том месте, где потом найдут череп Борма-

на, Крейтон, опять-таки со странными повадками многолетнего тюремного сидельца обыскивает обыскивает обреченного (С. 268):

...я занялся самим Гюнтером. Я так сосредоточился на выполнении своего неприятного задания, что только в том момент, когда я, обернув свой палец грязным носовым платком Гюнтера, проверял его задний проход, жуткая реальность происходящего потрясла меня. Я прикасался, обыскивал, проникал в тело человека, которого через час должен был убить.

Поражает обычай британских Джеймс Бондов проверять задние проходы тех, кого они приговорили к смерти и через час (через 60 минут) должны убить.

Буквально на следующей же странице сбитый с толку читатель узнает, что тюремного ритуала, наверняка известного Крейтону по его отсидкам, не избежал и Борман, которого англичане убивать не собирались, а, наоборот, собирались живым доставить в Англию (С. 269):

Ту же процедуру мы проделали и с Борманом. У него были обнаружены три стеклянных флакона с цианистым калием, спрятанные под мышками, но мы позволили ему оставить их при себе.

У Бормана, выясняется, нашли парбилет Национал-Социалистической Рабочей Партии. Этот строитель социализма по-немецки имел парбилет № 60508. Нашелся при нем дневник и завещание фюрера. Стало быть, подлинник партбилета строителя национал-коммунизма, дневник и одно из подлинных завещаний Гитера где-то в туманном Альбионе?

С дневниками Бормана вообще заморочка для многих пишущих о нем. Есть дневник, написанный специально для Льва Безыменского. По этому дневнику у советского писателя вырисовался один Мартин Борман.

Другой дневник Борман писал для Льюиса Килзера. И по тому дневнику перед нами предстает совершенно

иной Борман. В дневниках даже есть следы встреч с теми, кто работал на СССР. Но об этом — дальше.

В Интеллиженс сервис, если очень уж верить Крейтону, этот ритуал проникновения в человека с черного, скажем так, хода английские агенты производят по какому-то мотивам, непонятным тем, кто не служил в британской разведке. Хотя с Борманом-то все более или менее ясно: агент, разнюхавший в немецких кабинетах газовые атаки нациста № 2, проверял его, по-видимому, на газовую боеспособность перед трудным походом дорогами войны в Англию.

В плавании у одного из агентов расстроился желудок. Приставать к берегу запрещает инструкция (С. 282):

По предыдущему опыту участия в подобных операциях и из инструкции всем было известно, что физиологические потребности должны быть удовлетворяться на месте в каяке. Разумеется, опорожнять кишечник — удовольствие не из приятных. Но что поделаешь?

Да то же и поделаешь — по-большому поделаешь или по-маленькому. Как кому нравится. Или — наоборот.

Бытовыми деталями подобного рода, имеющих фольклорное хождение в определенных местах и хорошо понятных уголовникам, Крейтон снижает пафос подвига, но попадает в словесно-смысловую ловушку, создавая комический эффект в и без того комической книге.

Возвращение очередного Джеймса Бонда с поля боя с полными штанами, согласитесь, странноватый символ для прославленных британских агентов...

Но и здесь бессмертная тема внезапных и неотразимых (а как их отражать?) газовых атак, которыми Борман окуривал и окончательно губил репутацию фон Риббентропа, исчерпана далеко не до конца.

А комический рассказ о двух ночных горшках в бункере Гитлера, выданных во временное пользование до окончания войны Кристоферу Крейтону, мы еще успеем обсудить в другом месте.

ЗАДАЧКИ НА СЛОЖЕНИЕ И ВЫЧИТАНИЕ В КНИГЕ КРЕЙТОНА «ЗАГАДКА БОРМАНА»

Беда забавной книжки, которую впору переименовать в «Загадку Крейтона», не только с хромающей на четыре ноги логикой или высшей математикой. Даже обычная арифметика становится здесь непривычно подозрительной в самых своих, казалось бы, безобидных проявлениях — на сложение и вычитание.

Сколько, по-вашему, вышколенных агентов понадобилось бы для операции, которую прилумал и кое-как литературно осуществил автор «Загадки Бормана»

В осажденный и окруженный со всех сторон русскими войсками Берлин отправлена группа командос, предоставленная в распоряжение Крейтона (С. 188-189):

В ней было десять мужчин и десять женщин, борцов за свободу Германии: пятеро из них — берлинцы. С ними отправилось двадцать командос...

Проводниками было четверо местных жителей.

...Наши помощники завербовали около пятидесяти человек, готовых нам помочь.

Навербовать около пятидесяти человек во время военных действий что-то действительно из разряда былинно-сказочного, когда и одного слова хватает, чтобы повернуть человека от плохого к хорошему. Ай-да помощники у Крейтона!

Очередной десант, судя по фразе «За полчаса все парашютисты маленькими группами рассредоточились по безопасным местам» тоже не менее двадцати. Но Крейтону за письменным столом этого показалось мало и он решил резко увеличить группу (С. 205):

Первым делом решили усилить передовой десант сотней бойцов...

Кто и почему решил да еще и первым делом усилить передовой отряд? Но вот через 16 страниц (С. 221):

Теперь в нашей авангардной группе было более ста пятидесяти человек.

Впечатление такое, что английские агенты не вык-раст Мартина Бормана собрались, а на царских носилках, поднимая над головами нести в Англию нести.

С такой оравой, понятное дело, юному Крейтону водиночку никак не справиться. Даже откуда-то возникший Ян Флеминг, который до этого вроде был его начальником и тот вдруг (в книге, как в русских народных сказках, сплошняковое друг) оказался у парнишки в подчинении! Срочно для такой вооруженной оравы понадобилась помощь по... управлению (С. 234):

Группа управления состояла из двадцати восьми человек. (!)

Чем же заняты 150 с лишним (с одним лишним?) голловорезов и их странных для ситуации 28 управленцев?

Все сто пятьдесят бойцов на водных путях и эти двадцать восемь человек выполняют любой отданный мной приказ.

Группа управления (28 человек!) при задании по похищению одного-единственного нациста? Представляете, если ба так похищали Адольфа Эйхмана?

Интересно, почему эти 178 соратника Крейтона по подвигу не оставили воспоминаний о своем героизме в тылу врага?

Наверняка кого-то из них могли за участие в том подвиге наградить — орденом, медалью, грамотой.

И управляют управленцы не из своих кабинетов в далеком тылу, а в реальной боевой обстановке — под носом у врага! Если на 150 с лишним бойцов 28 управленцев (не младших командиров, а управленцев), то в среднем один управленец приходится на 5,3 агента.

А теперь вообразите на месте Крейтона реального героя из книге Яна Флеминга. Вы там встречали управленцев? Чем управлять в отряде идущем на задание?

Таких раздутых штатов по управлению не было и в прошлых колхозах-миллионерах в СССР. Но парнишку Крейтону, который упрямо гнет свое, именно сейчас самое время выслушать, настолько упивается властью и занят самолюбованием (С. 239):

Прежде я всегда работал в одиночку, и мне трудно было сразу привыкнуть к присутствию такого числа людей. Все, на кого я смотрел, зависели от, и только от меня. Я отвечал за каждого, даже за Флеминга, мое слово было для них законом, непослушание в боевой обстановке каралось смертью. Все сто пятьдесят бойцов на водных путях и эти двадцать восемь человек выполнят любой отданный мной приказ.

Какие же приказы намерен отдавать пацан, что уже и к непослушанию в боевой обстановке примеривается? Но это напоминовение о приказах и боевой обстановке говорит о том, что реальный Крейтон, по-видимому, никогда и не нюхал пороха. При командовании над людьми, в руках которых оружие, а вокруг — гуляет смерть этот детский лепет карании смертью выглядит по крайней мере неуместным. Пробираться в тыл врага и изводить себя комплексом непопознченности: будут или не будут выполнять твои команды?

А если не будут — тут же к смерти приговорю.

Да только кто те приговоры в боевой обстановке исполнять будет, если Крейтону самому приходится и Борману и его двойнику задние проходы обследовать?

Лукавая книжка с завравшимся автором не ответит и на вопрос: а что же 28 управленцев при этом делают?

Но придуманные персонажи и не обсуждают приказы автора. Иначе сочинитель тут же и вычеркнет их их повествования. Крейтон, как папа Карло, настрогал нужное количество воинов и одним росчерком пера мог каждого лишить его книжной жизни.

Но зачем же все же привлечен реальный Ян Флеминг? Оказывается, и его жизнь зависела от тщеславного

парнишки. Хотя перед этим сообщалось, что сам Крейтон вроде бы служит под началом Флеминга.

Кстати, известный писатель заодно к своим книжкам мог бы и о своем дружке Кристофере Крейтоне оставить на память потомкам. Но противный Ян этого не сделал... Или управленцы 28 томов об управлении его подвига накатали бы. Но и управленцы подвели: ни одной бумажки не оставили, поскольку сами, добозреваем, — плод бумажного воображения.

Для Крейтона это не беда. Он сам взял на себя неблагодарную науку воспоминаний о событиях, которых не существовало в природе. Вот, например, как ведет себя 178 агентов и управленцев папы Карлы-Крейтона.

В самый разгар войны в разбитом пригороде под Берлином в пустующем доме они устроились так (С. 241):

Они здесь устроились, как на даче: натянули гамаки, поставили койки, застелили их, установили нагреватели воды и кухонное оборудование. Рыская по окрестностям, они сумели раздобыть запасы свежего продовольствия.

Электричества в разоренной стране, понятное дело, нет, но агенты прибыли сюда с генератором... Если снимать об этом фильм, то где взять 178 кроватей? Или хотя бы половину, а другую — заменят гамаки. Да! Читая байки Крейтона о трехразовом питании агентов с файвоклоком в тылу врага, о запасах свежего провольствия для 178 молодых организмов обоего пола в апреле 1945-го года в Германии — подобной фантазии в военной беллетристике пока еще не было.

А выброска десанта с постельным бельем и гамаками, нагревателями и кухонными приборами, несколькими комплектами военных форм — русской, немецкой, английской и американской армий, по-видимому, и потребовала 28 управленцев для сверхсекретной операции.

Это был под Берлином какой-то особый район, где английские агенты сумели раздобыть свежее продоволь-

стве. Здесь, очевидно, удача была на стороне Крейтона, потому что сами немцы к тому времени были в угнетенном состоянии (С. 195):

Все они рыскали в поисках воды, съестного и топлива.

И то, что ни за какие деньги не могут раздобыть жители страны, легко достается английскому десанту — вода, съестное, топливо. Из других книг о том времени мы знаем, что рыскающих возле фермерских хозяйств немцев жители называли «кротами». Если голодающие, без пищи и воды «кроты» теряли человеческий облик, то из книги «Загадка Бормана» мы узнаем, что 178 агентов и управляющих тут же раздобыли не только запасы свежего продовольствия, но даже и свежие яйца.

Какие немецкие несущки в конце войны выборочно исполняли свой куриный долг? Немцам — никаких яиц, раз допустили вражеское вторжение в Германию. Зато бравым молодцам и девицам Крейтона, пожалуйста.

Для сломленных войной немцев, понятно, и топлива нет, читаем мы и в «Загадке Бормана», но 178 английски агента и их управленцы топливо находят (С. 266):

Топлива было с избытком. Его тайком набрали из цистерн, которые должны были залить водные магистрали жидким огнем.

Когда незаметной группе (178 человек) удачливых английских агентов, заброшенным под Берлин, порядком обрыдла сытая дачная жизнь в гамаках посреди войны, — Эврика! — было найдено необычное и азартное для английского характера развлечение — добычливая охота (С. 242-243):

Бойцы авангардной группы выходили на охоту в пригороды Берлина. Две девушки служили приманкой. За ними на приличном расстоянии шли двое ребят. Когда эсэсовцы пытались изнасиловать девушек, те поначалу оказывали слабое сопротивление, но после того как

насилъники, впав в экстаз, обнажали свои органы, девушки выхватывали ножи и ампутировали их. Затем они выкалывали глаза. Подняв свои кровавые трофеи, они восклицали: «Вот вам за моего отца (или мать, брата, сестру)» и бросали их на обезображенные трупы.

Кровавые трофеи — члены и глаза. Как уж девушки поднимали свои кровавые трофеи, этого даже старик Фрейд затруднилось бы объяснить, а не то, что Крейтон. Развлекаясь охотой на живца, точнее, доставленных из-за линии фронта живиц, еще точнее, на бабца, английские агенты все психологически точно прордумали. Бабцы оказывали поначалу слабое сопротивление, чтобы насильники-эсэсовцы вошли в экстаз и обнажили половые органы. Отхватив эсэсовский член, девицы поднимали их над собой...

Картинка борьбы с фашизмом. Принаряженные девицы (не в униформах же они выходили?), сытно поев и отдохнув, поплелись по пригороду Берлина. А проходящие мимо эсэсовцы снимают штаны, чтобы тут же их изнасиловать. Но кишка тонка у эсэсовцев.

При этом жирующая орава английских агентов (178) ничуть не боится быть обнаруженной, каким-то образом выдать себя и поставить под удар свое основное задание — доставку Бормана в Англию.

Охота, нужно сказать была поставлена на широкую ногу. Ватные насильники-эсэсовцы даже не пытаются сопротивляться при ампутации их органов. Как и в каждом плановом хозяйстве, обезображенным трупам эсэсовцев (свыше 300) вели наблюдатели не строгий учет: если свыше 300, то — насколько свыше?

В рапортах отрезание членов и выкалывание глаз (свыше 600, гначит, глаз), естественно, выдается за геройство. За них исполнители в условиях войны ожидали правительственных наград.

Так что ничего удивительного в том, что когда прибыли 28 управленцев, Крейтон пишет на рапорте Блю-

ма резолюцию о полном одобрении им, руководителем операции, всего происходящего. Подробности можно и опустить, но тогда мы многое не поймем (С. 248):

...на счету его группы — более трехсот убитых нацистов. Им перерезали глотки и выдавливали глаза, некоторым отрезали половые органы.

В пылу бумажной охоты Крейтон не заметил странной арифметики. За период с 9 марта по 22 апреля всего охотничий сезон на эсэсовцев всего 45 дней. И — триста с лишним трупов! Английские агенты с девицами свежуют по семь эсэсовцев ежедневно! В течение полутора месяцев. В пригороде Берлина, уже окруженного русской армией. И — никаких ответных действий.

Погибшие (300 с лишним штук) с отрезанными половыми органами и выколотыми глазами нигде не служили, никому не подчинялись? Ни одна немецкая сорбака о них не вспомнила? Свидетеля — ни одного!

Деяния Крейтона проверяют 28 управленцев. Не исключено, что паренек Крейтон со своими членорезами занимается припиской... по-советски. Пойди проверь: триста с лишним освежевали или поменьше. Считай, что по два эсэсовца на одного агента. Соотношение — 300 с лишним к 178.

Чтобы в опусе не так бросался в глаза почерк многих советских книжек на сходные темы, Кристофер Крейтон, кажется, вполне сознательно подпускает и антисоветские выпады в духе военной пропаганды.

Английские агенты, свежующие в среднем по семь эсэсовцев в день, когда не заняты этой увлекательной охотой, по-джельменски защищают и простых немецких тружеников от советских солдат-варваров, которые грабили дома, насиловали всех проходящих мимо женщин (тут они от эсэсовцев ничем не отличались), а то и просто убивали ради развлечения мирных жителей.

В одном месте проплывающие мимо английские агенты, еще никого не видя уже определили (С. 302)

...В некоторых местах река сужалась, и нам приходилось проплывать в нескольких ярдах от советских солдат, которые, судя по их пронзительным голосам, предавались безудержному пьянству.

Буквально на следующей странице — фоном к подвигу с уже украденным Борманом идет характеристика советских солдат:

...Нам стало ясно: в эти края прибыло подразделение советской армии, и солдаты, как водится, принялись насиловать всех, на ком были юбки.

* * *

Путаясь с цифрами большими, Крейтон в русском издании, по крайней мере, запутывается и в малых. Нечто его помощник — скрипач Блюм искалечен фашистами, отрубившими ему два пальца. Автор даже указывает, каких пальцев не хватает (С. 148):

...он имел одну приметную особенность — на обеих руках у него не хватало по среднему пальцу.

Но мужественный человек не смирился (С. 160):

...Не делая себе поблажки из-за отсутствия двух пальцев, он сразу начал играть сонату для скрипки и рояля ля-минор Брамса... И произошло чудо: его исполнение ошеломило нас своею виртуозностью.

Еще совсем недавно считалось, что если у человека отсутствуют два пальца, то можно было смело предполагать, что у него осталось, по крайней мере, как минимум восемь. Во всякой другой книге так бы оно и было, но не в опусе Кристофера Крейтона, где эта приметная особенность дает совершенно иные результаты (С. 309):

...Израэль Блюм, который стал моим близким другом, который виртуозно играл на скрипке шестью пальцами...

Если уж герой книги не знает сколько пальцев на руках у его близкого друга, то что-то с этой книгой не

не совсем в порядке. Потом я подумал, что на таких пустяках Крейтона, видимо, не подловишь. А не русский ли это небрежный левоногий переводчик подпортил и без того убогую книжонку?

Английского варианта под рукой не оказалось. Но вот итальянский вариант *Cristofer Creighton «Salvato Borman»*. На суперобложке значится *Rizolli*. Внутри уже почему-то *Michael Creiton «Salvato Borman»*. Но кто бы он ни был Кристофер или Михаэл, но русская книга оказалась короче. Это переводчик целыми кусками выбрасывал выдумки о Яне Флеминге. Другими словами, фальшь книги переводчик ощутил, поберег русского читателя от развесистой клюквы Крейтона.

Впрочем, нас-то интересует вопрос: так сколько же пальцев осталось у несчастного скрипача?

В итальянской книге написано вот что (С. 108):

Aveva una peculiarifika fisika? perso il sekondo dido di entramble le mani.

Понятно, что у бедняги не хватает двух пальцев. Впрочем, нас-то интересует вопрос о его игре на скрипке. Находим в итальянском издании (С. 230):

Israel Bloem, che suonva magictralmente il violino con sole otto dita...

Ищем по словарю: *otto* — означает восемь. Да, это уже русский грамотей подгадил английскому выдумщику. Для русскоязычного читателя описание войны, боев, перестрелки не располагают к смеху. Но нельзя не улыбнуться, прочитав о совещании Крейтона с подручными, среди которых и восьмипальный скрипач-виртуоз, об уничтожении четырех солдат (С. 306):

Ликвидируем их, — предложил Блюм. — Со стороны это будет выглядеть так, будто они нарвались на группу несдавшихся нацистов, которые прорывались на запад. — Словно прочитав мои мысли, он добавил: — Не беспокойтесь, сэр. Мы к таким делам привычны.

*Поручите нам. — Ему было невдомек, что я тоже под-
наторел в «мокрых» делах.*

Даже сквозь перевод чувствуется уголовный жаргон. И улыбка, конечно же, не потому, что гибнут русские солдаты. Перед этим-то шло хвастовство: головорезы Крейтона свеживали по 7 (семь!) эсэсовцев в день, выкалывая глаза, отрезая половые органы и т.п.

Абзацем раньше девица, играючи в суперагетшу, двумя пальцами выдавила глаза советскому капитану. Спокойно вытерла пальцы носовым платком. И сэру мокрушнику Кристоферу (Михаэлу) нечего наивным притворяться: он сам и рапорты о том подписывал для 28 проверяющих.

С такими ударниками мокрых дел сэр, раздумав убивать Гитлера и Риббентропа, вообще мог бы единолично закончить войну победой, если бы ему не помешало главное задание — похищение Бормана.

Но самым нелепым действием его начальников из разведки было вот что.

НЕЛЕПАЯ СДАЧА АНГЛИЙСКОЙ РАЗВЕДКОЙ В ГЕСТАПО... КРИСТОФЕРА КРЕЙТОНА И НЕЛЕПОЕ ПОХИЩЕНИЕ ЕГО ОБРАТНО

Толстую книгу не создать из пустых намеков. Нужна конкретика. Будь то 37 канадцев с распоротыми животами или в виде трехсот с лишним эсэсовцев с выколочеными глазами. Но в книгах о разведчиках нужна борьба интеллектов. И Крейтон разработал вначале 2-ходовый как бы не главный, а предварительный подвиг.

В чем суть этого странного пробного подвига?

Английская разведка, точнее, придуманный Крейтон-ом отдел «М», якобы глубоко законспирированный в глубинах разведки, прибегает к уловкам, которые иначе, чем дьявольские и не назовешь. Зная, что абвер в победе над Великобританией делает ставку на негодяя

— старшего матроса Девиса-Крейтона, которому известны самые секретные секреты союзных армий, таинственный отдел «М» спланировал первый ход его подвига. Это когда было угроблено 4 тысячи канадских солдат, чтобы немцы наконец-то поверили, что Крейтон кое-что да знает. Хотя и непонятно каким образом попадают знания к уголовнику?

Адмирал Канарис и его абвер — туповатая военная разведка наживку проглотили, щедро расплатились с агентом. Правда, фальшивыми деньгами.

Негодяи из отдела «М» английской разведки на этом не успокоились, как уверяет Крейтон. Чтобы окончательно посмеяться над простаком Канарисом и его службой (второй ход повига), они выдали абверу...

Кого бы вы думали?

В жизни не догадаетесь! Невероятный замысел невероятного отдела «М» способен потрясти любое воображение: абверу выдан Крейтон собственной персоной!

Да-да! Именно тот Крейтон, который так убедительно играл роль мерзавца вместо парнишки, сидевшего вместо него в пловучей тюрьме. Да еще играл так убедительно, что и родной отец (о мачехе и говорить нечего) до смерти опознал в нем сына-героя.

То, чего начальники английской разведки, по уверениям Крейтона, не доверили его родному отцу, мерзавцы запросто донесли фашистам: а Крейтон-то наш — агент-герой Британии!

За дело принимается гестапо. Те фальшивые сведения, которые раньше Крейтон продавал немцам за фальшивые деньги, и на подтверждение которых было подставлено на верную гибель четыре тысячи канадских солдат, теперь гестаповцы хотят выбить из него задаром.

Тут-то и выясняется, что снаряжавший его отдел «М» вместо старого доброго кальция, который выдается всем уходящим на задание, подсунули юнцу капсулу с водой.

С какой же целью это низкое коварство?

Да все с тем же, чтобы те сведения, которые он раньше продал, он бы и под пытками подтвердил.

А гестаповская тюрьма, это тебе не английская плавающая тюрьма с 3-разовым питанием и печеньем на фэйф-о-клок. Вот Крейтон и не выдерживает и под пытками выдает гестапо... те же фальшивые сведения, которые перед этим продал за чемодан фальшивых денег.

В военных кругах всполошились. Нашлись и среди английских разведчиков сердобольные: а не рано ли мы, уважаемые сэры, сдали нашего юного героя?

Главный подвиг Крейтона еще впереди, сэры!

Ничего лучшего не придумав, отедл «М», в спешке сдавшая его гестапо на мучения и выдачу нужных сведений, сама же и выкрала приговоренного к смерти. А эти-то похитители Крейтона из тюрьмы должны бы описать свой подвиг. Но опять — тишина.

Подлечив героя после пыток гестапо (это вам не английская шловучая тюрьма) начальники разведки, как и пообещали Крейтону в детстве, доверили наконец-то нужный для книги подвиг — похищение Мартина Бормана, нациста № 2. Крейтон очень рискует, возвращаясь в Германию, где его знают и как негодяя, продавшего фальшивые сведения за фальшивые деньги и героя, под пытками рассказавшему те же сведения.

Но поскольку книга лишена какой бы то ни было логики, то продолжим бессвязное повествование.

СКОЛЬКО КОСТЮМОВ, ПОДГУЗНИКОВ И СЕЙФОВ ТАЩИТ НА ЗАДАНИЕ АНГЛИЙСКИЙ АГЕНТ?

Бывший кинорежиссер держит в уме экипировку актеров. Без этого нет кино. Конечно, бедняге в плавающей тюрьме ничего кроме полосатой робы не светило, зато его двойнику только немцы дважды пьют мундиры.

В Дублине (С. 24) и в замке Риббентропа (С. 162)

От подвига к подвигу мальчишка набирает вес, и портные фашистов не успевают подгонять мундиры по фигуре. Во всю вкальвают для Крейтона и портные Англии. Специальный цех английских кутюрье шьет маскарадные костюмы — разработки дизайнеров. Словом, посылая героя (себя) на подвиг жизни, Крейтон не скужится и экипировал себя так (С 236):

Я взял с собой две смены нижнего белья теплые кальсоны, пропитанные водоотталкивающим веществом, ботинки, сапоги, куртку и штаны «Урсула» — особьыф непроницаемый костюм... Он был усовершенствован таким образом, чтобы походить на форму Вффен-СС и на обмундирование советских морских разведчиков, если вывернуть шапку и куртку наизнанку. На моей шапке красовалась эсэсовская кокарда, а будучи вывернутой наизнанку, она становилась русской шапкой ушанкой с эмблемой советской особой разведывательной группы. Куртка «Урсулла» была на молниях и на кнопках с низкими карманам, как у армейских офицеров. Она имела также несколько внутренних карманов — которые становились наружными, когда куртку выворачивали наизнанку. Под этим всем камуфляжем мы носили британскую форму.

В многослойном маскарадном костюме парнишка со спутницей-матерщинницей прятался в бункере своего знакомого Гитлера, который когда-то потрепал парнишку по щеке, напомнив Крейтону отца.

Первого мая, когда наступил срок похищения, английские агенты вышли из бункера (С. 268):

Идти на прорыв мы решили в водонепроницаемых куртках и штанах типа «Урсула» с советскими эмблемами. Сверху мы надели фуражки и шинели... Наткнувшись на русских, мы тут же сбросили бы шинели. В наших рюкзаках была форма (британская и американская) и шинели вермахта.

Впрочем, такова уж особенность этой литературной поделки. На протяжении всей книги Крейтон выхватывает пистолет как-то невпопад. Но, собираясь в Германию, прихватил оружие врага (С. 263):

При встрече с русскими сказали бы им читую правду: мы англичане, бежавшие из немецкого плена. У нас есть документы, подтверждающие эту легенду.

Легенда простая: немецкая охрана выдавала беглецам справки о побеге: когда и зачем бежал. И откуда-то указывалась реальная, а не мнимая причина побега. Не получив справки о побеге, какой англичанин решился бы даже подумать о побеге из немецкого концлагеря?

На одном из отрезков пути выглядели так (С. 292):

Все бойцы облачились в серо-зеленое водонепроницаемое обмундирование, в фуражках, с эмблемами. Мы имели настоящие советские документы — красноармейские книжки и офицерские удостоверения.

Красноармейской книжки для Бормана не оказалось. Помощник режиссера этот момент упустил. Переодевания к каждой отдельной батальной сцене идут полным ходом. (С. 263):

Мы с Кемп переоделись в морскую форму, несколько помявшуюся от двухнедельного лежания в рюкзаках. Также поступили и наши морские пехотинцы.

Утюги, правда, английские агенты забыли. Бритвы тоже нет в перечне того, что тащит на войну английским агент. Да бритва парнишке пока и не нужна. Ну кое-что прихватили из оружия. Все же война кругом.

При Черчилле, как мы помним, Крейтон, как в замедленной съемке, позевывая, медленно выхватывал свой неразлучный «Смит-и-Вессон». Выхватывал настолько медленно, что даже неповоротливый Черчилль успевал запросто отнять пистолет, который никак не помог покушавшемуся на премьера юнцу.

Впрочем, такова уж особенность этой литературной поделки с выхватыванием пистолета — каждый раз невпопад. Но, собираясь на свой главный подвиг жизни в Германию, прихватил оружие врага (С. 263):

...и потому мы остановились на «Люгере» 9 мм, которая я носил в своей кобуре вместе со «Смит-и-Вессоном».

Бутафорская кобура на два пистолета «Люгера» и «Смит-и-Вессона», видимо, не фабричная, а сшита, полагаю, по просьбе режиссера. Описав ворох одежды уходящего на задание, оружие и спецсейфы для похищенных бумаг, одну вещицу мы все же упустили. Хотя в инструкциях английских Джеймс Бондов она, уверяет Крейтон, непременно присутствует.

В этой забавной книге мы уже рассматривали ситуацию, при которой на боевом задании английский агент все же вынужден наложить полные штаны. А вот пока агент еще не наложил в штаны, то выбрасываясь с парашютом, он прямо с неба, зацепившись за дерево, падает... Куда? Прямо в объятия любимой! (С. 240-242):

...я резко рванулся и упал. Упал и увидел... <...> Это был Криста Шульберт. Поцеловав меня и сказав «добро пожаловать в Германию», она отдала честь, что не положено делать ночью на флоте.

Что и говорить, сплеховала девчонка, отдав честь парашютисту темной немецкой ночью. Но так и флота в ту ночь в кустах не оказалось. А герой — рядом.

Зададимся не менее интересным вопросом: каким же образом, совершая невероятные подвиги и наложив в штаны одновременно, английские агенты выходят из таких, прямо скажем, не уставных ситуаций?

Со знанием дела, философствуя, Крейтон поясняет в комической книжке «Загадка Бормана» (С. 282):

Разумеется, мочиться в штаны или опорожнять кишечник — удовольствие не из приятных, но что поде-

вать? На этот случай у нас — мужчин и женщин был при себе запас томпонов.

Добираясь по воде на задание, агенты обязаны, согласно инструкции, по-большому и по-маленькому делать непременно в штаны. Мы ничего не имеем против чужих обычаев. Но поясните: а как они, английские агенты, поступают, находясь в воздухе на самолете?

Крейтон поясняет. Вот они с Флемингом в спешно сшитых немецких мундирах торопятся в Берлин. В любой книжке — не успели бы. Но в комической джемсбондиане... В кустах помощник режиссера оставил два непременно английский самолета (лететь-то на них англичанам!), но с немецкими (лететь-то над Германией!) опознавательными знаками. Это, чтобы неразлучным корешам Кристоферу Крейтону и Яну Флемингу успеть в Берлин к назначенному часу.

Так и упрощены бесплотные английские агенты с охраной на украденных у немецких недотеп самолетах. Небо это не река, куда спускают отходы. При нужде маленькой или большой выход в небе такой (С. 194):

...Мы изредка приземлялись справить нужду или дозаправиться.

Избавлялись от одного — в себе. Но добавляли другое — в самолет. Приперла малая нужда Флеминга — самолет тут же и сажают. Повсюду запасные и безопасные аэродромы в поверженной стране. Неполомки с кишечником у Крейтона — приземляются в нужных кустах на перелете между Нюрнбергом и Берлином. Но тут же и вопрос: то, от чего изредка избавлялись Флеминг с Крейтоном, можно смело оставлять под любым немецким кустом или деревом.

Но как герои изредка могли дозаправиться в воюющей и опустошенной Германии? Это — военная тайна.

Вернемся, однако, к карнавальной экипировке 178 агентов. Крейтон и его команда тащат еще и особые сейфы. Забегая вперед, скажем, что сейфы нужны для осо-

бо важных документов, которые с собой должен прихватить Борман, который не соглашался бежать без этих надежных, но портативных сейфов (С.270):

...Мы объяснили ему, что сохраним его истинное удостоверение и копию завещания (Гитлера), положив в один из несгораемых водонепроницаемых и взрывобезопасных сейфов.

Но пока Крейтон и его команда с гамаками, подгузниками, сейфами и управленцами пробирается в Берлин, разберемся с еще одним загадочным подвигом.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ДВОЙНИКОВ МАРТИНА БОРМАНА НА ПОТОКЕ

Между нами говоря, не для передачи, конечно, английской разведке, но Мартин Борман штучка еще та!

Хочет быть украденным, а сам... Такого капризного еще поискать среди фашистов. Свое похищение он наметил непременно обставить так, чтобы запутать исчезновение в Англии на веки веков от всех задумавших с ним разобраться. А именно. Крейтон должен доставить ему из Англии двойника и убить у него на глазах!

Для агента похищение Мартина Бормана не подвиг удачливого собрата Джеймса Бонда, а сплошная головная боль. Каким же образом кучке негодяев, за которых Крейтон выдает себя и своих подопечных по разведке, изготовить немецкого двойника Мартина Бормана?

А как двойника доставить через линию фронта?

Капризный нацист № 2 рассудил: если даже у паренька Крейтона, которому поручили его похищение, вместо него сидит двойник в пловучей тюрьме, то уж ему, Мартину Борману, с его-то чином никак нельзя без двойника. Но вот невезуха: заказать изготовление двойника английской разведке капризному коротышке мало. Чтобы двойник получился убедительным, Борман выдает парнишке, которого первый раз видит, буквально всю

документацию на себя — от медицинской карты до анализа мочи... 1931-го года.

И все это — подлинники! Борман против того, чтобы для него изготавливали двойника по копиям. Чтобы работать по оригиналам, их нужно переправить в Англию. Врачи, дав подписку о неразглашении, по медицинским картам, как по чертежам, изготовят двойника.

Заказчик пожелал иметь двойника из добротного немецкого материала — немецких военнопленных. А с двойником английской разведке (все тому же Крейтону) нужно потом подлинники документов вернуть — доставить в окруженную войсками союзников Германию. Но — таков воля нациста № 2.

Иначе — Борман отказывается бежать из Германии!

Засуетились по требованию Бормана английские спецслужбы. В Канаде среди пленных немцев подобрали нужный материал, а в Англии из него умельцы по выкройкам из медицинских карт сострочили двойника Бормана. Английские хирурги, понятное дело, не боги.

Для подстраховки разведка, как видно из книги «Загадка Бормана», пошла и по такому пути: к двойнику Бормана изготовили и фальшивые бумаги, чтобы свести концы с концами.

Улавливаете ход писательской мысли?

Уже под особенности двойника, некоего Гюнтера, подделывать справки, исследования, анализы партайгеноссе Бормана. Вот для чего навязал им хитрый Борман анализ мочи за 1931-й год.

С первым двойником Бормана повозились, но зато других, последующих — изготавливали проворней папы Карло, строгающих своих деревянных человечков.

Правда, в удивительной книжке так и не объяснено: зачем в Англии это массовое появление двойников Мартина Бормана и кто оплачивал этот удивительный, обогативший хирургов заказ?

Словом, вопросов к книге больше, чем ответов.

КРИСТОФЕР КРЕЙТОН И ДВА НОЧНЫХ ГОРШКА ИЗ ФЮРЕРБУНКЕРА

Книга «Загадка Бормана» изготовлена по методу социалистического реализма. Был такой набор рецептов, по которым писались книги. Положительные герои в них дружили с положительными и выражались литературным языком. Негодяя общались с негодяями на языке матерщины и непристойностей.

Негодяи-фашисты в книге могут общаться только с негодяями англичанами, так поясняет автор свою маску негодяя пока его двойник сидит в пловучей тюрьме.

Свою маску Кристофер не снимает ни перед отцом родным, как его научили в разведке, ни перед Риббентропом. В присутствии последнего Крейтон с подручными озвучивают такой диалог (С. 198):

После этого пошел нарочито непрофессиональный обмен любезностями создававшими впечатление, что одна банда изменников и любителей легкой наживы беседовала с другой.

— Как твоя половая жизнь, Сара?

— Умираю естественной смертью, спасибо тебе, дорогая. Здесь все пропитано триппером.

— Что туземцы?

— Черта с два. Твои дружки-мудозвоны...

Понятно, что туземцы (немцы), а точнее фашисты, которые прослушивали по просьбе фон Риббентропа этот диалог довольны: наши люди из Англии.

Уголовному сленгу диалогов (по русской уголовной традиции — ботать по фене) Крейтона, по-видимому, научил тот бедняга, который под его фамилией сидел в плавучей тюрьме. А иначе откуда паренек из аристократической благополучной семьи заговорил бы с подчиненными приклатненным языком?

Но тут в загадочной книге наступает прокол. Хотя уголовный язык рассчитан лично на фон Риббентропа. Но этот отпетый фашист — неожиданный поворот в забавной книжке! — наотрез отказывается иметь дело с больным триппером парнишкой. Этот поворот снова бросает гомосексуальную тень на дружбу английского паренька с фон Риббентропом.

Но дело есть дело. За то, что Мартин Борман будет украден пареньком, которому фон Риббентроп покупал мороженое, наглый фашист запросил с другого назгого фашиста 25 млн марок... с похищаемого!

И вот Крейтон с двойником и оравой в 178 агентов прибыли в Берлин, чтобы вывезти Бормана в Англию.

Из книги неизвестно, где прятались остальные 176 агентов, продолжали ли свежевать эсэсовцев или поспокойней занятие нашли, но книжную судьбу двух других — повзрослевшего Крейтона и женщины (она заодно и переводчик) мы знаем. Кристофер со спутницей направились напрямик к партайгеноссе Борману. Ничего умнее фашист не придумал как разместить главаря английских разведчиков... в фюрербункере, оставив при англичанах оружие. Под носом у фюрера. Так-то понадежней будет. Крейтон снова не отвлекается на убийство Гитлера: украсть Бормана теперьму важнее. Правда, удобства в фюрербункере минимальные (С. 251):

В нише за занавеской — умывальник, два ночных горшка.

В бункере в конце апреля уже не работало ни оперативное управление армий, ни канализация. Запах такой, по свидетельству очевидцев, как в советской тюрьме, когда в ней параша стояла у двери.

Кстати, об общей параше говорится и в «Загадке Бормана». Но немецкие спецслужбы не унюхали, что к немецкому запаху добавился и английский. В бункере полно немецких овчарок. Но и они чужаков не унюхали. добавился и английский. В бункере полно немецких

овчарок. Но и они чужаков не унюхали. Поскольку Крейтон уже совершеннолетний, то, понятное дело, теперь его сопровождает женщина-агент. Уж если копировать на бумаге Джеймса Бонда, так до конца. Борман это обстоятельство учел, потому что в комороке оказалось два ночных горшка — М и Д. Но Д — это дамский, а не Джеймс Бонд. Борман дорогого друга, видимо, поджидал, так что:

Стол к нашему приходу уже был накрыт: холодная колбаса, черный хлеб, суп, отвратительный эрзац-кофе. Еще там стоял примус.

Почему так скупо нацист № 2 встречает спасителей?

Ответ прост: за стеной свадьба Гитлера и Евы Браун. Основные продукты там. Свадьба без священника, которого арестовали накануне русские солдаты при подходе к фюрербанкеру

Крейтон жаждет совершить главный свой подвиг, но копуша Борман ждет срока — 1-го мая 1945-го года, когда он должен покинуть рейхсканцелярию. Что же касается Крейтона, то герой неплохо устроился под носом у фюрера. Сериалы о Джеймсе Бонде он смотрел внимательно (С. 255-256):

Нам приносили продукты. Мы готовили на примусе. Паек день ото дня становился все скуднее. Каждое утро мы опорожняли наши горшки в парашу. Мы изобретали смешные игры, устраивали шумную возню и много смеялись. Шесть раз в сутки один из нас покидал бункер и связывался по радио с «Джей-Би2».

Напомним: война в разгаре, Берлин окружен, артиллерия бьет прямой наводкой по бункеру, а в нем — английские агенты изобретают смешные игры, устраивают шумную возню, много смеются и готовят на примусе, опорожняя горшки в парашу. Шесть раз в сутки один покидает бункер, выходит во двор, чтобы доложить командованию по радио (шесть раз в сутки — каждые че-

тыре часа) связываются по радио, чтобы доложить какие веселые игры придуманы, что выбрасывают в парашу, насколько урезали фашисты паек английским героям, хозочущим в логове врага. А что еще можно сообщить, сидя в коморке под землей?

Крейтону повезло и сей раз: фюрер стал глуховат после покушения 20 июля 1944-го года и не слышал шумного смеха и задорной возни знакомого английского агента за стеной. Гитлер не выходил из бункера, так что не мог заметить англичан, которые в течение полутора недель по шесть раз в сутки выбегали из бункера рейхсканцелярии, послав в общей сложности 60 донесений под носом у Гитлера с Геббельсом.

На первом этаже бункера, если кто не знает, 18 тесных персональных комнатусек. Выход из фюрербункера круглосуточно охраняется с эсэсовцами с собаками. На запасном выходе постоянно два часовых.

Помимо Бормана в фюрербункере и другой разведчик Сталина — Александр Квапишевский (Саша Квапа). По словам генерал-лейтенанта внешней разведки Сергея Кондрашева о фюрербункере тех дней: «Мы знали, что там происходит не только каждый день, но и каждую минуту». А вот и не все: Крейтона с девицей, выходит, просмотрели.

Какую бы комнату ты комнату ни занимал, Крейтон, а советская разведка тебя обнаружила. Но пока молчит.

Русские артиллеристы уже бил прямой наводкой по фюрербункеру. Однако у них, по-видимому, приказ Сталина не зацепить нужного парнишку. Так что они, увидев парнишку с двумя ночными горшками, когда параша была переполнена или с походной рацией через плечо, стрельбу прекращали. Вообще же в саду имперской канцелярии насчитали 160 убитых, включая двух двойников фюрера. Но Крейтона среди них не оказалось. Так и выжил в трудную минуту. Хотя Мартин Борман чуть было не испортил биографию Крейтона.

А дело было так. Борман что-то пронюхал. Раскопало в архивах Канариса сверхсекретную папку — дело Крейтона-героя. Да не то, которое состояло из обмена фальшивой информации на фальшивые деньги, а нового дела, когда Крейтон в качестве английского героя эти же сведения выдавал под пыткой. Тут-то Борману стало все понятно. Вместо близкого ему по душе подонка и пособника английских фашистов, перед ним был кристально чистый английский герой.

Вместо негодяя и подобка, в которого он влился еще при прослушивании доклада Крейтона Гитлера, он вынужден иметь дело с Крейтоном-героем, которого ему подсунул Риббентроп. Подлецу, видите ли, подлеца подавай, а с героем он дела иметь не хочет. Нашла немецкая коса на английский камень. Тут ни возвращенные анализы мочи за 1931-й год не помогли, ни скроенный по просьбе Бормана двойник.

Стрелку Крейтону Борман не стал назначать, потому что и так место встречи изменить нельзя — в бункере Крейтону с Борманом не разминуться. И Мартин, зная теперь героя поближе, пришел качать права. Да не сам, а с двумя эсэсовцами. По-видимому, из уцелевших, которых не успели освежать братва Крейтона.

А эсэсовцы, сопровождая такое начальство, как известно, с пустыми руками в дом не приходят (С. 258):

Оба пистолета теперь были направлены на меня... — бойко нагнетает страсти Крейтон. Шустрая спутница, которую простак-эсэсовцы считали безобидной подстилкой-переводчицей, — выхватила свой «Смит-и-Вессон», ребром левой ладони взвела курок и дважды выстрелила. Оба эсэсовца были ранены в правые руки.

Знай наших английских Джеймс Бондов, фашист Борман! Хотя и с двумя эсэсовцами, но ранеными в правые руки, много не навоеешь в запертой комнате. Но Борман не признал своего позорного поражения в бункере и вызвал на подмогу офицеров СС (С. 260):

Борман шепнул что-то одному из них, и тот увел раненных из комнаты. Их судьба была нам ясна. Они слишком много знали.

Не знали бедняги-эсэсовцы, по-киношному раненные в правые руки, одного: с крутым кипятком Крейтоном лучше не связываться. Он по 7 эсэсовцев в день свеживал. И не то что эсэсовцев, но и тех с кем обучался, но кто не мог пригодиться при его подвиге, он легко (в книге, по крайней мере) подводит под расстрелы (С. 160):

...Несколько раз, скрепя сердце я подписывал приказы об отчислении.

О судьбе этих неудачников после отчисления мне ничего неизвестно. Эти люди знали важнейшие государственные тайны, рассекречивание которых нельзя было допустить ни под каким видом... Я знал, что в одном или двух случаях применил крайнюю меру нейтрализации, то есть пускали людей в расход.

Понятно, что приказы, которые подписывал Крейтон, скрепя сердце, не сохранились. В трудных военных условиях из-за нехватки бумаги к ним применили крайнюю степень нейтрализации — пустили в расход.

Странные все же порядки в английской разведке. Сначала завербуют, понадоверят сверхсекретные тайны, потом обучают всяческим премудростям. Но видят, что ты так дуб-дубом и остался, — пускают в расход. Нет, никогда не станем работать на такую разведку.

Есть в книге и неперемнная любовная история на войне. Но поскольку подобная деревянная love story коцует из одной топорной книги в другую, то в этом боевике ее лучше вам прочитать самим.

* * *

Вскоре русские войска плотно блокировали Берлин, и Борману нужно было решаться ответить на вопрос: с кем вы, генносе Борман, как называет его С. Демкин в книге «Великих тайнах спецслужб». Вы бежите в Моск-

ву с маршалом Еременко с Крейетном в Лондон? По какую бы сторону баррикад ни платил партийные взносы Борман — в партию геноссе Сталина или товарища Гитлера, но казался этот ярый строитель одной из разновидностей социализма в придачу ко всему антисемитом. А в антисемитизме все партийные разногласия нивелируются: тут в союзники каждый хорош.

Наконец наступило 1-е мая 1945-го, намеченное Борманом, и они с Крейтоном бежали. Но их маршрут в этой книге был, конечно же, не в страну счастливых трудящихся, а капиталистическую Англию.

Так что возникает невольно вопрос:

ЗАЧЕМ К СВОЕМУ ЛИЧНОМУ ПОДВИГУ КРИСТОФЕР КРЕЙТОН ПРИПЛЕЛ ЯНА ФЛЕМИНГА?

Знаменитый писатель одним своим присутствием должен подтвердить реальность и правдоподобность происходящего. В книге «Загадка Бормана» он ничего и не делает, а только своим присутствием подтверждает неправдоподобность происходящего. Что подтверждает одна несостоявшаяся сексуальная сцена, в которой Ян Флеминг лукаво...

Впрочем, попытаемся текст книги использовать — как документ, но с небольшими пояснениями. Устав от одиночных подвигов, которые не проходят ни по одним документам и не имеют подтверждения, Крейтон пригласил Флеминга в замок Риббентропа, где-то на границе Германии, Австрии и Швейцарии (С. 162):

Очевидно, Риббентроп решил блеснуть перед нами. Замок выглядел очень внушительно. Его просторные залы были богато украшены и обставлены роскошной мебелью. мебелью. На стенах висели огромные картины, выполненные маслом. Кто владелец этого всего?

Может быть, мы видим часть награбленного нацистами богатств, которые хотим у них отнять? Вечером нам предложили постельные утехы, включая гомосексуальные. Сделано это было довольно откровенно, но не лишено шарма.

— Мне всегда хотелось заняться этим в Итоне, — прошептал Флеминг, лукаво подмигивая мне, когда к нам приблизился красивый светловолосый юноша, соблазняя завлекательными телодвижениями. — Давай-ка попробуем!

Но поразмыслив здраво и опасаясь последствий мы вежливо отказались от необычной услуги.

Чуть было мы не похвалили Крейтона и Флеминга за здоровый гомосексуальный патриотизм, как возник ряд недоуменных вопросов. С чего это фон Риббентроп, с которым Крейтона связывает порция мороженого (так в книге), выпендривается перед юным англичанином, приглашая их с Флемингом в замок и подсовывая красивого юношу с завлекательными телодвижениями? Значит, фон Риббентроп знает о склонностях юного английского друга не только к поеданию мороженого?

Продираемся дальше сквозь дебри увлекательного по нестыковкам чтива. Немцы-гомосексуалисты зачем-то со здраво поразмысливших англичан — мальчишки Крейтона и дядюшки Яна Флеминга сняли...

А вот и не угадали!

Сняли мерки. Но мерки не для гробов, как диктовала военная ситуация, а портняжки мерки срочной пошивки английским агентам офицерских мундиров.

Ход мысли фон Риббентропа, затеявшего пошивку костюмов для Крейтона и Яна Флеминга, ни один сценарист детективного жанра не смог бы просчитать. Ну вот для чего понадобился маскарад с мундирами?

В жизни не догадаетесь. А это, чтобы в мундирах немецкого вермахта представить английских агентов... Борману! Мастер грозных газовых атак исподтишка, о-

казывается, уже снюхался с вонючкой фон Риббентропом. Но теперь Борман вынужден поубавить пыл своих крепких гороховых атак и вместо окуривания Риббентропа внимательно присматривается к нему.

Высокомерный вонючка фон Риббентроп намерен убежать. Да не просто унести ноги в гнейтральные страны, в чем ему, разумеется, помог бы парнишка, с которые его связывают теплые, скрепленные мороженым отношения. Но нет! Нет! И еще раз нет! Выскочка замыслил операцию похлеще. С собой в дальнюю дорогу фон Риббентроп решил прихватить самое дорого и ценное, что осталось в то время в Германии — Мартина Бормана! Распорядителя активами нацистов за рубежом.

Но вот Борман уже с Крейтоном и Яном Флемингом. Из книги вытекает, что Ян Флеминг начальник Крейтона, но по ходу дела всем командует (в книге) мальчишка. Уже по дороге домой, когда английские агенты с боями пробивались сквозь засады русских с ценным грузом Борманом, ради которого и затевалась вся эта дорогостоящая операция, группу настиг странный радиоприказ начальства, озвученный радисткой (С. 275):

Флемингу срочный и совершенно неожиданный приказ. Он отзывался в Лондон без объяснения причины.

Как в русских сказках. Откуда ни возьмись английский самолет. Ну и простачки же вы если подумали, что начальство прислало самолет за ценным приобретением разведки — Мартином Борманом. Нет. Самолет без объяснения причин прибыл за Флемингом. Можно только представить ту непередаваемую ситуацию в воюющей Англии, в которой срочно понадобился Флеминг.

Вырвав Флеминга из-под командования Крейтона, начальство английской разведки вывело дядюшку Яна и из-под яркого огня подвига — похищения Бормана.

Приказ бы ультимативным: Флемингу бросить все и срочно улететь. Оставим на совести Крейтона это сверхнелепое решение начальников английской развед-

ки. Но по закону жанра у Крйетона должна мелькнуть хоть одна здравая мысль, и такая мысль мелькает:

— *А не отправить ли с Флемингом и Бормана?*

Разумно. Стоило ли огород городить, если отряд не дотащит Бормана живым и здоровым? Но тогда слава операции «Джеймс Бонд» достанется Яну Флемингу. А у того и собственной джемсбондианы, хоть отбавляй. А с чем же останется парнишка из пловучей трюрьмы?

В жанре свои прежних заданий и подвигов Крейтон принял единственно верной решение: не доставлять Бормана самолетом. Куда надежней с боями прорываться сквозь зщаслоны Красной Армии, которой Энтони Блант, чтобы насолить Кристоферу, выдал русским.

Авось, во многих перестрелках как-нибудь Борман да и уцелеет. Да! С убытием Бормана на самолете книга сократилась бы на треть.

И начальнику о выполнении задания рапортовал бы Ян Флеминг, а никак не Крейтон (С. 312-313):

— *Имею честь сообщить, сэр, что ваш приказ от 21 января выполнен. Пленник доставлен...*

А улетел бы Борман с Яном Флемингом Крейтон навсегда бы лишился чести сообщить о выполненном приказе. Возможно, в тех абзацах, которые русское издательство предусмотрительно выбросило, что-то и еще есть о Флеминге, но в русском варианте его роль свелась к лукавому сообщению о том, чем бы он хотел заняться в Итоне. Ради такого сообщения вряд ли стоило вводить в книгу реального английского разведчика, но без него «Загадка Бормана» оказалась бы еще слабее.

Непонятно, с чего Крейтон стал претендовать на первенство при создании образа Джемса Бонда? Но бродящий по книге, словно тень отца Гемлета, Флеминг никак не спасает беспомощную книгу. Уже и без нас посмеялся над Крейтоном Эндрю Лиссет, биограф Яна Флеминга, опубликовав письмо писателя от 30 мая 1945-

го года. Подозревал ли Ян Флеминг о существовании сидевшего в плавучей тюрьме Крейтоне?

Именно этим днем — 30 мая 1945-го года Кристофер Крейтон свои никем не найденные рапорты о доставке Мартина Бормана в Англию. Хотя какие там рапорты, если с Крейтоном на задании 28 проверяющих. Они-то рапорты о том, что они напроверяли оставили?

* * *

В другом месте, уже якобы похитив нациста № 2 и сделав пар-тройку его Двойников, английская разведка зачем-то тащит реального, но перелитцованного по английским лекалам Бормана на Нюрнбергский процесс. Порказать ему менее удачливым дружков на скамье подсудимых. В день, когда вместе с друзьями по партии признали преступником (С. 371-372):

Трибунал приговаривает подсудимого Мартина Бормана, по пунктам обвинительного акта, на основании которого он предан суду, к смерти через повешение.

Прозвучали эти роковые слова, Борман сидел неподвижно, сохраняя ледовое спокойствие. Судья Лоуренс поднялся, чтобы передать краткое заявление о том, что представитель СССР выражает свое несогласие с некоторыми решениями и что его мнение будет запротокотировано и опубликовано позднее...

Сюзан опасалась, как бы в этой сутолоке кто-нибудь не опознал ее подопечного...

Спрашивается: зачем тащить Мартина Бормана на суд в Нюрнберг, если и среди английских агентов сопровождения паника: опознают-не опознают

Борман в Нюрнберге — выдумка Крейтона, но ценно сообщении о несогласии представителя СССР с решениями суда по отношению к Борману. Чем-то же это несогласие вызвано. Кто-то формулировал это несогласие, согласовывая каждое слово, чтобы не выдать своей

заинтересованности. И будущему настоящему исследователю понадобится еще обосновать тот факт, что именно советские представители и именно о Мартине Бормане внесли в документы особую поправку.

Проще говоря, советские представители внесли в документы Нюрбергского процесса именно такую поправку, которая стала бы лазейкой для Бормана. Но, спрашивается, зачем эта лазейка Борману?

Приходится предположить, что готовили поправку люди твердо знавшие, что Борман вероятнее всего жив. А поэтому уже тогда творцы пропаганды (мы имеем ввиду самый высокий уровень) задумывались над тем, что если советского разведчика осудят как нацистского преступника, то герой навсегда будет потерян для военно-патриотической пропаганды.

Так оно и случилось, и даже великий мастер чекистики Юлиан Семенов, который по личному заданию Андропова ознакомился с материалами о Бормане, с темой поднятия на щит Бормана не справился, как с ней не может справиться любой певец идеологии.

Когда в Мадриде в 1973-м году Юлиан Семенов встречался со штурмбанфюрером Отто Скорцени, гитлеровский головорез попросил писателя откровенно сказать: был ли Мартин Борман советским агентом?

Юлиан Семенов по нескольким причинам не мог ответить на этот вопрос. У писатели, по-видимому, так и не сложилось собственное мнение о том, стоит ли поднимать вопрос о Мартине Бормане?

В теме столько подводных камней, что обсуждать щекотливый вопрос с героем Третьего Рейха советский несамостоятельный писатель даже не решился. А та точка зрения, которую Семенов отстаивал в своих книгах требовала не такого материала, который предоставляла биграфия Мартина Бормана.

Как Семенов использовал дневник Мартина Бормана расскажем немного позже. А пока продолжим чте-

ние о побеге Мартина Борманав направлении, избранном для него Кристофером Крейтоном.

НАГРАДА НАШЛА ГЕРОЯ, ИЛИ СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОЛВЕКА СПУСТЯ ЛЕЧАЩИЙ ВРАЧ ЗАСТАВИЛ БОЛЬНОГО ВСПОМНИТЬ О ПОДВИГЕ

В книге «Загадка Бормана» документов не больше, чем в «Приключениях барона Мюнхгаузена». Читатель рот откроет от удивления, знакомясь с признаниями Крейтона, который благодаря Борману вернул 90 % награбленного фашистами добра родной Англии.

Да вот незадача: вернул Крейтон родине золото, картины, драгоценности, ценные бумаги, активы и пассивы, а она, неблагодарная, не только с союзниками не поделилась — это Крейтон бы еще пережил, а вот своему герою она не назначила даже пенсии.

В Англии, по байкам Крейтона, оказывается, разведка из-за чье-то забывчивости не включила его подвиги в перечень награждаемых деяний. И даже, как это делается в странах цивилизованных, пенсии неблагодарная родина Крейтону не назначила. Бюрократы, видители ли, посчитали, что узник в плавучей тюрьме — тот бедняга, которого посадили во время войны под его именем, был им самим. Так что в архивах разведки Девиса-Крейтона нет, а в плавчуй тюрьме — пожалуйста!

Но и на английских бюрократов нашелся знаток законов. Ах, если бы не бдительный лечащий врач, который через пол века (через 50 лет, если у вас хватит воображения представить эту цифру в жизни человека) напомнил Кристофер Крейтону о геройстве его далекой военной юности (С. 343):

В 1995 году мой лечащий врач заявил, что я должен получать военную пенсию. Проверив мой послужной список, он даже предсказал примерную сумму компенсации. Старые влиятельные друзья убедили меня подать

официальную просьбу о назначении такой пенсии. Комиссия решила, что я лишился 40 процентов трудоспособности и компенсацию должен получать еще с марта 1945 года. Мне назначили щедрую сумму в пятизначных цифрах... В расчет были приняты ущерб и психологическая травма, явившаяся результатом того, что мне пришлось убивать людей, не готовых к обороне и иногда даже совершенно невинных.

Награда — пенсия — и через 50 лет, что называется, нашла героя. Как же это случилось?

В списках разведчиков Крейтон не значится, но...

О дальновидный начальник разведки, посадивший вместо Крейтона в пловучую тюрьму некоего беднягу под его именем! Этот-то бедняга, отвечавший на письма отца Крейтона почерком его сына и заработал пенсию, возможно, и не совсем обычным образом.

Врач-предсказатель, по-видимому, нашел какие-то лазейки в законе. А заявки Крейтона психологических травмах при убийствах людей, не готовых к обороне и иногда совершенно невинных, наводит на мысль: не служил ли Крейтон в плавучей тюрьме исполнителем смертных приговоров?

И тогда он подпадал под определение сотрудника учреждения, исполнявшего определенный вид работы по убийству приговоренных к смерти. Поскольку все другие убийства, скажем, по линии разведка не сохранились, а архивы пловучей тюрьмы такие убийства сохранили.

Врач подсказал Крейтону-Девису, что его после плавучей тюрьмы комиссовали по состоянию здоровья (эти-то документы есть), то за это у английского правительства нужно просить компенсацию.

И опять приходится обращаться к подлинным документам о пенсиях в английской армии. Примером здесь могла бы послужить операция «Минсмит», о которой рассказал Ивэн Монтегу, чтобы напомнить Крейтону и читателям книги «Загадка Бормана» каким об-

разом начислялась пенсия во время войны в английской армии и, по-видимому, в разведке.

В отличие от стран, где пропавшие без вести числились миллионами, в Англии каждый военный был на виду. В газетах печатались списки погибших. Когда фамилия якобы убитого офицера Мартина появилась в газетах, чтобы обмануть немецкую разведку, пенсионная служба немедленно потребовала данные на убитого: кому направить пенсию за погибшего?

И английской разведке, которая при помощи вымышленного Мартина ввела в заблуждение немецкую контразведку, стоило больших трудов окольными путями, не посвящая никого в суть дела, изъять пенсионное дело, которое было заведено на Мартина.

О разведчике Крейтоне пенсионный отдел и через 50 лет не вспомнил. Хотя у Крейтона-Девиса в наличие украденный Мартин Борман, возвративший правительству Англии все награбленное фашистами, 278 рядовых свидетеля, Ян Флеминг и четыре дюжины генералов.

Но нет элементарного: ни ордена за подвиг, ни мундира, ни пенсии. И только через 50 лет проницательный врач, наслушавшись рассказов сидельца плавучей тюрьмы, подсказал ему, что с английского правительства можно кое-что урвать.

Если, конечно, восторженный рассказ о пенсии, которая нашла героя через 50 лет не очередная байка Крейтона. Впрочем, пенсионное дело Джона Девиса не поздно поднять и сейчас...

* * *

После такого прочтения книги «Загадка Бормана» Кристофера Крейтона теперь, надеюсь, любому мало-мальски икскушенному читателю понятно вынужденное кислое признание издательства «Саймон и Шустер»?

Издательство без малейших на то оснований

*...полагалось в определенной степени на заверения
ее автора, Кристофера Крейтона, в подлинности опи-*

сываемых событий. Однако оно не смогло в ходе независимого расследования добыть подтверждения его версии. Даже наоборот, докуменотальные данные часто расходятся с тем, что изложено в книге.

Ответ: «Байки Крейтона», известные как книга «Загадка Бормана», мистификация, выполненная по своетским образцам. Книга облегчает задачу тем, кто хотел бы похоронить тайну нациста № 2 — личного агента Сталина при Гитлере. Как это неопровержимо, на мой взгляд доказал Льюис Килзер своим расследованием «Предавший Гитлера».

Но байки Крейтона подхватили компиляторы. Например, С. Демкин, создавший из чужих цитат сборник «Великие тайны спецслужб» (М. 2002, с. 448). В качестве великой тайны фигурирует там и топорная подделка Кристофер Крейтона.

Правда, наряду и с утверждением Тартаковского о Бормане — советском разведчике. Английские спецслужбы открестились от не проходящего по их спискам самозванного разведчика-похителя Бормана, чьи изложения в книге расходятся, как подчеркивают издатели, с документанными данными.

Издатели прямо признают, что этот вымысел — на совести Крейтона. Но в «Великих тайнах спецслужб» Демкин приводит фотографию этого якобы английского разведчика Джона Девиса и на всякий случай бросает ему спасательный круг (С. 145):

Оставшуюся часть жизни Мартин Борман прожил под чуждой фамилией, в 1973 году умер от рака и, по слухам, похоронен на Немецком кладбище в Москве.

Если считать эту версию правдой, то возникает вопрос: как быть с утверждением английского разведчика Джона Девиса, что он лично вывез Бормана из Берлина в Англию в последние дни войны?

Скорее всего, британская разведка действительно подготовила такую операцию, и она проходила так, как

описывает Девис. Этому было много свидетелей. Но в Лондоне не учли важный момент. По достоверным данным, у Бормана был двойник. Его-то в последний момент партайгеноссе и подсунил англичанам. Для двойника это был единственный шанс спасти свою жизнь, поэтому он делал все, чтобы обман не раскрылся раньше времени. Конечно, в Англии быстро обнаружили, что вывезли не того, кто был нужен. Но британские службы постарались скрыть досадную ошибку даже от участников этой операции.

О том, как проходила операция, мы уже рассказали. Подтверждение английских издателей более весомо, чем домыслы С. Демкина. Даже если бы спецслужбы умудрились надуть сразу 178 участников операции с 28 проверяющими, скрыли от участников досадную ошибку, то и тогда хотя бы десяток из них, а разразились бы книгами воспоминаний. Они-то про ошибку не знают?

Участники геройского рейда, наоборот, не зная об ошибке, во всю бы расписывали свое геройство. Но дело в том, что этот подвиг — вымысел чистейшей воды.

Так что великодушное (недалекое) предположение С. Демкина «Загадку Бормана» не спасает. Но с этой-то поделкой все ясно: книга не заслонила предыдущего вопроса о Бормане советском агенте.

Проблема по-прежнему остается. И она заключается в том, что если считать Бормана советским разведчиком, то как могло случиться внезапное нападение Германии на СССР?

Служба в чужой разведке ставит много таких проблем перед человеком попавшим в разведку. Каким бы ни был Штирлиц — герой без страха и упрека, но в кино «17 мгновений весны» Штирлиц заставляет попавшегося коллегу кричать, чтобы за дверьми кабинета фашисты понимали, что он действительно пытается вражеского разведчика. Но представьте, сколько ему нужно было релязно пытаться, выбивая признания из заваченных в

плен разведчиков, чтобы преданной работой дослужиться до такого чина и занять такую должность?

При возвращении таких разведчиков на родину им предлагали, прежде всего, сдать ордена противников, которые они заработали в стране, куда были посланы.

Разобраться в тайне Мартина Бормана — разобраться в тайных пружинах Второй Мировой войны.

ТАЙНА МАРТИНА БОРМАНА В КНИГАХ ЛЬВА БЕЗЫМЕНСКОГО И ДРУГИХ ПОИСКОВИКОВ

Один из неутомимых охотников за нацистами Фриц Бауэр причастен к поимке бывшего штандартенфюрера СС Вернера Хпайде, Личность в СС по-своему известную. Исповедуя доктрину о том, что социализм нужно строить только молодым и здоровым, фашистский профессор разрабатывал массовые убийства инвалидов и больных. После войны скрывался в заранее подготовленных укрытиях. У него-то и провел несколько дней Мартин Борман.

Такой поворот событий не должен удивлять. И в ранге советского агента, но следящего за перемещениями товарищей по фашистской партии, Борман мог появиться, чтобы не угасала легенда о его побеге в Южную Америку, а заодно... сдать бывший партайгеноссе.

Тайну Бормана с неожиданной стороны проясняют специализированные книги Льва Безыменского. Можно сказать, крупного специалиста по Борману. Сначала писатель кружил за нацистом № 2 по Латинской Америке. Была такая установка и необходимость разыскивать его там. Теперь вот понадобилось найти Бормана на месте его окончательной гибели.

Если в предыдущих книгах Безыменский отыскивал следы Бормана в Латинской Америке, что могло оказаться

и правдой, контролируемой из СССР, то теперь ему понадобилось разобраться с Борманом таким образом, чтобы ни в коем случае не дать улизнуть.

См. его книгу «Человек за спиной Гитлера» (С. 22):

Сразу можно задуматься: Борман, это воплощение нацистского духа, — и вступил в нацистскую партию только в 1927 году? А где номер в СС? Вопросов много — тем интересней нам будет заняться выяснением некоторых обстоятельств его жизни. Для этого перенесемся в 20-е годы.

А почему у Безыменского нет интереса мысленно перенестись немного раньше — на год-два, чтобы выяснить некоторые еще более интересные обстоятельства жизни молодого Мартина Бормана?

Безыменский произвольно переносится в 1923-й год. А начало 20-х годов оставил у Бормана без должного внимания. Восполним пробелм открьвом из книги Виктора Суворова «Самоубийство» (М. 2000. С. 97):

...К этому следует добавить, что в биографии Мартина Бормана было некоторое пятнышко, которое он старалась не выпячивать. В 1919 году он воевал в Прибалтике против Красной Армии. И попал в плен, в спецлагерь в районе Осташкова. В то время лагерь-монастырь находился в подчинении Региструпра. Это учреждение, сменив несколько вывесок, в настоящее время известно под названием ГРУ. В начале 20-х годов главной задачей Региструпра и его начальника товарища Уншлихта была подготовка коммунистической революции в Германии. В Осташкове Региструпр держал пленных иностранцев. Там будущий заместитель Гитлера мотал срок в 1920 и 1921 годах. Тот, кто с оружием в руках выступал против Красной Армии, подлежал уничтожению. Тем более — иностранец. Но молодого Бормана пожалели. А потом и вовсе отпустили. С миром. Иди в свою Германию, мы тебя прощаем...

От выводов В. Суворова советские историки (иных в России пока нет, они только зарождаются) отмахиваются. Уже сложилась целая библиотека из книг отрицателей Суворова. Но здесь возразить знатоку биографии Бормана Льву Безыменскому, видимо, нечего. Если исследовать хотя бы это пребывание Мартина Бормана в советском концлагере, то и тогда становится понятным, что за этим что-то стоит не очень простое.

Из недавнего прошлого историки Второй Мировой войны знают, что немецкие военнопленные не могли вернуться в Германию из СССР если они не подписав соглашения о сотрудничестве с КГБ. Те, кто таких соглашений не подписывал, попросту из плена не вернулся. Отсев пленных был таков, Из 295 тысяч сдавшихся с Паулосом выжило всего 5 тысяч.

В книге П. Павленко «Мартин Борман «серый кардинал» о концлагере ГРУ нет. Но понятие «серый кардинал» и его дела цубеждают в том, что реально политику в Германии творит не вождь немецкого народ Адольф Гитлер, а Мартин Борман. С его приказами уничтожения евреев и комиссаров.

Напрасно подобное искать и в ранних, и в поздних книга Безыменского о Бормане, о Гитлере, о войне. Создается даже впечатление, что в каждой своей очередной книге он страется не пояснить вопрос, а запутать его. Но поскольку Безыменский часто приводит мало-доступные документы, то можно их прочесть по-иному.

ОДНА ЗАПИСНАЯ КНИЖКА БОРМАНА ДЛЯ БЕЗЫМЕНСКОГО, ДРУГИЕ – ДЛЯ ОСТАЛЬНЫХ

Последняя книга Льва Безыменского о нацисте № 2 имеет позаголовок «Мартин Борман и его дневник». Скрупулезно — день зща днем прослежены записи, по-видимому, одного из дневников. Напечатан поименный список упомянутых на его страницах — от первой до

последней. Казалось бы, объективность достойная похвалы. Но не будем торопиться.

Все же одна из знаковых фамилий там отсутствует.

В варианте дневника, дотошно изученном Безыменским, этой фамилии нет. Но дневники и записные книжки Мартина Бормана не исчерпываются попавшими в руки писателю. Эта известная среди разведчиков фамилия, которая многое бы прояснила, фигурирует в другом, доступном и упоминаемом писателем месте.

В главке «Приложения» указано все, что прикладывалось к заключительному докладу франкфуртской прокуратуры к «уголовному делу против Мартина Бормана...» На стр. 378 обращает внимание пункт —

V. Записная книжка обвиняемого.

Писатель изучал записную книжку, приложенную к уголовному делу во Франкфурте? Или специально для Безыменского изготовленную Борманом на даче в Подмосковье? Потому что очень разнятся исследования Льва Безыменского и Льюиса Кизлера.

Впечатление такое, словно наци № 2 вел одну записную книжку для Льва Безыменского, которая легла в основу его книги «Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник», а другую для Льюиса Кизлера и его книги «Предавший Гитлера. Мартин Борман и падение Третьего Рейха».

Эта заметная разница записных книжек Бормана проявилась в том, что Льюис Кизлер приводит в своей книге фотографию странички из записной книжки Мартина Бормана, на которую давно пора обратить внимание всем заинтересованным в поисках истины. Особенно отъечественным поисковикам. По фотографией в книге Кизлера подпись:

Страница из записной книжки Мартина Бормана. Запись «Реслер... Отель «Грюнвальд» может и не иметь смысла, но эта запись единственная в книжке, где при-

водится фамилия без имени. Не мог ли это быть тот самый Реслер, который был также агентом советской разведки «Люси»?

Может, и над этими словами, как и над книжкой Тапртаковского, Безыменский будет давиться от смеха?

Для тех исследователей, кто над историей не смеется, а пытается найти объяснения любым документированным событиям, какими бы фантастическими они не казались на первый взгляд, приводим справку из книги «Тайная жизнь Мартина Бормана» (М. 2004. С. 10):

***Реслер, Рудольф.** Кодовое имя «Люси». Журналист Реслер сумел получить доступ к потрясающе осведомленным источникам информации в немецко-нацистской элите. Среди них был «Тедди», «Ольга» и «Анна». А в ОКВ у него был осведомитель по кличке «Вертер», который помог Сталину выиграть войну.*

Другой поисковик Влад. Иванов в книге «Призрак рейслятера Бормана» рассуждает о записных книжках и дневниках наци № 2, мол, в разных местах их собрана целая коллекция. На наших исследователям достался дневник специфический. Без упоминания Реслера.

Рудольф Реслер — фамилия советского агента, с которым Мартин Борман встречался (или наметил встречу?) в гостиннице «Грюнвальд». Юлиан Семенов знал о Реслере из записной книжки наци № 2. Вспомните, что Штирлиц у Семенова считает Мартина Бормана светлой личностью среди нацистов.

В трудную минуту Штирлиц, зная, по-видимому, о Генеральном Соглашении между Гестапо и НКВД и приказы Бормана о евреях и комиссарах, ищет помощи у него и встречается с ним — светлой личностью среди фашистов. Но где они могли встретиться? Не в обозначенной ли в записной книжке гостиннице «Грюнвальд»?

Киношная встреча Штирлица с Борманом за кадром. Тоже вопрос не из простых: почему судьбоносную

для Штирлица встречу с Борманом создатели «Семнадцати мгновений весны» оставили без внимания?

Приходится предположить, что как бы ни страляся Юлиан Семенов представить Мартина Бормана светлой личностью на том основании, что он работает на советскую разведку. Но по документом знал Семенов, что светлой личности из Бормана у него не получится.

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ НА ПУСТОМ МЕСТЕ

Сотрудник ЦРУ Джеймс Маккговерн в своей книге «Мартин Борман», вышедшей в 1968-м году, выделил 4 версии о судьбе наци № 2, которые можно было составить на основе проверенных и неверенных слухов:

1. Борман — советский агент, который помог Сталину выиграть войну. После войны жил в СССР.

2. Борман — агент британской разведки, которого 2 мая самолетом «Интеллидженс сервис» доставила в Лондон, где он стал экспертом по германским делам.

3. Борман — беглец в Аргентину, где основал колонию из бывших нацистов, чтобы бороться за возрождение национал-социализма в новых условиях.

4. Борман погиб (2 мая 1945), похоронен в Берлине.

О каждой из этих версий написаны книги. Осталась неустребованной награда в 100 тысяч немецких марок, которые были выделены тому, кто задержит Мартина Бормана. Много времени и печатных страниц поиску наци № 2 отдал Лев Безыменский.

В последней книге Льва Безыменского, как и следует ожидать, на сей раз присутствуют неожиданные, но поразительные находки. Описания поисков скелета Бормана у Безыменского хотя и повторяют уже известную книгу Мариана Подковиньского «В окружении Гитлера» (М. 1981, с.184), но здесь важно отметить те детали, которые писатель намеренно опускает.

На берлинском участке земли, которую два-три раза перекапывали, а весной 1965-го года чуть ли не через сито

просеивали, в 1972-м году вызрел прямо-таки исторический урожай с достойной находкой (С.360):

...7 декабря 1972 года рабочие обнаружили в яме, которую рыл экскаватор, два скелета. На следующий день в той же яме нашли челюсти с зубами, а 12 марта там же обнаружили золотой мостик. Все эти находки — скелет № 1 (предположительно Штумпфеггер) и скелете № 1 (предположительно Борман) — подвергли тщательному медицинскому освидетельствованию.

Находки с 7 декабря и уже 12 марта следующего года хотя и впечатляют, но вызывают ряд вопросов.

Хотя Безыменский приводит в книге свидетельство служащих почтамта о том, что Людвиг Штурмфеггер был похоронен 8 мая 1945-го года вместе с другими солдатами на бывшей выставочной территории «Альпендорф» в берлинском районе № 40, Инвалидштрассе, 63.

А ведь любопытно же узнать: каким образом, точнее, по чьему приказу или заданию скелет Штумпфеггер, который при свидетелях был похоронен с другими солдатами в совершенно другом месте, неожиданно в нужное время перекочевал в яму к черепу Бормана?

Если, согласно устоявшемуся мнению, которое никто не опровергал, Борман и Штумпфеггер вышли из рейхканцелярии вместе, то их общая гибель и общая яма подтверждают, что они погибли на боевом посту.

В книге Мариана Подковиньски, привлеченного в качестве как бы независимого эксперта, «В окружении Гитлера» есть любопытное описание поисков (С. 167):

Выводы в пользу того, что найден скелет Бормана, основывались также и на других фактах. В обеих черепках были обнаружены осколки стеклянных капсулок изпод цианистого калия, с помощью которого Борман и Штумпфеггер покончили с собой. На костях черепа, приписываемого Борману, около правой глазной впадины обнаружена явная деформация. Это след от трав-

мы, которую он получил, попав в серьезную автомобильную катастрофу.

Борман с боевым товарищем не могли нигде раскутить капсулы с цианситым калием где-то у себя в кабинетах, а непременно, выйдя из рейхканцелярии и под обстрелом у горящего танка?

Не будь письма сочувствующего почтальона Альберта Крумнова вдове Штумпфеггера, откуда нам знать, что личный врач фюрера похоронен в другом месте?

Но, видно, мало было объединить один труп и один череп в одной яме, в которой в 1965-м году ничего не было обнаружено, нужны и более веские доказательства.

И Безыменский приводит эти, как ему кажется, бесспорные доказательства в новой книге (С. 362):

...По поводу скелета № 2 эксперт приходит к заключению, что череп и скелет № 2 с большой степенью вероятности могут быть индентифицированы как принадлежащие обвиняемому... Идентичность черепа № 2 и скелета № 2 (малого) с личностью Мартина Бормана можно считать доказанной с вероятностью, граничащей с безусловной.

Возможно, что это и так. У читателей книг Безыменского и других поисковиков понарошке теперь уже вырисовывается иная картина. Если раньше это была картина бегства, то теперь — это картина гибели.

А, к примеру, у доктора Хью Томаса картина, на наш взгляд, более приближена к реальности.

Если Безыменский не приводит фотографии предполагаемого черепа Бормана, то в книге Хью Томаса «Двойники. Правда о трупах в берлинском бункере» фотография этого самого черепа № 2. Подпись под черепом повествует об ином:

Череп Мартин Бормана. В каких бы передрыгах ни побывал этот отделенный от скелета череп, открыт он был в 1972 году на Ярмарочной площади Юпала. В отличие

от черепов, найденных в Берлине и его пригородах, череп этот покрывал густой слой красной глины. Несмотря на это было установлено, что Борман и Штумпфеггер были убиты при попытке бегства из Берлина. Судя по черепу это не соответствует действительности.

Но убитым при попытке к бегству зачем еще при этом и раскусывать ампулы с цианистым калием?

Второе, если это «отделенный от скелета череп», то тут загадка зловещей: куда же подевался сам скелет?

Ни про ампулы с ядом, ни про отделение черепа от скелета в книгах Безыменского нет.

Но загадка разрешилась: труп на радость поисковикам найден. Именно в той почве, которую уже трижды просеивали сквозь сито. Красной глины на нем нет.

Борис Павлович Гартаковский при чтении книги «Двойники» покачивал головой и говорил, что не иначе кто-то замазывал слоем красной глины с кладбища парагвайского города Ута на реальном черепе реального Бормана следы... московской земли.

Обилие книжек о Бормане не случайно. До последнего момента идет выяснение: если был разведчик такого ранга, то можно ли его жизнь и биографию использовать как учебник патриотизма и героизма?

Но жаль, что картина получается удручающей: такая жизнь товарища Бормана не может служить примером и бросает тень на оба социализма — советский и фашистский. Отсюда, по-видимому, запуски на телевидении пиманоских уток и кнги Льва Безыменского.

Разведчики из Люфтваффе и пехотных войск тоже снабжали Москву ценными сведениями, но...

Вывод советского писателя в его новой, теперь, понятное дело, с иными прицелами книге, звучит не так как в предыдущих. Уже, оказывается, по Безыменскому, по следам Мартина Бормана бегать никуда не нужно, потому что полностью и окончательно (С. 365):

Это значит поставлена последняя жирная точка в головокружительно истории поисков «человека за спи-

ной Гитлера». Он мертв, он погиб в Берлине на рассвете 2 мая 1945 года.

Но это — всего лишь очередное заклинание Льва Безыменского. Кстати, подобное заклинание есть и в журнале «Штерн», который публикации о наци № 2 закончил на такой же веселой ноте:

Дело можно закрыть навсегда с пометкой: МАРТИН БОРМАН УМЕР 2 МАЯ 1945 ГОДА.

Ну и уточнил бы «Штерн», как умер Борман?

От полученных ран или все в разгар боя раскусив ампулу с цианистым калием зачем-то рядом с танком, за которым он прятался?

Если Мартин Борман, весь целиком, допустим, погиб на рассвете 2 мая 1945-го года в Берлине, то куда из Берлина подевался его скелет? А, возможно, кто-то решил, что состарившийся скелет наци № 2 не подходил для мистификации и хранится где-то в другом месте?

Опять приходится обращаться к книге известного американского журналиста Льюиса Килзера «Мартин Борман: предавший Гитлера». Рядом с черепом Бормана в книге есть снимок еще одного черепа с пояснением:

Череп, найденный вместе с предполагаеммы черепом Бормана. Найденный также во время земляных работ в Юлапе в 1972 году, он соседствовал со скелетом крупного мужчины, и земля на нем ничем не отличалась от обычной берлинской земли. Предположительно это череп Людвиг Штумпфеггера, личного врача Гитлера времени окончания войны и отравителя семейства Гейбельсов. Череп интригует отсутствием части, аккуратно удаленной от него хирургическим путем.

Здесь мы вправе задать вопрос: «Что за шутники измазали череп Бормана густым слоем глины красного цвета, судя по всему, с кладбища парагвайского городка Ута. Да еще в то счастливое мгновение, когда не пыт-

ливый археолог, а всего лишь строитель, прокладывавший траншею для водопроводной сети, случайно обнаружил в земле череп и останки человека.

Мариан Подковиньски пишет, цитируя журнал «Штерн», в книге «Окружение Гитлера» (С. 165):

...Вскоре на место прибыла полицейская группа. Останки сфотографировали, затем стали осторожно разгребать землю, и тогда оказалось, что здесь же лежит еще один скелет.

О себя писатель делает существенное добавление:

Стоит напомнить, что семь лет назад (в 1965 году) по распоряжению прокуратуры именно на этом месте, на территории, где раньше устраивались выставки, неподалеку от Лертер Банхоф, уже искали труп Бормана. Между прочим, это было связано и с публикациями в «Штерне», в которых на основе всякого рода слухов и бесед со многими очевидцами бегства Бормана из горящего Берлина делался вывод о том, что вопреки домыслам Борман мертв и что, по всей вероятности, как раз тут его похоронили в 1945 году. Но верили этому не все.

В книге и еще одно интересное сообщение (С. 168):

Оба скелета были обнаружены в каких-нибудь 20 метрах от места, где в 1965 году велись поиски трупа Бормана. Тогда ориентиром для определения местав предполагаемого захоронения Бормана служили три дерева. Таких деревьев оказалось больше, но не все из них пережили войну. Как бы там ни было, но и на сей раз оба скелета обнаружили в земле тоже неподалеку от трех деревьев, хотя и в противоположной стороне от того места, где искали в прошлый раз.

Все дело в том, что три дерева и земля вокруг них здесь не при чем. В прошлый раз был 1965 год. Двадцатилетие Победы. Судя по всему, Борман был еще жив. А в 1972, году по свидетельству Бориса Тартаковского,

его уже не было в живых, так что нужный скелет при надобности вполне мог бы оказаться в нужное время и в нужном месте. И обнаружить скелет Бормана где угодно уже могли совершенно спокойно.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОСТОРОННИХ ДОБАВИМ К СВИДЕТЕЛЬСТВУ ЗНАЮЩИХ

Не только проницательному Шерлоку Холмсу, но и его простоватому другу доктору Ватсону понятно, что решение выдать труп Бормана и обмазать череп красной глиной приняла не простая группа людей. Кому-то важно было похоронить тайну Бормана, подбросив на всякий случай и парагвайский след, чтобы уже окончательно запутать тех, кто стал бы думать о Бормане как о советском агенте.

Агентом можно быть при любом раскладе — и погибшим, и бежавшим в Латинскую Америку, и улетевшим в Лондон. Тайна Бормана обозначена Тартаковским в его повести: «Мартин Борман — советский агент».

Но это, по-видимому, одна из тайн. Одна из посетительниц на книжной выставке-ярмарке во Франкфурт-на-Майне, увидев верстку книги о Бормане, вспомнила рассказ дяди — немецкого офицера, бывшего в плену в России. По ее словам, самые поразительные открытия о Бормане впереди. По ее словам, мы еще многое о Бормане узнаем с удивлением. Более конкретно женщина ничего не сообщила, а только посожалела, что так она запомнила слова дяди. Тогда ей в силу возраста все это было не интересно, а сейчас — собирает книги о Бормане: что же дядя мог иметь в виду?

Чтобы уже окончательно запутать историков, поскольку в тайне Бормана, как в матрешке, несколько тайн — одна страшнее другой. Проанализируем только то, что напечатано в открыто печати. В книге Игоря Дамаскина «Сто великих разведчиков» (М. 2003) чита-

ем по интересующему нас вопросу в очерке «Шандор Радо» пишет об одном из разведчиков (С. 375):

...С 1937 года в качестве нелегального резидента он (Анулов — Москович) находился во Франции, откуда руководил агентурной сетью в Швейцарии. В числе приобретенных им агентов был швейцарский журналист Отто Пюбнер, взявший себе оригинальный псевдоним «Пакбо», то есть «партийная канцелярия Бормана», подчеркивающей, что его информация исходит как бы из самых верхов нацистской иерархии.

Представьте. В группе советских разведчиков, которую исследователи связывают с Мартином Борманом, находится шутник, взявший за чем-то слишком уж прозрачный (для знающих) псевдоним. Об этом упомянуто несколько раз. Но никто эту шутку разведчика не объясняет. Выходит: это — дым без огня?

Если подобную книгу писал не компилятор, то наверняка попытался бы побольше разыскать об этом шутнике, Отто Пюбнере. Или хотя бы поставить такие вопросы, ответы на которые обычно дает время.

За всеми трагедиями разведчиков, для которых собственнo начальство порой было страшней противника, просматриваются нити невидимого кукловода (С. 378):

В апреле 1938 года Анулова неожиданно отозвали в Москву. (Его наградят орденом Ленина, но почти сразу же арестуют и осудят на пятнадцать лет. Впоследствии он будет реабилитирован и доживет до 1974 года.)

Перед отъездом Анулов передал Шандору Радо «Пакбо» и других агентов. С этого времени Радо становится главой резидентуры, получившей незамысловатое имя «Дора». Она еще невелика, и ее главным источником является пока «Пакбо». К этому времени уже есть много ценных связей...

«Пакбо» сам себя именовал «партийной канцелярией Бормана». По-видимому, в расчете на то, что всерьез

такой псевдоним никто воспринимать не будет. Но за его шутку, по-видимому, и поплатился Анулов, награжденный орденом Ленина, а потом упрятанный в советский концлагерь. Кукловоды разведчиков, представляя подчиненного на высшую награду в стране, как-то же формулировали свое представление — за что наградить?

А когда лишали наград и званий, усаживая не скамью подсудимых, как-то объясняли поведение Анулова и его вину, за которую определили 15 лет концлагеря?

Даже читателю дамских детективов ясно, что объединить действия Анулова орденом Ленина и концлагерем могла только воля кукловода, заинтересованного в том, чтобы какие-то действия швейцарской группы разведчиков никогда не стали достоянием гласности.

Вот, скажем, показания тещи Мартина Бормана.

Понятно, что теща — она и в фашистской Германии теща. В книге С. Раткина «Тайны Второй Мировой войны» (Минск, 1995) приведен любопытный документ. Но опять же — документально подтверждение в духе тех, которые призваны зафиксировать живого Бормана... на Западе. Вызванная в прокуратуру Франкфурта-на-Майне, фрау Хиллегард Бух — бабушка десяти внуков Бормана сообщила о своем высокопоставленном зяте буквально следующее (С. 289):

Я не знаю, жив ли обвиняемый Мартин Борман, Но насколько я знаю, в 1949 году он был еще жив... Однажды к нам пришли два неизвестных мне человека, Они наедине беседовали с моим мужем. Это были штатские, они вошли в наш садик и заговорили с моим мужем. Один из них был безусловно немцем... Я полагаю, что мой муж счел вполне достоверным сообщение о Мартине Бормане, которое доставили вдвое в штатском. Вечером после этого визита, когда мы легли спать, мой муж сказал мне о Бормане: «А эта свинья все-таки живет!»

Поясним для несведущих: теща Бормана, бабушка его десятерых детей, разговаривает с мужем — извест-

ным председателем суда чести гитлеровской Германии Вальтером Бухом, Если из ночного разговора родителей его жены Герды мы узнаем, что эта свинья — Борман все-таки жила в 1949-м году, то каким образом эта свинья умудрилась погибнуть 2 мая 1945-го года?

Хороший вопрос. На него отвечает подзабытый «Призрак рейхслятера Бормана» Влад. Иванова (М. 1988, тираж 100 тыс. экз.). То было время поисков Бормана подалее от СССР.

Писатель подробно разбирает книги о Мартине Бормане русского эмигранта Виктора Александрова «Мафия СС», Ладислава Фараго «То, что было потом», а также книгу американского журналиста Пола Мэннинга «Заговор Молчания» о находках трупов на Инвалиштрассе в захоронении, которую, как считается, Мюллер инспирировал по приказу Бормана.

О «Заговоре молчания» Вл. Иванов пишет (С. 116):

Теперь о книге Пола Мэннига, собственно и побудившей меня вернуться к делу бывшего рейхслятера. Вместе с ним я разделяю мнение, что Борман сумел благополучно бежать, из осажденного Берлина вв ночь с 1-го на 2-е мая 1945 года.

Бежать, разумеется, по мнению автора, книги только в одном тогда, в 1986-м году, разрешенном советской цензурой направлении — куда-нибудь на Запад.

КУКЛОВОД ЗА СПИНОЙ ГИТЛЕРА

В названии книги Л. Безыменского интрига — «Человек за спиной Гитлера». Но художник изобразил на обложке по наитию на первом плане самого Бормана, а уже у него за спиной вождя немецкого народа. Художник, словно подчеркнул мысль Б. Тартаковского о том, что если бы в свое время — в сентябре 1931-го года Борман не выкупил у полицейских (у папаши Мюллера) порнографические фотографии фюрера и его племянни-

цы, а так же смелые рисунки Гитлера, где обнаженная племянница в раскованных позах натурщицы, найденные при обыске, то тот визуальный материал вычеркнул бы из политики деятеля по фамилии Гитлер.

Но кому-то же очень нужно было, чтобы именно этот политик непременно остался на политическом горизонте Германии. С уходом Гитлера проблематичной стала бы война, нужная для мировой революции.

В тайне гибели Гели Раубаль скрыта тайна совершенно иного плана, и ставящая под большое сомнение версию ее самоубийства. По-видимому, не могла молодая женщина, два года назад родившая от Гитлера сына, покончить с собой, оставляя без матери малыша, в котором отец отец души не чаял, но усиленно скрывал от общественности. Так что и помимо порнографических фотографий и рисунков было что скрывать Гитлеру.

А с другой стороны судьба вождя немецкого пролетариата волновала товарища Сталина и советским разведчикам (Судоплатову, Футу) запрещено готовить на него покушения. Если смотреть далеко вперед, то предупредить войну можно было в самом зародыше — убийством автора «Майн Кампф», разглагольствовавшего о жизненном пространстве за счет земель в России.

Но из 62 покушений на Гитлера ни одно не связано с советской разведкой. И еще вопрос: а если бы Гитлер вместо того, чтобы тут же расформировывать абвер, как только Канарис начал подозревать Бормана, взял да хотя бы разок и не проигнорировал очевидные признаки утечки информации у него из-под носа?

Своей книгой Льюс Килзер подтверждает, что ничего особенного при этом не произошло бы (С. 365):

Известны также случаи, когда приказы распространялись лишь в письменном виде, а не радиошифровкой. <...>при подготовке к сражению под Курском Гитлер приказал не передавать планы предстоящей битвы по радио. Они были изготовлены в количестве три-

надцати бумажных экзепляров. Гителр приказал не делать никаких копий и не сообщать никоу подроbnсоти и деталей плана. И все же, несмотря на все предсторонжности, «Вертер» смог буквально в тот же вечер передать текст в Центр.

Когда Гитлер потребовал найти в его окружении шпиона, Борман тут же и нашел нужного шпиона. И даже не одного. Это была любовница Фоггеляйна и сам офицер, женатый на сестре Евы Браун.

А стали бы копать поглубже, хотя уж и копать уже не было кому, то, как знать, не всплыли бы те непотребные фотографии фюрера с обнаженной Гели, которые в сентябре 1930-го года Борман выкупил у Мюллера, с которым теперь работал по якобы дезинформации?

Вспыла бы тогда истории и с сыном Гитлера, который под засекреченной опекой воспитывался у надежных людей. Но, по его рассказам, часто виделся со своим отцом, сохранилась масса фотографий Гитлера, где он фотографировался с сыном, который позже оказался в США, сделал карьеру инженера.

Если эту тайну многие годы кто-то оберегал и долгое время она была неразгаданной, став известной благодаря настойчивому и удачливому мастеру журналистских расследований Аде Петровой, то представляете, сколько неизвестного еще со временем откроется?

Вот чего, по-моему, не могут признать исследователи, запутвшись с наци № 2 и спешно отправляя «серого кардинала» при фюрере Мартина Бормана то в Латинскую Америку, то в Англию, то таинственным образом приканчивая его в ночь на 2-е мая 1945-го года.

С момента, когда Сталин дал указание советским исследователям считать Мартина Бормана сбежавшим на Запад (маршрут № 1), писатели Страны Советов там его многие годы усиленно и небезуспешно искали.

Но в шутке Сталина — доля шутки.

ОСТАЛАСЯ ЛИ У ТОВАРИЩА ГИТЛЕРА ХОТЯ БЫ ОДИН СЕКРЕТ, О КОТОРОМ БЫ НЕ ЗНАЛ ГЕНОССЕ СТАЛИН?

Отношение геноссе Гитлера к товарищу Сталину любопытно во многих отношениях. При победе над СССР Гитлер не намерен смещать Сталина с его поста. Как руководитель — жестокий, беспринципный и коварный, Сталин нравится Гитлеру, поэтому дальнейшую карьеру Сталина Гитлер видел в роли туземного царька, который за Уралом будет вместе с остатками народа строить свой интернациональный социализм.

Отношение Сталина к Гитлеру сложнее. Если товарищ Сталин с трогательной заботливостью продвигал вождя немецкого пролетариата Адольфа Гитлера к власти, то не сам же он его двигал?

Этому во многом способствовала разведка, которая в указанные годы наводнила Европу, а Германию считала своей вотчиной. Здесь советские разведчики могли проводить любые акции: какая-то тайная сила берегла их от провалов. Их если и уничтожали, как носителей тайн, то не на месте работы в Германии, а в Москве.

Сталину настолько не терпится видеть Гитлера у власти, что поздравления Сталина вместе с поздравлениями из Ватикана первыми ложатся на стол нового главы Германии. Вместе с тем, наравне с Гестапо, Сталин оберегает Гитлера и своим разведчикам (Судоплатову, Фуксу) строго-настроено приказал даже не думать о покушениях на товарища Гитлера.

Фюрер нужен Сталину живой, по-видимому, управляемый. При засилье разведчиков в Берлине встает вопрос: был ли хоть один орган власти в Третьем Рейхе, в который не был бы недрен советский разведчик?

Ада Петрова в книге «Тайна Гибели Адольфа Гитлера» приводит рассказ одного из знающих участников

событий тех дней в апреле 1945-го года в Германии, в которых он участвовал (С. 283):

Перед последним штурмом Берлина все политработники были собраны на совещание, которое проводилось Смершем. Нам было сказано, что на немецкой территории мы можем встретить наших разведчиков, носящих немцкую форму. При встрече они должны назвать пароль «Витков» (или «Квитков»). В таких случаях политработники были обязаны обеспечить безопасность этих людей.

Можно только представить напшигованность всех мало-мальски значимых учреждений советскими разведчиками. Речь, как видим, идет о массовом явлении, тотальном. Один из таких случаев описан в книге «Вильгельм Леман» («Брайтенбах»). Оказывается, задолго до прихода к власти Гитлера, с 1929-го года, в полиции (помимо Мюллера) на Сталина работает Леман. Его № 201.

Но и его № 201-й не крайний же и не на нем заканчивается нумерация разведчиков, внедренных во многие структуры Третьего Рейха?

В дружках у № 201-го (это из третьей сотни агентов считай) некто под № А-70. Пьянчужка, хапуга и хвастун. За ним понаблюдали со стороны. Полученные деньги тратить не умеет. Ну за него и держаться не стали: при массовости подобного материала от исчезновения № А-70 никто не пострадает.

На украденные из Германии документы на Лубянке уже и так сейфов не хватает. № 201-й помощник Мюллера. Так что их сообщения хоть вместе, хоть порознь и проверить можно тут же и ценности они большой.

19 июня 1941-го года Леман сообщил: 22-го июня Германия начнет войну против СССР. Его сообщения подшили к еще 267 таким же сообщением. В книге «Сто лучших разведчиков» рассказывается как жизнь Лемана оборвалась из-за предательства пербезжчика (С. 340):

Никаких данных о следствии и суде по делу Вилли Лемана ни в делах гестапо, ни в других трофейных немецких архивах не сохранилось. Его дело не обнародовалось и, скорее всего, даже не докладывалось фюреру. Это был декабрь 1942 года, и разъяренный поражением под Сталинградом Гитлер мог выместить злость на руководителях гестапо: ведь враг в лице Лемана свил гнездо в самом сердце Третьего Рейха. По-видимому... понимая это, они без суда расстреляли или замучили его в своих подвалах, А, возможно, «папаша» Мюллер просто застрелил его в своем кабинете.

Скорее всего, так оно и было. Признание дорогого стоит. Мюллер не просто шеф гестапо. К нему давно приставлен помощник со стороны советской разведки. Это еще со времен следствия по делу мнимого самоубийства Гели Раубаль, папаша Мюллер работает на советскую разведку. А что расстреливал в служебном кабинете, так это же школа Дзержинского, Ягоды, Ежова, Берии... Кстати, с Берией они друзья и вместе разработали план окончательного решения еврейского вопроса.

Но вернемся к книге Льюиса Килзера (С. 374):

...Если Борман через Мюллера-гестапо посылал в Центр самые настоящие нацистские секреты, то почему бы ему не воспользоваться аналогичной схемой при передаче тайных донесений в Швейцарию?

А в Швейцарии сообщения Мартина Бормана, по-видимому, и попадали к тому самому Рудольфу Реслеру из записной книжки, которую Л. Безыменский не удостоился прочитать. Или надо предположить: речь о двух записных книжках Мартина Бормана, которые ушлый нацист (советский разведчик?) вел одновременно.

Одну — персонально для советского писателя, мол, выстраивай свою нужную тебе версию, а другу — для Льюиса Килзера и ему допобных. Потому-то у Килзера есть объяснение тому, что у Бормана в Швейцарии дом и квартира (в Боднзее), куда он мог и Реслера пригла-

силь, а Безыменский подобные факты даже не рассматривает, сосредоточившись теперь на окончательной гибели Мартина Бормана в ночь на 2 мая 1945-го года.

Были и сообщения агентства дорожающего своей репутацией «Ассошиэйтед Пресс» (сентябрь 1948) о том, что «Борман жив и находится в руках русских».

А с 1949-го года французские журналисты заставили разговориться Александра Фута, которому Сталин запретил организовать покушение на Гитлера. О своем коллеге Реслере Фут сказал буквально следующее:

Люси был способен с немыслимой быстротой получать разведывательные данные, касавшиеся секретов высочайшего уровня. Между моментом, когда немецкий генеральный штаб принимал решения, и поступление информации в Центр не всегда проходило даже 24 часа, что, необходимо сказать, ненамного превосходит время, которое требуется для того, чтобы зашифровать, расшифровать сообщение. Для того, чтобы действовать так быстро, «Люси» должен был иметь постоянную возможность поддерживать контакт с немецким Верховным командованием.

Помимо Рудольфа Реслера был «Падбо». Личность до сих пор не проясненная с его загадочным псевдонимом, ведущим прямо в канцелярию Мартина Бормана.

Поскольку у Безыменского и у Килзера читатели разные, то их можно условно разделить на два отряда, которые в одном Мартине Бормане видят двух совершенно несовместимых людей. Для одних он — нацистский преступник, осужденный на Нюрнбергском процессе. Для других — советский разведчик, возможно, даже тайный Герой Советского Союза. Или — или.

Но жизнь сложнее наших представлений о ней.

Вот, например, Сталин и Гитлер были убеждены, что оба построили в своих странах социализм. И если бы не война, то Гитлер бы построил немецкий коммунизм, а

Сталин советский. Война должна была выявить преимущества одного социализма над другим.

Находясь в гуще одного социализма — немецкого, социализма гитлеровского образца, Борман служил и другом социализму — сталинского образца. Поэтому Борман остался недоволен речью Гитлера, сказавшему в 1944-м году, что он откажется от государственного социализма. Борман считал, что нельзя отказываться от того, что является светлым будущим всего человечества.

По-видимому, в концлагере ГРУ в Осташкове, где Мартину Борману основательно прочислили мозги в 1920-21 годах на политзанятиях и по поводу подготовки коммунистической революции в Германии и по поводу строительства социализмов различных образцов.

Так что вполне возможен вариант, при котором один и тот же человек мог быть одновременно и преступником национал-социализма и разведчиком интернационального социализма. Разница между этими двумя разновидностями человеческого помешательства невелика. Льюис Килзер пишет (С. 349):

Борман принес России не меньше пользы, чем пятьдесят красноармейских дивизий.

Что же, не зря жевал советский хлеб в лагере-монастыре в начале 20-х годов. По мысли Тартаковского Мартин Борман вполне заслужил быть Героем не меньше раз, чем Жуков или какой иной военачальник.

Если даже не заглядывать в архивы, а только собрать все те публикации, которые есть в открытой печати, то и по ним видно, что в Германии и лично у товарища Гитлера не осталось ни единого секрета — военного, промышленного, в области изобретений и открытий, о которых не знал бы Сталин. См. книгу «Секреты Гитлера на столе у Сталина» (М. 1995).

А если кто-то хоть краем уха что-нибудь слышал о любом немецком секрете, который не был бы украден

советской разведкой, просьба сообщить о таком секрете радостную для немецкой контрразведки весть, и мы с этим секретом разберемся в следующем издании книги.

МАРШРУТЫ ПОБЕГА МАРТИНА БОРМАНА ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ – ИХ ВОЗМОЖНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ?

Лев Безыменский пока исследовал всего один из дневников Мартина Бормана. Объективность же требует привлечения всего доступного материала. Если стали доступны материалы о сидении Бормана в плену в начале двадцатых годов в спецлагере Региструпра (нынешнего ГРУ) Виктору Суворову, то почему такой специалист по Борману как Безыменский старается делать вид, что такой информации не существует, начиная свое повествование о наци № 2 уже с 1923-го года.

Другими словами, с того времени, когда молодой Борман, пройдя обучение в спецлагере Региструпра, начинал свое восхождение к вершинам власти. И это ему было несравненно проще, чем Гитлеру, потому что за ним стояла финасовая мощь СССР, и он мог не только выкупить компрометирующие документы и фотографии Гитлера, но и существенно помогать ему.

Вместо кропотливой, но необходимой работы Безыменский избрал прокурорскую категоричность (С. 365):

Так меняются времена: в 1971 году немецкий разведчик и по профессии заклятый антикоммунист Гелен хотел сделать Бормана советским агентом (ах, не хорошие советские разведчики), а в 1991 году советский автор хочет вплести в лавры советской разведки такой же сомнительный листочек. Ведь место для оригинала Штирлица не занято!

С логикой у Л. Безыменского явно плоховато. Сначала ведь надо попытаться выяснить, кто в 1920-21 го-

дах в разведшколе Региступра пытался сделать из Мартина Бормана советского разведчика?

А потом переходить к Гелену. И Гелен многое бы порассказал о Бормане, но его попросил лично Конрад Аденауэр не делать этого, поскольку не Германия предстанет в негативном свете, а Советский Союз, который руками Сталина взрастил Гитлера, вооружил и спровоцировал на войну. Аденауэр — политик национального масштаба — считал, что сенсация — советский разведчик наци № 2 — как бы она не будоражила умы одураченных в этом случае немцев, но она отодвинет или даже помешает воссоединению Германии.

Здраво рассудив, Гелен, по-видимому, и прислушался к мнению канцлера ФРГ. В конце концов объединение страны важнее для немецкого народа важнее, чем истина, которая не украшала ни Гитлера, ни Сталина, поскольку все гонения на евреев, которые благословлял Борман, устраивали и того, и другого.

А то, что в 1991-м году Борис Тартаковский взялся за эту тему, тоже ничего удивительного: такую тайну ни в одни сверхсекретные сейфы не упрячешь.

Хотя в **Примечаниях автора** Лев Безыменский и указывает, что в работе использован архив Международного военного трибунала в Нюрнберге, документы Федерального архива ФРГ и Института современной истории (Мюнхен), но многое писатель все же упустил, точнее, по-видимому, сознательно не включил в книгу.

Разговор о потаенной жизни Бормана давний. Уже в ходе Нюрбергского процесса о Мартине Бормане заговорили как о советском шпионе. И разговор вели не досужие кумушки на завалинке, а генералы СС.

Приведем примеры из сборника «Тайная жизнь Мартина Бормана» (М. 2004). Составители правильно сделали, объединив повесть Бориса Тартаковского «Мартин Борман — советский разведчик» и книгу Люси Килзера «Предавший Гитлера» (С. 351):

По мере того, как масштаб и влияние Бормана в ходе Нюрбергского процесса становились все яснее, старые нацисты начали задаваться вопросом: какому же хозяину служил заместитель фюрера? Шпеер отмечал. «Мне казалось, что на него произвела большое впечатление карьера Сталина, который также начал свой путь как секретарь Ленина».

Другие выражались куда решительнее. Мартин Борман, подозревали они, был самым настоящим «кротом», двойным агентом высочайшего уровня, которому удалось остаться необнаруженным благодаря своей безжалостной готовности убивать якобы выловленных, пусть даже и беззащитных врагов Третьего рейха. Глубоко внедрившийся «крот» с идеальной «крышей». Готлиб Бергер, генерал СС и начальник штаба у Гимmlера, отмечая, что Борман «за все эти (военные) годы причинил больше всех вреда», доказывал в Нюрнберге, что Борман был советским шпионом. «Это убеждение относительно Бормана, — сказал Бергер, — по-моему мнению, получит подтверждение в дальнейшем».

В дальнейшем это каким-то образом и подтверждалось, хотя на страже всевозможных утечек по вопросу о Бормане и поставлены такие писатели, которым, по видимому, очень бы не хотелось докопаться до правды.

Возможно, это и не так, но такое впечатление складывается — от книги к книге. И становится непонятно: почему все разговоры и предположения немецких генералов на Нюрбергском процессе не только никак не объяснены, но даже и не упомянуты в книгах?

А ведь Готлиб Бергер был не единственным, кто считал Бормана советским разведчиком.

Дотошный Шпеер, подсчитав убытки, которые Германия понесла из-за действий и приказов Бормана, и подытожив суммарно нанесенный им вред строительства фашистского социализма, назвал действия заместителя фюрера национальным бедствием и прямо заявил:

Союзники должны были объявить Бормана Героем Советского Союза.

Почему же такие сведения и многие подобные сообщают зарубежные исследователи, а не отечественные?

В сборнике «Тайная жизнь Мартина Бормана» Льюис Килзер пишет по этому поводу (С. 352):

Отто Олендорфер весьма эрудированным эсэсовский генерал, ответственный за смерть 90 000 евреев и других национальностей на Восточном фронте утверждал, что Борман был русским шпионом. Каким еще образом, спрашивал он, можно объяснить стратегическую пользу, которую действия Бормана приносили врагам Германии? «То, что Борман работал на Кремль в 1943 году, является доказанным фактом».

Доказанный факт для эсэсовского генерала — вовсе никакие не доказательства писателей, у которых совершенно иная задача: отвести подозрения от Бормана.

Да что там генералы, если даже адмирал Канарис, давший Борману кличку «серый большевик», собрал достаточно доказательств, чтобы предъявить Борману обвинение, но тот определил главу абвера (С. 352):

— *Пауль Леверкуэн, помощник адмирала Канариса, сообщил, что Канарис был взволнован ситуацией, сложившейся после обнаружения «Красной капеллы», когда стало ясно, что сеть добралась до собственной квартиры Гитлера и, возможно, до его заместителя Мартина Бормана.*

Защитник Бормана на Нюрбергском процессе доктор Фридрих Баргтольд сказал жюри, что его подзащитный, «вероятно, мертв или задержан русскими оккупационными властями». Откуда такие предположения?

Немецкая газета «Эхо дер Вохе» тогда же вышла с сенсацией на первой полосе «Мартин Борман сталинский гаулейтер?» Был и отклик на эту статью. Как многие предполагают, за эти ответом угадывался Борман.

И тогда сам собой напрашивается вывод, что для того и писались советские книжки о Бормане, чтобы убеждение гитлеровских генералов, озвученное ими в 1946-м году, не стало достоянием гласности в СССР.

Нечего противопоставить Льву Безыменскому и другим, пишущим о Мартине Бормане, и такому утверждению Льюиса Килзера, которое имеет все признаки документального доказательства (С. 353):

Из разнообразных источников поступали сведения о том, что Борман был опаснейшим из всех шпионов Сталина. Агенты нашли одну из любовниц Бормана, Марию Рубах Шпагенберг, и с великим удивлением узнали, что она была участницей немецкого коммунистического подполья, а это явно был совсем другой тип людей, с которыми казалось бы, должен иметь дело секретарь фюрера. Шарлотта Поллекс, подруга фрау Шпагенберг, описала актрису как «маленькую, хрупкую, белокурую и обладавшую удивительной привлекательностью для не слишком красивых мужчин». И все же она подтвердила, что Шпагенберг активно участвовала в работе германской коммунистической партии. Американцы вскоре узнали от осведомителя, работавшего с «Красной капеллой», что немецкий профессор по имени Вернер Клефе «был одним из связных между Борманом и Советами». Высокопоставленный католический священник сообщил американскому субагенту, «что Мартин Борман в течение продолжительного времени в заключительный период войны работал с русскими и немецкими коммунистами. Когда русские вошли в Берлин, Мартин Борман представил русскому офицеру некие верительные грамоты и был доставлен в Москву. Подразделение контрразведки 970-го американского корпуса сообщило в штаб, что ими « в недавнее время получена информация, в которой есть намеки на возможность нахождения Бормана в руках русских, и такая возможность является вполне вероятной. В 1949 году

американская военная разведка сообщила, что, по сведениям из «надежного источника» «Мартин Борман по распоряжению Комнформа был недавно назначен руководителем «Красной капеллы» в Германии.

На перекрестке трех точек зрения, рассматриваемых в книгах о Бормане, вполне возможно приподнять завесу над тем, кто и для чего фальсифицирует историю?

Если уж присутствовавший на Нюрнбергском процессе Лев Безыменский опускает собранные Кизлером упоминания о Бормане как советском шпионе, то на то должно быть важная и известная самому Безыменскому причина. Один из американских судей (Френсис Бидл) настаивал: Бормана нужно признать мертвым и не судить, как не судили мертвого Гитлера. Но остальные судьи с его мнением не согласились: судить!

А при таком повороте событий забеспокоились советские товарищи. В документах Нюрнбергского процесса и появилась лазейка — для Мартина Бормана. На случай, если он когда-нибудь будет обнаружен:

Если Борман жив и будет впоследствии арестован, Контрольный Совет по Германии... может рассмотреть любые смягчающие обстоятельства и изменить или ослабить вынесенный ему приговор, если найдет нужным.

Ну и кто по-вашему из воевавших против строителей социализма Германии стал бы искать смягчающие обстоятельства для оправдания действий Бормана?

Лев Безыменский в книге «Человек за спиной Гитлера» (М, 1999) приводит хронологию поисков (С. 344):

1945 год. Писатель Генрих Линау видел Бормана поезде Гамбург — Фленсбург. Неподалеку от границы с Данией на станции Вейхе Борман сошел с поезда.

1946 год. Газеты американской зоны сообщили показания людей видевших Бормана.

1947 год. Бормане видели в Австралии. В Египте. Писали о его проживании в Испании.

1948 год. Суд Верхней Баварии признал: Мартина Бормана считать пропавшим без вести.

1950 год. Газета «Кристелинг дагблат» (Копенгаген); о Бормане в Южной Африке. Английская «Рейнольд Ньюс»: о Бормане, который скрывается в Южной Испании. Сообщения немецкого журналиста Карл Гейнц Кернера, видевшего Бормана в Испанском Марокко,

1951 год. Парижская «Фигаро», австрийские и западно-германские газеты перепечатали заявление бывшего депутата рейхстага: Борман жил в Чили как Хуан Годец, вернулся в Испанию. Очевидец узнал Бормана в рясе монаха. Сообщение о Бормане в Аргентине.

1952 год. Итальянский партизан видел Бормана у доминиканского монастыря. Сообщение о Бормане в монастыре св. Антония в Риме.

1953 год. Признание бывшего эсэсовца, якобы видевшего Борман в Чехословакии.

1960 год. Пойманный Адольф Эйхман утверждает, что Борман жив. Всплеск сообщений: Бормана видели в Испании. Израильские газеты о Бормане в Аргентине. О смерти Бормана в Аргентине в газетах Англии.

1961 год. Обильные урожаи сообщений о Бормане. Прокуратура Франкфурта-на-Майне открыла следствие о «бегстве военного преступника Бормана».

О появлении Бормана в разных странах Стивенсон Уильям написал книгу «Бормановское братство» (1983), где собрал доказательства встреч Бормана с соратниками то в одной стране, то в другой. Могло ли быть столько Могло ли быть стоко мистификаций за многие годы?

МАРТИН БОРМАН ВО ГЛАВЕ ВЕРВОЛЬФА?

Когда для многих в разных странах стало ясно, что в войне социализм товарища Сталина одерживает верх над национальным социализмом геноссе Гитлера, юные патриоты Германии начали готовиться к широкомасштабной партизанской войне за свое светлое будущее.

Ставка в будущей войне на юношеские отряды, принявших название «Вервольфа». Вот их инструкция:

Господь отказался от защиты людей... Командование взял на себя сатана... Мы, вервольфовцы, считаем своей основной задачей убивать, убивать и убивать врага, используя самую малейшую возможность, темноту ночи, появляясь в городах и деревнях, подобно волкам и действуя бесшумно и мистически...

Вл. Маяковский большевиков называл волками революции, которые сожрали кадетов и еще 98 политических партий в России 1917-го года. В 1945-м году немецкие волки объявляли свой приговор Европе.

Молодежь вливалась в ряды «Вервольфа» по 5000 еженедельно. Школьники-патриоты горели желанием отстоять терпящую поражение родину с ее первым на планете обществом социализма одной нации. Ребята обучались знакам тайной связи, условиям работы в подполье, взрывным работам. Цель одна: если родина потерпит поражение, они возродят Четвертый Рейх.

Офицеры организовали для этого «Эдельвейс».

Свое рождение вождь немецкого рабочего класса Адольф Гитлер рассматривал как появление в новом облике Фридриха Барбароссы. Фюрер верил, что в иных исторических условиях — в более благоприятном для национал-социализма времени он снова возродится — теперь в новом облике. Но опять-таки на благо немецкого народа. А чтобы приблизить это время, нужна победа...

Нити возрождения Четвертого Рейха с денежными активами держал в своих руках Мартин Борман. Ада Петрова пишет в книге «Тайна смерти Гитлера» (С. 106):

В 1946 году государственное казначейство США оповестило союзников, что Борман разработал сломенный план распространения специальных фондов через различные организации — порядка 200 на Пиренейском полуострове, 35 — в Турции, 98 — в Аргентине, 214 — в

Швейцарии — в основном для научно-исследовательских институтов, расположенных вблизи озер и гидротехнических сооружений, для финансирования скрывающихся в них под видом ученых деятелей будущего Четвертого рейха.

Здравый смысл подсказывает, что показания тех, кто видел Мартина Бормана после войны, никак не могут состоять сплошь из мистификаций. Больше того, в показаниях очевидцев легко усмотреть видимую зависимость двух маршрутов побега Мартина Бормана. И указанный Сталиным в сторону Запада (маршрут № 1 для поисков) и побег в Москву (скрытый маршрут № 2).

А поездки Бормана по разным странам после войны как раз и связаны с планами намеченного возрождения Четвертого Рейха. Появление Бормана в разных странах — неопровержимое подтверждение мысли Бориса Тартаковского о нем, как советском агенте.

Во-первых, появление Бормана в разных странах не давало угаснуть его легенде о побеге на Запад: появлялись новые публикации, книги и т.п. С другой стороны — начисто отменялась мысль о советском агенте.

Так построено линейное мышление людей: не станет же бежавший в Москву советский агент появляться где-нибудь в Аргентине среди соратников?

Пытливый исследователь Льюс Килзер приводит в своей книге фотографию банковского счета с девятизначными цифрами именно в Буэнос-Айресе:

Редкий документ из архивов Центрального бюро секретной полиции МВД Аргентины: совместный счет Бормана и президента Аргентины Перона в Дойчебанке Буэнос-Айреса. Мартин Борман имел банковские счета во многих городах: в Берлине, Цюрихе, Буэнос-Айресе, Нью-Йорке.

Как видим, даже президент Аргентины Перон не смог бы воспользоваться деньгами нацистов без Бор-

мана. Такие финасовые ловушки, как и планы возрождения социализма фашистского образца, как и подпольную борьбу за него Мартин Борман замкнул на себя, справедливо полагая, что только таким образом можно все держать под контролем. Но за этим всем, просматривается, конечно же, не только энтузиазм Бормана:

В конечном итоге, что же могло означать?

А это и значило бы, что без него, Мартина Бормана, не могла сдвинуться работа ни на одном важном участке — ни на финансовом, ни на военном.

Встречаясь с партийными соратниками по партии (немецкими соратниками по строительству национал-социализма), Борман уже, по-видимому, под контролем советской разведки парализовал все то, что было настроено на возрождение Четвертого Рейха.

Удивительно, но все, кто видел Бормана и помогал ему после 1945-го года на Западе, потом как-то раскрывали себя, попадали в руки правосудия, исчезали. И громадьте планов по возрождению национал-социализма, не стало заметным явлением в послевоенной Европе.

Щедрое запасное финансирование, склады оружия и боеприпасов, многочисленные, хорошо укомплектованные отряды Вервольфа юных патриотов, готовых на героизм, самопожертвование, личное мужество и храбрость — ведь они выросли при социализме и готовы были его защищать — все это оказалось парализованным. Ни одного заметного выступления или даже проявления в послевоенной Европе нечего это получило.

По нашему мнению, это говорит о скрытом, но профессионально умелом противодействии, парализовавшем движение по возрождению Четвертого Рейха, а нацистские преступники, которых покрывали власти в ГДР, в ФРГ исправно отправлялись за решетку.

Режим в ГДР по сути ничем от гитлеровского не отличался, поэтому в нем пристроились почти все фашистские функционеры и офицеры вермахта.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА В ГЕРМАНИИ И В СССР

На конференции в Эвиане (Франция, 6-15 июля 1938) ее участники во главе с США, Англией и Францией отказались предоставить убежище еврейским беженцам из гитлеровской Германии.

Гитлер, в чьих жилах текла еврейская кровь и чей дед похоронен на еврейском кладбище, сказал в Ванзее 30 января 1939-го года:

— Одну вещь я хочу сказать в этот день, который, может быть памятен, не только нам немцам: в течение своей жизни я часто выступал пророком, за что меня обычно осмеивали. В период моей борьбы за власть я сказал, что однажды возглавлю государство и нацию и тогда, наряду со многими другими, решу и еврейскую проблему. Именно евреи первые встретили мои пророчества смехом. Их смех, некогда такой громкий, теперь, как я полагаю, застрял у них в горле. И сегодня я опять буду пророком: если международные еврейские финансисты в Европе и за ее пределами сумеют еще раз втянуть народы в мировую войну, то результатом войны будет не большевизация мира, а уничтожение еврейской расы в Европе.

Для такой программы нужны соратники и исполнители. Соратники на уровне глав государств и рядом исполнители крупного масштаба. Соратники у него есть. И первым из них — Сталин, осуществлявший государственный антисемитизм с 1927-го года. Но Сталин похитрее Гитлера, поэтому по его приказу почти на все высшие посты в ГУЛаге назначены евреи.

Гитлер произносит свою речь, имея на руках подписанное с СССР Генеральное Соглашение о полном и окончательном решении еврейского вопроса. Льюис

Килзер заостряет наше внимание на том, что Борман был главным орудием Гитлера в Холокосте, что подтверждают приведенные в книге документы. Борман и в СССР у Сталина был бы отличным исполнителем.

Приведенные в книге Килзера документы, разработанные Мартином Борманом, направлены на уничтожение евреев и славян, в первую очередь украинцев, которым перед этим Сталин устроил Голодомор (С. 349):

Он очень рано начал оказывать Сталину бесценные услуги. В 1941 году, когда Германия могла обратиться против советской власти миллионы украинских националистов, Борман решил, что те заслужили только «порабощение и сокращение численности». Он сказал тогда: «Славяне должны работать на нас, а когда они станут не нужны, то могут умирать». Поставленные перед выбором: или немецкий геноцид, или политическое доминирование Советов, украинцы выбрали жизнь и тем самым разрушили надежду немцев на легкие завоевания».

В вопросе об украинцах Мартин Борман, как видно, разделял убеждения Сталина — творца Голодомора на Украине и без войны в 1932-33 годах. Но был в Европе и еще народ, на уничтожение которого Гитлер и Сталин смотрели одинаково. Льюис Килзер пишет (С. 349):

У евреев Восточной Европы не было такого выбора. Когда они оказались под властью немцев, именно Мартин Борман выпустил приказы, которые сделали его, по словам нюрбергского обвинителя, «главным организатором программы организации голода, деградации, ограбления и истребления евреев». Борман создал новую отрасль немецкой промышленности — промышленность смерти, которая пожирала драгоценные ресурсы и отрывала силы от военных фронтов. «Именно Борману, — гласит обвинение, — было поручено распространение и реализация приказов фюрера относительно одного и окончательного решения так называемой еврейской проблемы».

А теперь представьте этого обвиняемого в роли советского агента. Сталин в решение проблемы вносил особый вклад. Официальный антисемитизм в СССР, подогреваемый борьбой с Троцким и троцкистами, т.е. теми же коммунистами, но евреями, радовал сердца истинных фашистов. На почве антисемитизма и произошло сближение Сталина с Гитлером.

Каждый выпад Сталина против евреев не остается незамеченным в Берлине и встречается с восторгом.

В Москве, — радостно записал Геббельс в дневнике в 1937-м году, — снова показательные процессы. Снова, очевидно, против евреев. Радек и прочее. Сталин прижмет евреев.

Тогда же у строителей национал-социализма в Германия возникла здравая мысль — объединить усилия со строителями советского социализма в вопросе полного и окончательного решения еврейского вопроса. Смычка коммунистов и фашистов стала неизбежной.

И вождь немецкого пролетариата Гитлер и отец всех народов (кроме еврейского) Сталин задались вопросом: почему бы им, строителям социализмов, не объединить свои усилия в борьбе с евреями?

После взаимных сверхтайных консультаций на уровне начальников спецслужб обеих стран было решено, что для решения этой сложной задачи нужно одно — объединить усилия карательных органов Германии и СССР — Гестапо и НКВД. Понятно, что Гитлер и Сталин координируют подготовку этого важного объединения.

И вот уже на крыльях Люфтваффе в Москву прилетел папаша Мюллер. Человек здесь известный очень узкому кругу, но такому кругу, в котором вырабатываются решения, способные повлиять на жизни миллионов людей. Мюллера-гестапо знают с того времени, когда он продал Борману фотографии и рисунки Гитлера при расследовании дела об убийстве Гели Раубаль.

Мюллер прилетел не с пустыми руками, а с готовым документом, который был согласован с Гитлером, и где излагалась стратегия решения полного и окончательного решения еврейского вопроса. После согласования документа со Сталиным он был подписан.

Документ, который подписан в Москве между двумя службами Германии и Советского Союза, опубликован. Текст документа мы приводим по книге Романа Перина «Ловушка для бесов» (СПб. 2001. С. 32)

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

О сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности.

гор. Москва

11 ноября 1938 г.

Народный Комиссариат Внутренних Дел Союза СССР, далее по тексту НКВД, в лице начальника Главного Управления государственной безопасности 1 ранга Лаврентия Берии, с одной стороны, и Главное управление безопасности национал-социалистической рабочей партии Германии в лице начальника четвертого управления (ГЕСТАПО) Генриха Мюллера, на основании доверенности № 1-448/12-1, от 3 ноября 1938 г., выданной шефом Главного Управления Рейнхардом Гейдрихом, далее по тексту ГЕСТАПО, с другой стороны, заключили настоящее Генеральное Соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи между НКВД и ГЕСТАПО.

Генеральное Соглашение — 9 параграфов и приложение — Протокол № 1. Документы с особым грифом РАССЕКРЕЧИВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ.

В параграфе 2 (пункт 2) ясно определены цели (С. 33):

п. 2. Стороны поведут борьбу с общими основными врагами:

— международным еврейством, его международной финансовой системой, иудаизмом и иудейским мировоззрением.

При подписании такого важнейшего документа, разворачивающего карательные машины двух государств на уничтожение еврейства, почему сам Гейдрих не прилетел в Москву? Чем он так занят в Германии?

А Гейдрих тем и занят в Берлине, что прилагает все усилия к тому, чтобы положения Генерального Соглашения как можно быстрее претворить в жизнь. Официально документ еще не подписан, но поскольку ни у него, ни у Гитлера нет сомнений, что Генеральное Соглашение будет подписано и со стороны СССР и его саттелитов, а также управляемых из Москвы коммунистических партиях многих стран возмущений и протестов не будет, они уже начинают претворять его в жизнь.

В Москве Генеральное Соглашение подписано 11 ноября, а ударники его выполнения с немецкой стороны даже чуть предвосхищают его: 8 ноября 1938-го года по всей Германии начаты погромы. Гейдрих занят воплощением в жизнь духа и буквы этого Соглашения. Это — важнее. А подмахнуть бумажку — и Мюллера хватит.

После этого немецкая и советская стороны начали подписывать менее важные бумажки: Торговое Соглашение — 19 ноября 1938 года...

Но каким образом НКВД и ГЕСТАПО, выполняя ГЕНЕРАЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ, могли полностью и окончательно решить еврейский вопрос?

У Гитлера руки развязаны, а Сталину каково с его официальным интернационализмом? И, тем не менее, погромы шли синхронно. Гитлер устроил «Хрустальную ночь». Сталин провел два закрытых процесса «о создании национального еврейского центра». Была запрещена еврейская газета «Дер Эменс». Приговорен к смерти и расстрелян председатель Земельного союза евреев.

Применялось и чисто восточное иезуитство. По совету Сталина начальниками концлагерей ГУЛага, как правило, назначали людей исключительно с еврейскими корнями или фамилиями.

ЧЬЕЙ КРОВЬЮ СКРЕПЛЕНА ДРУЖБА СТАЛИНА И ГИТЛЕРА?

На полную мощность заработало Генеральное Соглашение о полном и окончательном решении еврейского вопроса при братском разделе Сталиным и Гитлером, завоеванной ими Польши. См. А. Трубайчук в книге на украинском языке «Брудершафт двух диктаторов» (Киев, 1993, С. 253):

550-650 тысяч евреев и 1200 тысяч поляков сразу же были признаны немцами «непригодными к ассимиляции» и фактически обречены на гибель... Не отставали от своих эсэсовских и гестаповских коллег и энкеведисты. 1,5 миллионов польских и еврейских «буржуев» было немедленно в товарных вагонах перевезено в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан... За поляками и евреями туда же в Сибирь отправили «классово чуждых» элементов из «бартьев-украинцев» и «братьев-белорусов». Таких набралось самое малое 1,2 миллиона.

Почти все польские офицеры — 21857, которые, спасаясь от немецкой оккупации перешли на сторону Советского Союза уничтожены в Катыни, под Харьковом, в монастырях Вологды...

Когда Андерс попытался собрать из поляков армию, то он безуспешно разыскивал пропавших офицеров по советским концлагерям. На свои запросы Андерс получал издевательские ответы Сталина о том, что все офицеры бежали из плена и дружно ушли куда-то в Сибирь, судя по всему, в Китай. След их потерялся.

Немцы потом отыскивали след этих офицеров под Смоленском. В расстрельных ямах вместе с офицерами оказалась и ненавистная Сталину интеллигенция Польши — священники, учителя, инженеры, врачи...

Алан Буллок в книге «Гитлер и Сталин» (Смоленск. 1994. С. 452) пишет об 11 миллионах погибших на окку-

пированной польской территории. Потери составили 17,2 % населения. Так что когда Сталин в ответ на телеграмму Риббентропа по случаю своего 60-летия рапортовал Гитлеру о дружбе СССР и Германии, скрепленных кровью, то они оба знали чьей кровью скреплена дружба двух социализмов.

СКОЛЬКО ДОКЛАДОВ О НАЧАЛЕ ВОЙНЫ РАЗВЕДКА ПРЕДОСТАВИЛА ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ?

В сказку о том, Сталин не знал о нападении Германии на Советский Союз, больше никто не верит. Но при этом оправдания для Сталина придумывают разные: доверился Гитлеру, такой простак. Не был сам готов к войне, поэтому не верил в нападение друга, с которым подписал договор о ненападении и Генеральное Соглашение об окончательном решении еврейского вопроса.

Задним числом ничего не изменить, но все же из исторического любопытства попытаемся узнать: сколько конкретно докладов от своих многочисленных разведчиков о нападении Германии получил Сталин?

Прежде всего необходимо уяснить: сколько таких разведчиков было и насколько они были близки к нужным для Сталина секретам?

Когда Мюллер приезжал подписывать Генеральное Соглашение об окончательном решении еврейского вопроса, по-видимому, с ним была проведена большая подготовительная работа: упражнения в шифровании, в радиоделе, в способах связи.

Что-то утаить от советской разведки начальнику ГЕСТАПО никак бы не получилось: его правая рука — советский агент Вильгельм Леман. Криминалькомиссар и гауптштурмбанфюрер СС.

Чтобы укрепить позиции Мюллера-гестапо, ему обещано при случае сдать «Красную капеллу» — собрание идеалистов, чьи добытые секреты ничего не стоили и чья конспирация не выдерживала никакой критики.

Имея такого агента как «Вертер», можно было безболезненно жертвовать ненужными пешками, чтобы не создавалось впечатление о бездействии гестапо.

Когда заклятые друзья Гитлер и Сталин затеяли войну друг против друга, еврейский вопрос приобрел особое значение, как бы и не влиявшее на ход войны.

Оказалось, Рейнхард Гейдрих с ГЕСТАПО и Кондрат Пономаренко с партизанами выполняли подписанное между Германией и СССР Соглашение о полном и окончательно решении еврейского вопроса. Хотя многие евреи воевали в партизанских отрядах, но были и такие случаи, о которых рассказал Евгений Гай в книге «Минское гетто» (Нью-Йорк, 2005).

Писатель разыскал и опубликовал радиogramму, в которой Пономаренко приказывал командирам партизанских отрядов не принимать беглых евреев в партизанские отряды, поскольку они наверняка подосланы немцами и являются агентами гестапо. Итоги радиogramмы Пономаренко: из 135 тысяч евреев минского гетто уцелело 5 тысяч. Война между народами шла своим чередом, а уничтожение евреев согласно Генеральному Соглашению продолжалось с двух сторон.

Как носители тайн уничтожались и разведчики. В первую очередь те, кто имел неосторожность с точностью до часа предупредить Сталина о начале войны.

См. книгу Л. Килзера «Предавший Гитлера» (С. 166):

...Сталин приказал перевести свои разведывательные службы на девятьсот миль восточнее, в Куйбышев. НКВД и Четвертое управление Генерального штаба (ГРУ), воспользовавшись случаем для того, чтобы развернуть новые чистки. В подвалах Лубянки было расстреляно триста офицеров и агентов. Одновременно было эвакуировано в Куйбышев и замучено большое количество старших офицеров. По словам Берии, «было указано быть беспощадно. Это была настоящая мысорубка».

Уничтожали носителей тайн, как жгут документы и уничтожают улики, которые могут скопрометировать.

А тайна, которую нужно было упрятать навечно, была одна — скрытые методы Сталина по развязыванию войны. Бить беспощадно разведчиков указано Берии не Мюллером-гестапо, с которым они подписали Генеральное Соглашение, а своим службам.

То, что разведчики не получили от гестапо на чужбине, сполна компенсировали им на Лубянке.

Советские разведчики и агенты. Только с июня 1940-го года они предоставили Сталину 271 доклад с датой начала войны. Последовательность такая: июнь — 7 докладов. Июль, август, сентябрь — 19, 13, 9. До нового года в октябре, ноябре, декабре — 4, 5, 7. Маловато.

Но зато в январе 1941-го сразу 12 докладов о подготовке Германии к нападению на СССР. Ближе к войне тревожность нарастала: февраль, март, апрель — 13, 28, 51 доклад. В мае месяце 43 доклада. А между первым и 22-м июня 60 докладов с точной датой нападения.

Могли бы такие разведчики уцелеть у Сталина?

А представьте разведчики уцелели бы и написали свои воспоминания, как Анатолий Гуревич. Добавьте с неясную смутную картину 300 томов участников деяний разведки. Какие бы мы имели добавления к тому, что знаем из официальных источников?

Даже о менее затуманенной картине нападения на Польшу мы не все знаем до конца. Мюллер прилетел в Москву за несколько месяцев до братания двух творцов Второй Мировой войны — Стали и Гитлера. И что-то подсказывает историкам: партию первой скрипки в том славном дуэте играл не Гитлер.

Они оба — вождь всех времен и народов (кроме евреев, разумеется) и фюрер немецкого народа перед нападением на Польшу решили сверить часы.

Гитлер напал на Польшу. А Риббентроп ежедневно через Шуленбурга засыпал Кремль телеграммами: когда же геноссе Сталин откроет Второй фронт?

Сталин открыл Второй фронт 17 сентября 1939-го.

Союзники, поделив завоеванную Польшу, отпраздновали победу общими военными парадами советских и немецких войск. В Бресте на трибунах принимали парад союзников выпускники советской танковой школы сокурсники Г. Гудериан и комбат С. Кривошеин.

В Гродно советско-фашистские военные колонны приветствовал на параде В. Чуйков. Прошли совместные военные парады в Гродно и Пинске...

Любопытны в книге Лыса Килзера «Предавший Гитлера: Мартин Борман и падение Третьего Рейха» рассуждения в главке «Архангел» (С. 389-390):

Обычно расследования уголовного дела можно считать практически законченным, когда детектив доказывает мотив подозреваемого, возможность и средства совершения преступления. В случае с Борманом возможность обеспечили стенографистки и видимость его личной преданности Гитлеру. Хотя как «тень Гитлера» Борман не имел в собственном распоряжении никаких средств, при помощи которых можно было передавать разведанные кому-либо в Швейцарии, зато у гестапо они имелись. Борман и Мюллер-гестапо отлично поработали в ходе радиоигры. Записи «большой игры» показывают, что эти двое имели связи с Москвой и предавали Третий Рейх.

Когда-то на вопрос: сколько процентов правды в его книге о Бормане и в книге Крейтона, Борис Павлович Тартаковский ответил, что в его книге процентов 40 правды, остальное — догадки, книга Крейтона — сплошная липа. Никому не пришло в голову свести авторов — русского писателя Бориса Тартаковского, доказывающего, что Борман был советском агентом и увезен в Москву в мае 1945 года, и Кристофера Крейтона, утверждающего, что это он возглавил похищение Бормана и доставку его в мае 1945 года в Англию,

В книге «Тайная жизнь Мартина Бормана. Предавший Гитлера» (М. 2004) издатели поставили рядом исследования Льюиса Килзера и Бориса Тартаковского.

На последней странице издания на фоне памятника безголовому Гитлеру — подведенный издателями итог:

Реальность порой бывает удивительнее самого невероятного вымысла талантливого писателя. Долгие годы кропотливой работы в ранее засекреченных архивах привели известного американского журналиста Льюиса Килзера и советского исследователя Бориса Тартаковского к ошелепляющему выводу: во время Второй мировой войны в Третьем рейхе работал суперагент советской разведки, которому удалось подобраться к Адольфу Гитлеру гораздо ближе, чем даже легендарному Штирлицу. В Москве его знали под псевдонимом Вертер. В Берлине называли по-другому — партай-генноссе Мартин Борман.

Скорее всего, так оно и было. Или близко к этому.

Но пока нет фундаментальных исследований о тайных пружинах Второй Мировой войне. Массовое сознание, отравленное дозволенными сказками маршалских мемуаров, противоречащих друг другу, еще долго обречено быть в плену штампов патриотического воспитания. Поэтому в обозримом будущем нельзя ожидать, что документы по этому вопросу будут открыты

ДЛЯ ЧЕГО ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ НУЖНА БЫЛА ПОБЕДА НАД ТОВАРИЩЕМ ГИТЛЕРОМ?

Главнокомандующий американскими войсками Эйзенхауэр, который в каждом воюющем видел не воинскую единицу, которой можно бездумно распоряжаться, а человека. Поэтому свои военные операции планировал так, чтобы максимально побережь живую силу и сни-

зять процент потерь. Не страдая от полководческих амбиций, Эйзенхауэр отказался от штурма Берлина.

Вот что пишет по этому поводу Ада Петрова в книге «Загадка смерти Адольфа Гитлера». М. 2004 (С. 39):

Когда Сталин получил сообщение Эйзенхауэра о том, что он не считал Берлин слишком важным военным объектом, то приказал маршалу Жукову вести наступательные действия на столицу Германии ускоренными темпами, не считаясь с потерями.

Маршал и без того ни солдат, ни офицеров не жалел, а при таком-то приказе... Страдающий комплексом неполноценности, из-за того, что всю жизнь приходилось скрывать социальное происхождение — отца царского урядника выдавать за крестьянина, как пишет в своих книгах Судоплатов, Жуков погнал пехоту по минированным полям Зееловских высот.

К ужасу Эйзенхауэра еще и хвастался: по его формуле победы процент гибели один и тот же — при разминировании и без него. Но зато какой выигрыш во времени! Американский военачальник таращил глаза на советского: неужели такой ценой советские маршалы оплачивают свои звания и ордена?

Сталин хотел совместить два праздника — Первомай и День Победы. Но нерасторопный Жуков к Первوماю не управился: войну не закончил. Из-за этого стране приходилось бы проводить два парада подряд.

Нападение Гитлера вернуло России имена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Русская Православная Церковь вновь обрела патриаршество. В захваченных немцами городах открывались храмы, а когда города освобождали, Сталин храмы закрывать не решался, чтобы не выглядеть в глазах народа хуже Гитлера.

Благодаря войне было открыто по стране 20 тысяч храмов. С досады Сталин после 1947-го года празднование Дня Победы отменил. Такая победа лично ему

не нужна. Была упразднена и Комиссия по истории войны, созданная еще в 1942-м году. А в год Победы такая Комиссия Сталину уже не понадобилась.

Зачем какая-то комиссия, если Сталин в истории войны так прямо и записал: неудачи первых дней войны и поражения из-за халатности Жукова и Тимошенко.

И что же, прикажете, не верить товарищу Сталину?

Студентам после войны, историкам, научным работникам, школьникам объясняли в книгах о халатности Жукова и Тимошенко. Катастрофу спасла мудрость Сталина, который гениально заманил, как Кутузов, немецкую армию вглубь России. И только кутузовский план сдачи Москвы у Сталина не вышел: Гитлер, вызывая недовольство генералов, передумал брать столицу СССР. Кавказская нефть ему, видите ли, была нужнее.

Мы только через полвека узнали число погибших — не 7 млн, как объявил Сталин. Сейчас их около 27 млн погибших. Но и эту пока, по-видимому, не окончательную цифру Сталин знал точнее нас...

Вместо праздника Победы затеял товарищ Сталин очередную личную войну — против евреев. Для него-то не утратило значения Генеральное Соглашение о полном и окончательном решении еврейского вопроса?

Теперь без Гитлера. Затеял охоту на космополитов, перевел стрелки на отравителей врачей и т.п. См. Вл. Николаев «Сталин, Гитлер и мы» (М.2002. С. 194):

Хрущев пересказывал Эренбургу свою беседу со Сталиным. Вождь наставлял: «Нужно, чтобы при выселении в подворотнях происходили расправы. Нужно дать излиться народному гневу». Играя в Иванушку-дурачка, Хрущев спросил: «Кого их?» — «Евреев», — ответил Сталин, наслаждаясь интеллектуальным превосходством. Утверждая сценарий, он распорядился «Доех-вать до места должно не более половины». По дороге предполагались «стихийные» проявления народного гнева — нападения на эшелоны и убийства депортируемых.

Уже завтра суд над врачами! Гитлер, умирая, завещал продолжить его войну с евреями. Сталин радостно перелистывает папки дел врачей в кабинете Кремля. Сработано на славу главное дело его земной жизни...

Но вот чего не умел и так и не научился генералиссимус — жить вечно. Смерть была внезапной и спасительной для миллионов. А случись смерть примерно на 30 лет раньше, возможно, и самой войны бы не было...

ЕСЛИ ЕСТЬ ЗАГАДКА, БУДЕТ И РАЗГАДКА...

Дело, как видим, не в яром антисемите Мартине Бормане. Дело в большой закулисной борьбе, в которой и он был бы всего лишь пешкой в руке Сталина.

Каким бы засекреченными разведчиком Борман в конце концов не оказался, дело не в нем, а в том, что тогда придется совершенно по-иному посмотреть на войну. На подготовку к ней и на ее начало, на множество непонятных пока событий в ходе войны.

Соотношение убитых у празднующих победу и жалких побежденных — четыре к одному. 26 миллионов убитых. А этого говорит о том, что воевали маршалы Сталина большой кровью и малым умением. И ни разу у них не получилось наоборот. Поэтому генералиссимус запретил военачальникам писать мемуары.

Виктор Астафьев говорил, что если бы эти миллионы наших отцов, братьев, дедов, одетых в форму Красной Армии и без всякой мудрой стратегии попросту выложить вдоль границы, немецкие танки и без войны бы не прошли, в ужасе увязнув в людской крови....

Города остались бы не разоренными и не знали бы оккупации, заводы бы по-прежнему работали, а недостающий народ возродился бы в мирной жизни.

По многим причинам настоящую книгу о войне еще никто не написал, хотя на подступах к военной теме есть несколько достойных имен во главе с Виктором Астафьевым. Мемуары маршалов, описывающих одни и те

же события, очень разнятся между собой. Особенно при подсчете погибших в той или иной операции.

Не зри, видимо, Сталин запретил своим маршалам писать воспоминания. Но для будущих писателей об этой войне, организованной Сталиным и Гитлером, надо собирать факты и сведения, которые в будущем прольют совершенно иной свет даже на известные события.

Часто совершенно далекие от событий люди бывают носителями случайно доверенных им тайн. Даже так, живет, скажем, в Одессе семья. Ее семейные предания совершенно неожиданно оказываются настолько крепко привязаны к истории, прямо-таки вписаны в нее, составляя содержание исторических событий.

Довелось услышать о зверствах фашистов в небольшом еврейском городке Голта на юге Украина, известный как Первомайск, где издавна поселились евреи.

В толстенном томе «Истории Второй Мировой войны» (М. 1956) Типельскирх в главе «Бои за «Линию Сталина» пишет о событиях, связанных с семьей (С. 183):

...2 августа севернее Первомайска выдвинувшийся далеко перед южный фланг 17-й армии соединился с головными частями танковой группы. Окружение было завершено. К 8 августа группировка в районе Первомайск, Новоархангельск, Умань, была ликвидирована. Это были значительные силы 6-й и 12-й русской армий с семью корпусными штабами, пятнадцатью стрелковыми и пятью танковыми дивизиями. В сводке германского верховного командования от 8 августа сообщалось, что немцы взяв плен 103 тыс. человек, в том числе двух командующих армиями, захватили 317 танков и 858 орудий...

Тремя колоннами немецкая армия проследовала через Первомайск по своим ратным делам, а по дворам одноэтажного города с немецкой аккуратностью пошли те отряды уничтожения, которые ходили от двора к двору со

списками евреев, по которым выгребали обреченных по замыслу Гитлера и разработкам Бормана.

Члены семьи, рассказавшей это, были поражены всезнайством немецких солдат. В их списках числилась девочка (ей было 6 лет в то время, фамилию и имя ее я знаю), которую увезли в Донбасс. О ней, по своим причинам не знали и некоторые члены многочисленной семьи, поскольку то ли девочка была рождена вне брака, то ли ее отец оказался врагом народа и ее прятали, но девочки в наличии в Голте не было, а по спискам ее искали!

В семье предполагали, что списки были составлены в горсовете. Перед войной Сталин расстрелял всех участвовавших во всесоюзной переписи населения. В чем уж они провинились перед ним? Возможно, кто-то из них передал немецкой разведке списки? Это была обычная семейная история, которую родственники время от времени, собравшись, вспоминают: «А помнишь?..»

Неожиданное продолжение по поводу списков подлежащих к уничтожению евреев всплыло на Международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне.

На стенде «Берлинской газеты» лежал ее свежий выпуск [№ 10 (14) октябрь 2003]. В интервью с известным кинопродюсером Германии «Жизнь и кино Артура Браунера» беседовавший с ним Юрий Векслер расспрашивал его о фильмах «Жизнь прекрасна» и «Поезд жизни» Микаэляну. Длинная цитата стоит того, чтобы ее привести. Артур Браунер отвечал на поставленный вопрос:

— Это фильмы-фантазии с элементами сатиры. Конечно, можно снимать и так, рассказывая об этом времени. Но это не воспоминание о жертвах. Про такие картины можно сказать: прекрасная идея, хорошо сделано, но это не то, что следует показывать, потому что, хотя бы авторы этого или нет, такие фильмы затуманивают ужас, творившийся тогда, ту бесчеловечность, с которой один народ — до зубов вооруженный — хотел истребить другой, беззащитный. Уничтожить до последнего ребенка...

Ведь было убито полтора миллиона детей. Такого еще не было в истории. Надо, чтобы люди могли себе это представить. Порядочные люди в Германии тоже хотят правдивого изображения событий тех лет, они хотят знать, что происходило. Этот интерес есть и у молодых немцев. Они спрашивают у дедушек и бабушек, почему это произошло. Другое дело, получают ли они удовлетворительные ответы.

— Была ли у вас мысль снять картину о сталинских преступлениях против евреев?

— Это особая статья. С моим мнением, я думаю, не все согласятся, но я всегда старался иметь собственное мнение и не брать суждений напрокат. Здесь для меня важно одно сравнение. Гитлер убил множество евреев по всей Европе. И сделал это с такой дисциплинированностью, организованностью, какой мир до него не видел. Уже 15 мая 1941 г., в день, когда Гитлер принял решение начать войну против СССР, руководители всех подразделений армии были снабжены картами, на которых было указано число евреев в каждом населенном пункте СССР с необходимым числом солдат для их уничтожения в каждом отдельном случае. То есть были разработаны подробные рекомендации по массовому убийству советских евреев. И были описаны варианты уничтожения, которые в нормальном мозгу не укладываются. Поэтому я говорю: все, что сделал Сталин, он сделал в своей стране. Он истреблял как евреев, так и не евреев. С евреями это казалось необъяснимым, потому что евреи его всегда поддерживали. Много евреев было и в окружении Сталина, и в высших эшелонах власти...

Сопоставив упоминание в интервью о списках евреев, выданные 15 мая 1941 года руководителям всех подразделений вермахта, и списках подлежащих уничтожению евреев в СССР, с семейной легендой из Голты о списках, невольно задумаешься: кто составлял для немецкой армии карты еврейских поселений и списки?

Когда их успела составить немецкая разведка?

Если 15 мая руководителям того подразделения, которое оказалось 8 августа 1941-го года в Первомайске выданы списки подлежащих уничтожению евреев, то откуда у них уверенность, что они прорвут оборону «Линии Сталина», что их не отбросят еще на границе?

Со списками уничтожения, даже если они составлялись в рамках Генерального Соглашения, можно идти на войну только в полной уверенности, что твоему подразделению дадут свободно дойти до нужных городов с еврейским населением, несмотря на «Линию Сталина».

* * *

В Берлине к 60-летию Победы над тем вариантом социализма, который предложил человечеству Гитлер, открыт необычный памятник Холокосту.

Стоящие невысокие мраморные плиты, между которыми можно человеку пройти, чтобы прочитать имена шести миллионов евреев, погибших в Холокосте.

Примерно третья часть погибших — из списков, которые Гитлер вручал своему воинству 15 мая 1941-го года перед их походом на Советский Союз с твердой уверенностью, что они дойдут до тех городов в Белоруссии, на Украине, в Прибалтике, где компактно проживали евреи. Есть в списках и погибшие из украинской Голты.

И при огромной скорби — светлым грустным лучом живительная мысль о том, что из людоедского списка, в котором девочка была помечена на уничтожение, на мрамор не перешло имя той веселой зеленоглазой умницы из Первомайска, которая жива и сегодня. Она дала жизнь двум прекрасным детям — девочке и мальчику...

* * *

А с Мартином Борманом история разберется.

Поскольку он был всего лишь пешкой в большой и сложной игре, то и разберется с ним не раньше, чем разберется со всеми главными фигурами истории XX века...

Содержание:

Борис Тартаковский

Мартин Борман — агент советской разведки 3

Бронислав Горб

*Побег Мартина Бормана в трѣх различных
направлениях одновременно*155

Редактор-составитель Бронислав Горб
Художник Пѣтр Белов
Дизайн и верстка Валентина Кладинова

Формат 70x100/32
Москва, Издательский дом «УЛИСС МЕДИА»
Отпечатоно с оригинал-макета
Агентства информационных технологий
«Комерческий шпионаж»
Тел. (095) 917 0725, факс (095) 917 5312.
E: mail: komvestar@mail.ru